

05
к-47

ж-15943

ЖЛАДЪ

ЖУРНАЛЪ
ПОЛЕТИКИ, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

1907 г. — Книга 5-я.

Безплатное приложение
къ иллюстрированному журналу и газетѣ
„РОДИНА“

1907 г.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 книги въ годъ).

ИЗДАНИЕ А.А.КАСПАРИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЛИГОВСКАЯ УЛ. СОб. Д. 114 и СаДОВАЯ УЛ. 20
МОСКВА, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНИИ.

КЛАДЪ

Журналъ
политики, общественной жизни, народнаго хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

Книга 5-я—1907 г.

Издание А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114

Ж 15943

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспари),
Спб., Лыговская ул., соб. д., № 114.

Катастрофа въ Думѣ.

Иллюстрація момента.

Произошло событіе — ничтожное, мелкое по своему существу, но шумно знаменательное по своей вѣщности: въ Таврическомъ дворцѣ за нѣсколько часовъ до очереднаго засѣданія думы произошелъ обвалъ потолковъ. Къ счастью, никто изъ людей не пострадалъ, но залъ думскихъ засѣданій оказался разрушеннымъ. Обвалились четыре длинныхъ полосы потолка надъ самымъ центромъ и лѣвый уголъ. Штукатуркою, балками и обшивкою потолка засыпаны мѣста членовъ государственной думы центра и лѣвой части залы, но задѣта и нѣкоторая часть правыхъ мѣстъ. Уцѣлѣли люстры по краямъ зала. Остались цѣлы ложи журналистовъ, трибуна председателя, ложа министровъ и членовъ государственнаго совѣта. Перековерканы и переломаны люстры электрическаго освѣщенія.

Дума засѣдала послѣ этого провала въ т. наз. Кругломъ залѣ, т. е., въ прихожей предъ заломъ думскихъ засѣданій. Въ этомъ случаѣ она заявила себя думою мужественною. Врядъ-ли какое другое парламентское учрежденіе могло бы работать при такихъ условіяхъ. Знаменитое: „засѣданіе продолжается“ президента французскаго парламента Дююи, сказанное послѣ взрыва бомбы, даже въ сравненіи идти не можетъ съ засѣданіемъ русской думы 2-го марта.

Но тѣмъ не менѣе государственные выборы оказались настолько нервно настроенными, что засѣданіе было весьма коротко и пренія ограничились лишь обсужденіемъ даннаго печальнаго случая. Назначенное на этотъ день чтеніе деклараціи не состоялось. Не состоялся и докладъ председателей отдѣловъ по провѣркѣ выборныхъ полномочій, но зато, несмотря на печальную обстановку, произошла легенькая схватка между правыми и лѣвыми. Засѣданіе закончилось принятіемъ резолюціи, предложенной партіей народной свободы: „поручить избранной думою комиссіи подыскать надежное мѣсто для засѣданій думы“. Послѣ принятія этой резолюціи засѣданіе было закрыто.

По сообщенію „Освѣд. бюро“, залъ можно привести въ порядокъ настолько, чтобы производить засѣданія, уже къ 7-му марта.

Конечно, въ настоящее время нѣтъ еще возможности опредѣлить причины катастрофы, но все-таки можно думать, что произошелъ только несчастный случай.

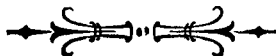
Инженеръ Юреневъ, депутатъ отъ Черниговской губерніи, сказалъ, между прочимъ, что нѣтъ ни техническихъ, ни физическихъ средствъ, при помощи которыхъ можно было-бы нарочно устроить такой обвалъ. По мнѣнію предсѣдателя думы, если здѣсь кого и винить, то преступную небрежность строителей.

Во время засѣданія государственной думы выборный Долженковъ, бывшій депутатъ первой думы, сказалъ слѣдующее:

— Зданіе думы должно быть непременно передано въ вѣдѣніе думы. Еще въ прошломъ году была избрана коммиссія для приѣма зданія. Я былъ участникомъ этой коммиссіи и тогда еще наша коммиссія не скрывала отъ строительной коммиссіи, что потолокъ не надеженъ. Указывали также на то, что во второмъ этажѣ зданія можетъ легко провалиться потолокъ. Мы, собираясь во второмъ этажѣ, въ прошломъ году сознавали, что должны съ осторожностью относиться къ этому помѣщенію. Значитъ, — возвысилъ голосъ ораторъ, — еще въ прошломъ году строительная коммиссія знала, что потолокъ плохъ. А, между тѣмъ, на перестройку зданія, если я не ошибаюсь, ассигновано было 900 тысячъ, рублей.

Само собою разумѣется, что катастрофа въ Таврическомъ дворцѣ породила въ столицѣ тревожные слухи о томъ, что сдѣлана была попытка взорвать нашъ парламентъ и публика, встревоженная въ послѣдніе дни слухами о роспускѣ думы, готова была этому повѣрить. Газеты отмѣчаютъ по этому поводу, что исторія знаетъ случай только одинъ попытки взорвать парламентъ. Это было въ Англіи въ царствованіе короля Іакова I Стюарта въ 1605 году. Когда этотъ король вступилъ на престоль, католики, пользовавшіеся покровительствомъ Іакова I, въ бытность его шотландскимъ королемъ, рассчитывали на его поддержку и въ Англіи. Однако, король не оправдалъ ожиданій католиковъ и они рѣшили погубить его во время открытія парламента, взорвавъ парламентъ порохомъ, рассчитывая, что во время взрыва погибнуть вмѣстѣ съ королемъ и его семья, а также важнѣйшіе сановники. Но заговоръ былъ открытъ въ послѣднюю минуту, и, такимъ образомъ, по благочестивому выраженію англичанъ, „рука Всевышняго спасла короля и его народъ“.

Русскій народъ имѣетъ такое-же право сказать, что рука Всевышняго спасла его представителей отъ той ужасной катастрофы, которая могла-бы разыгратъ, если-бы гнилыя балки провалились какъ разъ во время засѣданія. Пусть это будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ для народныхъ представителей и самой идеи народного представительства на Руси.

ОКОЛО ДУМЫ.

Статья А. И. Красничаго.

Въ Таврическомъ дворцѣ—сфинксъ... да, да, именно—сфинксъ; такое впечатлѣніе производитъ собою дума второго призыва. Она—дума, существуетъ очень недолго—всего только дни, а, между тѣмъ, успѣла выдвинуть въ жизнь не одну уже загадку... Въ то время, какъ первая дума съ перваго момента своего существованія опредѣлила себя, о второй думѣ пока ничего еще сказать нельзя.

Цифры показываютъ, что собравшаяся дума „сѣровая“—въ этомъ одновременно и опасность, и ея преимущества. „Сѣрость“ думы какъ-будто указываетъ на то, что въ Таврической дворцѣ собрались люди практической складки, а не звонкой отвлеченности. Такіе люди миражемъ увлекаться не будутъ, а будутъ дѣлать дѣло по крайнему своему разумію. Ихъ не удастся сбить съ толка завзвонистыми фразами, но въ то-же время, именно въ силу своей практичности, они слишкомъ мало доступны склонности къ подвигу, даже тогда, когда онъ необходимъ. Если смотрѣть на думу съ этой точки зрѣнія, то отъ нея можно ждать работы именно въ желательномъ для Россіи направленіи.

Открытіе думы ознаменовалось многими безтактностями, которыя были-бы немислимы, если-бы петербургская чернь была въ состояніи уловить значеніе момента, понять его существо.

Въ самомъ дѣлѣ, кому нужны были всѣ эти идіотскія манифестаціи, происшедшія на улицахъ Петербурга въ знаменательный день 20-го февраля? Никомъ образомъ на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе народныхъ чувствъ, на выраженіе протеста. Несчастная красная тряпка давно уже надѣла массамъ точно такъ-же, какъ всякіе: „Вставай-подымайся“, „Варшавянка“, „Вы жертвами пали“ и пр. дребедень. Все острое и пряное пріѣдается очень скоро. Теперь, послѣ полутора лѣтъ, всѣ такія манифестаціи являются уже не выраженіемъ протеста, а ни болѣе, ни менѣе, какъ уличнымъ озорствомъ. Отъ нихъ получается такое впечатлѣніе: вообразили люди, что въ данный моментъ можно безнаказанно нарушать общественную тишину и порядокъ, и стараются во-всю,—только и всего.

Столь-же безтактно и положительно не умно было поведеніе одного изъ депутатовъ въ знаменательный день 20-го февраля. Этотъ, очевидно, недалекій господинъ взобрался вблизи думы на плечи нѣ-

сколькихъ „сознательныхъ“ идіотовъ и съ такой своеобразной трибуны обратился къ „народу“ съ рѣчью о „тактикѣ большевистской фракціи социаль-демократической партіи“. Гдѣ былъ въ это время г. Ленинъ? вѣдь, его прямою обязанностью, въ качествѣ вождя большевиковъ, было поучить уму-разуму этого „товариш-ша“. А то вышло и глупо, а для политической партіи и унизительно.

Должно сказать, что въ думу этотъ господинъ попалъ въ полномъ смыслѣ по милосердію „ка-детовъ“. Они великодушно уступили одно мѣсто петербургскимъ рабочимъ, на выборахъ баллотировавшимъ противъ нихъ; и вотъ рабочіе и наградили думу такой прелестью, какъ этотъ представитель „сознательнаго пролетаріата“.

Но представитель петербургскаго „сознательнаго“ пролетаріата оказывается не единственнымъ въ своемъ родѣ. Еще до дня открытія думы нѣкоторые депутаты поспѣшили использовать свою депутатскую неприкосновенность въ откровенно революціонныхъ цѣляхъ. Въ „Симбирскихъ Вѣстяхъ“ помѣщено подробное описаніе того, что въ этомъ смыслѣ продѣлали симбирскіе депутаты, г. Кузнецовъ и пять его товарищей. Они раздѣлили губернію на шесть округовъ, каждый изъ которыхъ былъ препорученъ соотвѣтствующему депутату. Объѣзжая округъ, депутатъ собиралъ сходы, объявлялъ имъ свои депутатскія полномочія и говорилъ такіа, напримѣръ, рѣчи: „дума должна поставить вопросъ объ измѣненіи формы правленія“, „вся сила думы въ силѣ народа“, „освободить родину можетъ только рѣшительная борьба народа съ правительствомъ“.

Вышеприведенныя безтактности рельефно характеризуютъ данный моментъ. Въ думѣ большевики ведутъ себя тоже безтактно, то и дѣло выскакивая впередъ съ требованіемъ амністіи, что даже пресловутые „эсъ-эры“ признають преждевременнымъ.

Въ то-же самое время правые, отъ которыхъ только и ждали, что скандаловъ въ первыя три засѣданія думы, вели себя болѣе, чѣмъ прилично, и вкупѣ съ октябристами показали себя болѣе парламентаріями, чѣмъ даже пресловутые „ка-деты“, оставшіеся сидѣть въ тотъ моментъ, когда при открытіи думы послѣдовало сообщеніе о пожеланіяхъ Государя Императора. Октябристы и правые выслушали эти пожеланія стоя и отвѣтили на нихъ привѣтственнымъ кличемъ. Изъ „ка-детовъ“ же приподнялся, постоялъ и опять сѣлъ одинъ только полу-русскій, полу-европеецъ П. Б. Струве, получившій послѣ этого въ газетахъ лѣваго лагеря кличку: „Ванька-встань-ка“. Неприличіе этой выходки какъ-будто поняли потомъ и сами „ка-деты“, высказывавшіе вертлявыя оправданія въ своихъ газетахъ.

При избраніи думскаго президіума допущена была уже не безтактность, а истинная несправедливость, вѣрнѣе сказать, насиліе—

въ президіумѣ не дано было ни одного мѣста правымъ партіямъ, чѣмъ эти послѣднія лишены возможности сноситься съ председателемъ думы черезъ своего представителя, а, вѣдь, правые, по численности, вовсе не безразличная величина въ думѣ. Такимъ образомъ, „ка-деты“ и лѣвые показали себя предъ всей Россіей такими-же насильниками, какъ и ихъ антиподы—пресловутые бюрократы. А это не слѣдовало-бы дѣлать, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: для тѣхъ, кто борется противъ насилія, право и правда должны быть священны.

Изъ всѣхъ лѣвыхъ группъ—„ка-детовъ“, народныхъ-соціалистовъ, трудовиковъ и соціалъ-демократовъ, — соціалъ-революціонеры, какъ это свидѣтельствуеетъ даже „Нов. Вр.“, единственные, которые стоятъ за то, чтобы провѣрка полномочій была произведена съ полной безпристрастностью и справедливостью. Про г. Крушевана они прямо говорятъ, что его необходимо оставить въ г. думѣ, хотя-бы и были малѣйшіе поводы для кассациі выборовъ, уже потому, что г. дума, въ случаѣ его инвалидаціи, можетъ повлечь на себя подозрѣніе въ пристрастности.

Нѣкоторые соціалъ-революціонеры говорятъ, что они согласны пойти на добровольный, справедливый для обѣихъ сторонъ выкупъ земли, такъ какъ ихъ избиратели прямо имъ заявили: „лучше землю золотомъ купить, чѣмъ кровью“... Эта партія „эсъ-эровъ“ стоитъ за устраненіе всѣхъ причинъ, которыя могутъ способствовать роспуску г. думы, и потому-то они вмѣстѣ съ другими лѣвыми партіями дѣйствовали противъ соціалъ-демократовъ, когда тѣ хотѣли внести предложеніе объ амнистіи. Теперь соціалъ-революціонеры, также вмѣстѣ съ лѣвыми, вносятъ законопроектъ объ амнистіи въ думу, хотя, по ихъ словамъ, они не увѣрены въ осуществимости такого законопроекта, такъ какъ право амнистіи, даже по ихъ взгляду, принадлежитъ всецѣло Верховной власти. Какія дѣйствительныя желанія соціалъ-революціонеровъ и какъ имъ удастся вліять въ смыслѣ сдержанности на своихъ лѣвыхъ друзей,—покажетъ недалекое будущее.

Нельзя не отмѣтить, что среди крестьянскихъ депутатовъ сильное броженіе. Многіе изъ нихъ, дѣйствительные крестьяне, называютъ себя „шатаками“ и не знаютъ, къ какой партіи имъ примкнуть. Эти крестьяне—лѣвые, когда дѣло касается принудительнаго отчужденія земли, которую они думаютъ получить даромъ, безъ всякаго выкупа,—и правые, когда вопросъ идетъ о еврейскомъ вопросѣ, отдѣленіи окраинъ и т. д.

Первая дума имѣла противъ себя только одного противника: бюрократію, второй — должно отбиваться и отъ враговъ, и отъ

„друзей“. Послѣдніе, какъ и всегда, опасяте первыхъ. Несмотря на нѣкоторыя безтактности, новая дума обѣщаетъ быть работоспособной. Работоспособная дума очень скоро прерветъ народную смуту, а это совсѣмъ не по сердцу ея творцамъ. Въ смутные дни они кажутся, какъ сыръ въ маслѣ, и вотъ около думы уже развилась „свистопляска провокаціи“. Дума въ свои первыя три засѣданія не сдѣлала ни одного шага, который приблизилъ-бы ее къ разгону. Предсѣдателю думы удалось весьма ловко обойти всѣ большевистскіе подвохи, а, между тѣмъ, въ газетахъ, приспособившихся къ лѣвому лагерю, находимъ такое извѣстіе:

„Надъ госуд. думой нависаютъ темныя тучи. Въ общественныхъ кругахъ, до которыхъ доходятъ отголоски настроеній высшихъ сферъ, воцарилось уныніе. Толки о роспускѣ думы становятся все настойчивѣе и настойчивѣе. Реакція двинула противъ думы всѣ свои силы. Побѣда начинаетъ склоняться на ея сторону. Оппозиція, защищающая думу, оказалась слабѣе. Горячихъ, искреннихъ сторонниковъ народного представительства среди бюрократовъ немного. Они утопаютъ въ могучей лавѣ реакціи. Сейчасъ они отдають въ безсильной борьбѣ свои послѣднія силы. А лавина реакціи ползетъ все шире и шире... Настроеніе кругомъ угнетенное, подавленное. По слухамъ, по роспускѣ думы будетъ тотчасъ созванъ земскій соборъ“.

Мысль о созывѣ земскаго собора не нова и болѣе того, съ своей стороны мы скажемъ, что, по нашему глубочайшему убѣжденію, земскій соборъ долженъ былъ-бы предшествовать не только созыву думы, но и самому учрежденію ея; мало того, само „17-е октября“, по нашему мнѣнію, должно было-бы быть послѣдствіемъ земскаго собора. Но говорить то, что сказано въ вышеприведенной замѣткѣ, тогда, когда дума, да еще вторая, только что собрана и только что начинаетъ дѣйствовать, это значитъ, подстрекать кого-то противъ думы, натравливать кого-то на кого-то, то есть, дѣйствовать въ интересахъ смуты, а не въ интересахъ умиротворенія. Поменьше-бы такихъ кассандръ изъ лѣваго лагеря—и воздухъ въ Россіи гораздо былъ-бы чище.

Въ другой газетѣ появилось сообщеніе, которое кажется завѣдомой ложью, насмѣшкой, но такъ какъ оно до сихъ поръ остается неопровергнутымъ, то положительно приходится стать втупикъ,— что оно знаменуетъ собою: сонъ или явь! Въ газетѣ передается бесѣда съ однимъ очень виднымъ думцемъ, популярность котораго положительно всероссійская. Этотъ думецъ будто-бы сказалъ:

— Мы будемъ требовать всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права! Достигнувъ осуществленія такого права, мы создадимъ въ Россіи, въ виду территоріальныхъ ея условій, не одну

государственную думу въ Петербургѣ, а цѣлый рядъ парламентовъ во всѣхъ областяхъ и городахъ страны. Эти парламенты, разрѣшая всѣ мѣстные экономическія и общественныя нужды, пошлютъ отъ себя по два депутата отъ каждой въ центральный парламентъ въ Петербургѣ. И эти посланные будутъ, на самомъ дѣлѣ, лучшими людьми страны, истинными представителями народа.

Чувствуете-ли вы, что такое этотъ проектъ? Вѣдь, это идетъ гораздо дальше, чѣмъ всѣ столь нашумѣвшія въ послѣднее время автономіи! Вѣдь, здѣсь говорится ни болѣе, ни менѣе, какъ объ образованіи Соединенныхъ Штатовъ Всероссийскихъ, т. е., авторъ идетъ гораздо далѣе того, о чемъ мечтаютъ современные „истинно-лѣвые“. Онъ стоитъ около идеала народоправства, такой его формы, которая обезпечиваетъ странѣ вѣрнѣйшее благоденствіе, какъ убѣдился въ этомъ весь міръ изъ примѣра Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. А знаете, кто высказалъ такія мысли?—Паволакій Александровичъ Крушевандъ. Ну-ка, г.г. Ленины, Плехановы Милуковы, — уронитесь-ка за нимъ! Вы объ этомъ и мечтаете не смѣете, а онъ говорить открыто.

Говорятъ, что г. Крушевана вытѣснять изъ думы при проверкѣ депутатскихъ полномочій. Это будетъ еще новою безтактностью, еще новымъ доказательствомъ того, что для „ка-детскаго“ большинства думы само слово „право“—пустой звукъ, не болѣе того.

Въ ожиданіи.

Тѣмъ беспросвѣтной скоро-ль конецъ?
 Скоро-ли солнце взойдетъ?
 Съ родины милой терновый вѣнецъ
 Скоро-ль спадетъ?
 Богъ всемогущій ужели забылъ
 Нашъ обзодоланный край?
 Сколько повсюду безвѣстныхъ могилъ,
 Ты сосчитай!
 Тутъ убіенный... Глѣбный тотъ прахъ
 Кто вспомянетъ?
 Спитъ тутъ голодный. Снѣ умеръ въ слезахъ
 Силенъ былъ гнѣтъ!
 Сколько уснуло, счастье-ли всѣхъ васъ?
 Царствуетъ зло!
 Спите, безвѣстные! счастье-ли всѣхъ васъ?
 Солнце взошло!

А. Лавскій.

Первыя засѣданія второй госу- дарственной думы.

Открытіе новой сессіи г. думы произошло при гораздо болѣе скромной обстановкѣ, чѣмъ въ прошломъ году, когда самъ Государь привѣтствовалъ первыхъ народныхъ избранниковъ-депутатовъ перваго русскаго парламента. Привѣтственное слово г. думѣ было произнесено въ этомъ году отъ лица Монарха д. т. с. Голубевымъ.

Передаемъ, по сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, подробности этого историческаго засѣданія.

Публика въ текущемъ году, благодаря сдѣланнымъ въ Таврическомъ дворцѣ переустройствамъ, совершенно отдѣлена отъ депутатовъ и ни въ кулуарахъ, ни въ буфетѣ не было прежней толпы. Изъ дамъ, которыхъ прежде въ Екатерининскомъ залѣ было всегда очень много, теперь видѣлись лишь двѣ-три корреспондентки, да мелькали черныя платья стенографистокъ.

Ровно въ полдень въ Екатерининскомъ залѣ началось молебствіе, которое совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Антоній въ сослуженіи съ епископами Платономъ и Евлогіемъ (членами думы), архимандритами Меодіемъ и Діонисіемъ и мѣстнымъ духовенствомъ дворцовой церкви. Шѣлъ хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ. Предъ многолѣтіемъ митрополитъ произнесъ слѣдующее слово:

„Возлюбленная братія о Христѣ. Сегодня среди насъ, собравшихся здѣсь для строенія дѣла Государева, по Его Монаршей волѣ, мы мысленно переносимся къ началу христіанской исторіи, когда Господь Самъ избралъ Себѣ помощниковъ, которымъ Онъ поручилъ апостольское служеніе. Господь призвалъ изъ нихъ 12; когда изъ этого апостольскаго числа, избраннаго Господомъ, выбылъ Іуда, тогда уже сами апостолы, послѣ него, замѣнили его и избрали на такихъ условіяхъ: „Изберемъ,—говорили они,—одного изъ тѣхъ, которые находились всегда съ нами и обращались среди насъ, начиная со дня крещенія Іисуса до того дня, когда Господь вознесся, чтобы онъ былъ, вмѣстѣ съ нами, свидѣтелемъ Христова Воскресенія“. Такимъ образомъ, апостолы не прямо избрали кого-нибудь на дѣло своего служенія: они избрали лицо, которое знало жизнь Христа, Его ученіе, которое было свидѣтелемъ всѣхъ Его великихъ

божественныхъ дѣлъ и призывалось съ тѣмъ, чтобы быть свидѣлемъ, проповѣдникомъ Его ученія. Такимъ образомъ, если примѣнить эти великія начала къ этимъ избраннымъ людямъ, которые призваны теперь для рѣшенія дѣлъ и устройства блага и счастья дорогой нашей родины, намъ требуется: 1) исторія—подготовка историческихъ серьезныхъ знаній—тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ росло и крѣпло русское государство. вмѣстѣ съ тѣмъ, надо носить въ сердцѣ твердое представленіе о томъ, зачѣмъ пришли, что призваны дѣлать. Апостолы избрали тѣхъ, которые должны были свидѣтельствовать о Воскресеніи Христовомъ, вы, избранники, призваны къ тому, чтобы свидѣтельствовать по чести, какъ предъ Богомъ, по совѣсти и правдѣ о нуждахъ нашей родины. Нужно устремить все свое пониманіе на то, чтобы усвоить всѣ начала, которыя могутъ служить на пользу дорогой родинѣ.

„Благо родины понимается различно различными людьми.

„Вѣдь, Господь воскресшій различно являлся Своимъ ученикамъ. Нѣкоторымъ Онъ являлся въ видѣ виноградаря, въ видѣ путника; иные готовы были принять Его за призракъ, а иные даже выражали недостаточную вѣру въ то, что Онъ воскресъ. Но внимательное отношеніе къ явленію Христа, къ Его рѣчамъ укрѣпляло вѣру, и всѣ утверждались въ ней.

„Итакъ, примѣняя это положеніе къ настоящему собранію и къ открытію предстоящихъ засѣданій думы, я примѣняю его къ этому дѣлу, не входя въ задачи чисто политическаго свойства предстоящей думы, которыхъ я и не знаю и не имѣю для этого достаточной подготовки,—я молюсь, чтобы Господь услышалъ молитвы наши, чтобы Господь всѣмъ избранныкамъ народнымъ помогъ обращать вниманіе не на то, чтобы побѣдить своихъ противниковъ, а на то, чтобы работать на благо всѣмъ.

„Никогда не надо забывать въ минуту разгоряченнаго спора этой существенной коренной стороны: думать только о томъ, на какой сторонѣ будетъ побѣда, — это вредно сказывается на томъ дѣлѣ, ради котораго созвана дума. Итакъ, не на споры надо обращать вниманіе, а на иное; надо усилиться работой, изученіемъ дѣла, нужно понять истинныя основы жизни и блага родины нашей и, не споря, приступить къ работѣ, рассматривая тѣ дѣла, какія будутъ представляться думѣ. Совершая настоящее моленіе, я закончу свою рѣчь молитвеннымъ пожеланіемъ:

„И да будетъ предстоящая дума государственною, на которую весь народъ смотритъ съ упованіемъ, не шумливой и говорливой, но да будетъ она думой вдумчивой, думающей, разумной работницей. Да благословитъ васъ Господь на такое святое дѣло!“.

По провозглашеніи многолѣтія Государю Императору, Царствующему Дому и народнымъ представителямъ, по требованію присутствующихъ пѣвчими былъ исполненъ народный гимнъ, затѣмъ повторенный и покрытый кликами „ура“.

„Столичная Почта“ даетъ описаніе пребыванія кабинета министровъ въ государственной думѣ на первомъ ея засѣданіи.

Весь кабинетъ представлялъ нѣмую сцену. Подъ перекрестнымъ огнемъ депутатовъ, съ интересомъ наблюдавшихъ за ними съ депутатскаго балкона, неподвижно и серьезно, нахмурившись, стояли министры. Что они думали и чувствовали въ этотъ моментъ? Почти всѣ министры стояли въ недвижимой позѣ, опустивъ глаза.

Рѣзко выдѣлялась фигура П. А. Столыпина. Онъ сильно опустился, слегка поскѣблѣ и потерялъ ту молодцоватость, съ которой онъ являлся въ первую думу. Все время молебна онъ стоялъ, какъ-бы застывши, со строгимъ и холоднымъ выраженіемъ и съ нахмуренными бровями и сложенными на животѣ руками. Повременамъ онъ истово крестился.

Изрѣдка онъ вскидывалъ глаза на депутатскій бадконъ и тотчасъ-же опускалъ ихъ. Тамъ онъ не встрѣчалъ во взорахъ ни восторга, ни одобренія. Въ кулуарахъ уже циркулировали интересныя свѣдѣнія о П. А. Столыпинѣ. Онъ наканунѣ подъ сильной охраной пріѣхалъ въ Таврической дворецъ, внимательно осмотрѣлъ его и занялъ квартиру, въ которой въ прошломъ году жилъ чиновникъ Неклюдовъ. Здѣсь онъ и заочевалъ.

Безпечно, но тоже серьезно, стоялъ впереди всѣхъ г. Кауфманъ (министръ народнаго просвѣщенія), рядомъ съ д. т. с. Голубевымъ, на лицѣ котораго, по обыкновенію, не было никакого выраженія.

Растерянно угрюмо стоялъ, тоже въ переднемъ ряду, г. Щегловитовъ, министръ юстиціи. Онъ весь какъ-то вошелъ въ себя съ самаго начала, да такъ и остался въ этой позѣ.

Г. Шванебахъ (государственный контролеръ) тоже, по обыкновенію, былъ холодно-вызывающъ.

А рядомъ маленькій Коковцевъ (министръ финансовъ), весь блѣдный отъ затаеннаго волненія, выглядѣлъ еще меньше рядомъ со стройнымъ ген.-ад. Фредериксомъ (мин. Императорскаго двора), который мало, повидимому, волновался.

Маленькія фигуры адм. Дикова (морского министра) и г. Шауфуса (министра путей сообщ.) совсѣмъ терялись. Синодскій Извольскій (оберъ-прокуроръ св. синода) вообще былъ безстрастенъ. Спокойнѣе другихъ былъ г. Философовъ (министръ торговли). И единственный, который совсѣмъ не волновался, а чувствовалъ себя, повидимому, превосходно—это былъ кн. Васильчиковъ (главноуправ-

ляющій землеустройством). Онъ все время перекидывался замѣчаніями съ рядомъ стоявшими товарищами министровъ и часто улыбался. Министры были окружены сплошной стѣной чиновниковъ, которые составляли не менѣе трехъ четвертей публики, слушавшей молебень.

Послѣ молебствія депутаты стали наполнять залъ (соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры вошли въ залъ уже послѣ рѣчи д. т. с. Голубева).

Въ 1 ч. 4 м. на трибуну предсѣдателя взомель товарищъ предсѣдателя государственнаго совѣта д. т. с. Голубевъ въ сопровожденіи государственнаго секретаря барона Иксуль-фонъ-Гильденбандта и чиновника государственной канцеляріи. Государственный секретарь прочелъ Высочайшій указъ о возложеніи на д. т. с. Голубева порученія открыть государственную думу. Затѣмъ г. Голубевъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Возложивъ на меня почетное порученіе открыть засѣданіе государственной думы, изъ состава избранныхъ отъ населенія въ 1907 г. членовъ ея, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ прочесть отъ Высочайшаго Его имени членамъ думы Его пожеланіе: „Да будутъ съ Божьей помощью труды ваши въ государственной думѣ благотворны для блага дорогой Россіи“.

Въ тотъ моментъ, когда д. т. с. Голубевъ произнесъ Высочайшее Имя, правая четверть думы, приблизительно человекъ 100—110, дружно встала и продолжала слушать дальнѣйшую часть рѣчи стоя. На крайнемъ ихъ флангѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоящіе отдѣлялись отъ сидящихъ, вырисовывалась крупная фигура М. А. Стаховича. Дальше, тамъ, гдѣ сидятъ „ка-деты“, движенія не произошло. Только два „ка-дета“, гг. Струве и Булгаковъ, нерѣшительно поднялись со своихъ мѣстъ, оглядѣлись кругомъ, сконфузились и медленно заползли обратно въ свои кресла. Въ ложѣ журналистовъ, наполненной ярко радикальными элементами, послышался свистящій шепотъ: „Струве... Струве... Булгаковъ и Струве... Каково?“.

По окончаніи рѣчи д. т. с. Голубева, съ крайней правой раздался голосъ государственнаго выборнаго Крупенскаго (прав.): „Да здравствуетъ Государь Императоръ!“. Справа раздалось „ура“, раза три громко и дружно. Лѣвая хранила мертвое молчаніе.

До засѣданія ходили тревожные слухи о томъ, что лѣвые будто-бы собираются демонстративно встать и выдти какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ предсѣдатель начнетъ свою рѣчь. Къ чести гг. „эсъ-эновъ“, „эсъ-дековъ“ и „эсъ-эровъ“, можно засвидѣтельствовать, что такой выходки произведено не было. Тѣ лѣвые, которые все-таки желали чѣмъ-нибудь подчеркнуть свою лѣвизну, ушли въ Екатерининскій залъ незамѣтно и поодиночкѣ до начала засѣданія.

По окончаніи патриотической манифестаціи, д. т. с. Голубевъ обратился къ думѣ со слѣдующими словами:

„Господа члены думы собрались въ количествѣ, превышающемъ ту норму, которая предусмотрена въ законѣ для дѣйствительности засѣданій. Я прошу г. государственнаго секретаря огласить ст. 31 правилъ 18 сентября 1905 г. о порядкѣ открытія гос. думы“.

Государственный секретарь, безъ малѣйшей тѣни колебанія, взялъ приготовленную бумагу и прочелъ не статью 31 (она касается открытія предварительныхъ сѣздовъ градоначальниками), а ст. 51, — и не правилъ о порядкѣ открытія гос. думы, а правилъ о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія гос. думы. Эта статья гласитъ: „Члены гос. думы, въ опредѣленный для первоначальнаго ея созыва день, собираются въ С.-Петербургѣ. Первое засѣданіе думы открывається лицомъ, Высочайшею властью на то уполномоченнымъ. По прочтеніи торжественнаго обѣщанія, для членовъ думы установленнаго, и его подписанія, члены думы избирають предсѣдателя думы“.

Д. т. сов. Голубевъ. Теперь намъ надлежитъ исполнить дѣйствія, предписанныя ст. 51-й. Первое изъ нихъ касается торжественнаго обѣщанія, установленнаго для членовъ гос. думы. Я прошу г. государственнаго секретаря прочесть текстъ этого обѣщанія, а гг. членовъ гос. думы выслушать его стоя.

Всѣ члены гос. думы поднялись съ своихъ мѣстъ и выслушали текстъ торжественнаго обѣщанія.

Д. т. сов. Голубевъ. Листы для подписанія торжественнаго обѣщанія приготовлены въ сосѣдней части зала. Я прошу гг. членовъ думы пройти и подписать листы.

Послѣ этого, по приглашенію предсѣдательствующаго, члены думы по одному стали проходить въ полукруглый залъ позади предсѣдательской трибуны, гдѣ одинъ за другимъ подписывали листы съ торжественнымъ обѣщаніемъ. Открыли шестіе правые и вторымъ шелъ г. Стаховичъ, прошлогодній депутатъ и представитель союза 17-го октября, нынѣ единственный поавшій въ думу членъ партіи мирнаго обновленія.

Когда г. Голубевъ пригласилъ государственныхъ выборныхъ къ подписи торжественнаго обѣщанія, вышедшіе лѣвые вернулись въ залъ засѣданій. Когда они проходили мимо ложи журналистовъ, послѣдніе спрашивали проходящихъ: „Кто?.. Эсъ-деки?.. Или эсъ-эры тоже?..“. Одинъ изъ проходящихъ членовъ, съ красной гвоздикой въ петлицѣ и ярко-краснымъ галстухомъ, презрительно подергивалъ плечомъ, заявлялъ: „Эсъ-эры остались... Это—только фракція соціаль-демократовъ“.

Когда листы были подписаны, д. т. с. Голубевъ попросилъ государственнаго секретаря прочесть текстъ закона о выборѣ председателя думы. Затѣмъ было предложено членамъ думы записками наметить кандидатовъ. Въ счетчики были приглашены кн. Долгоруковъ, гр. Бобринскій и гг. Кузьминъ-Караваевъ, Хомяковъ и Караваевъ.

По подсчету записокъ оказалось, что получили: 331 записку г. Головинъ, 91—г. Хомяковъ, 3—г. Кузьминъ-Караваевъ, 2—г. Стаховичъ и 1—г. Тесленко. Валлотировался г. Головинъ, послѣ того какъ всѣ остальные отказались отъ баллотировки.

Счетчиками были избраны кн. Долгоруковъ, гг. Хомяковъ и Иващенко.

Д. т. с. Голубевъ заявилъ, что члены думы будутъ вызываться въ алфавитномъ порядкѣ губерній и подходить къ ящику для опусканія шара.

На кафедре вышелъ чиновникъ государственной канцеляріи и началъ зычнымъ голосомъ выкликать членовъ думы. Въ концѣ четвертаго часа баллотировка была закончена и г. Голубевъ заявилъ:

— Теперь слѣдуетъ приступить къ подсчету шаровъ. Уполномочиваетъ-ли дума на эту операцію именно тѣхъ членовъ, которые стояли у ящика?

— Да, да, уполномочиваемъ!—послышался отовсюду отвѣтъ.

И. С. Иващенко началъ бросать шары въ приготовленную чашку и отсчитывалъ ихъ мѣрнымъ звучнымъ голосомъ. Десять минутъ слышалось однообразное щелканіе шариковъ.

— Триста пятьдесятъ шесть избирательныхъ голосовъ!—остановился онъ, наконецъ.

Почти со всѣхъ скамеекъ раздались аплодисменты, первые аплодисменты во второй думѣ.

И. С. Иващенко сосчиталъ неизбирательные шары. Этихъ послѣднихъ оказалось сто два. Итого въ баллотировкѣ участвовало четыреста пятьдесятъ девять человекъ, считая самого г. Головина. Государственный секретарь объявилъ, что Ф. А. Головинъ избранъ председателемъ гос. думы.

Дума встрѣтила новыми аплодисментами преемника С. А. Муромцева. И. Я. Голубевъ опять поклонился на три стороны и медленно сошелъ со своего мѣста.

На трибуну вошелъ новоизбранный председатель; д. т. с. Голубевъ привѣтствовалъ его и они обмѣнялись рукопожатіемъ. Затѣмъ Ф. А. Головинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Воля государственной думы для каждаго изъ нея членовъ—законъ. Памятуя это, я безъ колебанія принимаю на себя обязанность

предсѣдателя думы. Велика честь, оказанная вами мнѣ, господа! Велика моя къ вамъ признательность. Сдѣлаю все, что могу, чтобы оправдать ваше ко мнѣ довѣріе. Несмотря на различіе мнѣній, насъ разъединяющихъ, насъ объединяетъ одна цѣль. Эта единая цѣль—осуществленіе на почвѣ конституціонной работы блага страны. Стремясь къ безпристрастному веденію преній и къ охраненію свободы слова, я почту своимъ долгомъ неуклонно заботиться о поддержаніи достоинства думы. Мы всѣ хорошо знаемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ наша страна отъ государственной думы облегченія своихъ тяжелыхъ страданій. Прямой путь къ осуществленію этой трудной задачи намѣченъ первой государственной думой и остается такимъ-же и въ настоящее время: проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, и осуществленіе социальнаго законодательства. Таковы двѣ ведкія задачи, поставленныя на очередь первой государственной думой. Сдѣлаемъ все, чтобы онѣ были осуществлены второй государственной думой!

„Могуче народное представительство. Разъ вызванное къ жизни, оно не умретъ. Въ единеніи съ Монархомъ, оно неудержимо проведетъ въ жизнь волю и мысль народа.“

„Господа, согласно закону, предсѣдатель думы имѣетъ представить Государю Императору о состоявшемся избраніи. Ввиду сего объявляю настоящее засѣданіе закрытымъ, а о слѣдующемъ засѣданіи господа члены думы будутъ оповѣщены особыми повѣстками.“

Послѣдовалъ новый взрывъ аплодисментовъ, и засѣданіе закрылось въ 3 ч. 50 м. пополудни.

Выборъ Ф. А. Головина, конечно, не былъ неожиданностью. Всѣ были убѣждены, что избранъ будетъ именно онъ, такъ какъ это было предрѣшено на совмѣстномъ собраніи „ка-детъ“ и лѣвыхъ; привѣтствовали его единодушно, и аплодисменты были очень продолжительные; но, когда новый предсѣдатель появился на трибунѣ, то неволью напрашивалось сравненіе его съ предсѣдателемъ первой думы, С. А. Муромцевымъ. Вспоминались подавляющая мощная фигура Муромцева и его олимпійское величіе и спокойствіе.

Таково же всѣхъ своихъ подробностяхъ историческое первое засѣданіе въ новорожденной второй государственной думѣ.

* * *

Второе и третье засѣданія государственной думы носили исключительно дѣловой характеръ. Второе засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Головина, состоялось 23-го февраля.

„Ка-деты“ и лѣвые, несмотря на предшествовавшіе два дня пере-

рыва, не успѣли сговориться о своихъ кандидатахъ. Не соглашаясь на кандидатуру московскаго депутата Тесленка, лѣвые требовали въ то-же время для себя два мѣста въ президіумѣ. Только предъ началомъ засѣданія „ка-деты“ и лѣвые снова удалились на совѣщаніе и пришли къ соглашенію въ послѣдній моментъ. Лѣвымъ были уступлены оба мѣста товарищей предсѣдателя: кромѣ трудовика М. Е. Березина, „ка-деты“ согласились поддерживать безпартійнаго лѣваго Н. Н. Познанскаго; лѣвые со своей стороны обѣщали за это проводить въ секретари „ка-дета“—М. В. Челнокова. Кандидатура г. Тесленка была снята.

При баллотировкѣ Н. Н. Познанскій получилъ 349 избирательныхъ и 97 неизбирательныхъ, М. Е. Березинъ—345 избирательныхъ и 101 неизбирательный. Затѣмъ секретаремъ думы былъ избранъ выборный отъ Московской губ. М. В. Челноковъ, получившій 379 избирательныхъ противъ 85 неизбирательныхъ.

24-го февраля происходило третье засѣданіе государственной думы, на которомъ образованы одиннадцать отдѣловъ для провѣрки полномочій членовъ государственной думы. Наканунѣ, 23-го февраля, во время второго засѣданія думы, депутатамъ раздавался наказъ государственной думы, выработанный въ маѣ прошлаго года. По этому наказу отдѣлы для провѣрки полномочій опредѣляются такъ: члены президіума опускаютъ въ урну записки съ именами всѣхъ членовъ даннаго состава думы, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ, и, вынимая одну за другою записки изъ урны при участіи особо приглашенныхъ предсѣдателемъ членовъ думы, оглашаютъ означенныя въ нихъ имена, которыя тотчасъ-же вносятся въ особый списокъ въ порядкѣ оглашенія. Лица, внесенныя въ списокъ первыми въ числѣ, образующемъ одиннадцатую часть даннаго состава думы, зачисляются въ первый отдѣлъ, слѣдующія за ними въ такомъ-же числѣ—во второй отдѣлъ и т. д. Отдѣлы образуютъ комиссіи, въ составъ которыхъ входятъ не менѣе пяти членовъ. О засѣданіяхъ комиссій извѣщается членъ государственной думы, права коего оспариваются или возбуждаютъ сомнѣнія. Онъ можетъ представлять по возбужденнымъ вопросамъ свои объясненія, но голосованіе постановленій и заключеній комиссій происходитъ не иначе, какъ въ его отсутствіи. Въ случаѣ обнаруженія, при разсмотрѣніи выборнаго производства, особо важныхъ нарушеній закона или злоупотребленій комиссіи и отдѣлы могутъ, приостанавливая окончательное свое рѣшеніе по такому производству, войти въ думу съ представленіемъ объ учрежденіи ею особой комиссіи для изслѣдованія означенныхъ нарушеній или злоупотребленій. Въ случаѣ отмены выборовъ думою, лица въ мѣстности, гдѣ выборы отменены, устра-

Ж 15943

няются. Никто изъ членовъ думы не включается въ комиссію, разсматривающую выборное производство, относящееся до избирательнаго округа, отъ коего онъ избранъ, и не участвуетъ въ голосованіи отдѣла и общаго собранія думы по вопросу о правильности выборовъ, на которыхъ поконится его избраніе.

При открытіи засѣданія предсѣдатель предлагаетъ избрать помощниковъ секретаря. По вопросу о числѣ ихъ происходятъ пренія и возникаетъ первый инцидентъ.

Деп. С. Н. Махмудовъ, выборный отъ Бакинской губ., „к.-д.“, говоритъ: „Господа! Прошлая дума, проработавъ 72 дня, не заявляла объ увеличеніи числа секретарей, слѣдовательно, въ этомъ не было необходимости. Прошлая дума безъ ущерба работала съ 5 товарищами секретари, настоящая дума не знаетъ, будетъ-ли нужно 6, 7 или 8. Сейчасъ это предвидѣть нельзя. Громадное большинство заявляетъ, что совершенно достаточно пяти товарищей секретаря. (Раздаются, однако, голоса справа, чтобы увеличить секретариатъ и провести „своихъ“.) Обращаюсь къ вамъ, представители народные, а не къ ставленникамъ какого-то Столыпина“... (шумъ на скамьяхъ „правыхъ“ и центра и возгласы. „Такъ нельзя! Просимъ остановить оратора!“). На скамьяхъ „лѣвыхъ“ смѣхъ и аплодисменты. Шумъ и возгласы на сторонѣ „правыхъ“ замѣтно усиливаются. Въ воздухѣ повѣяло атмосферой скандала. Въ ложахъ многіе встали съ мѣсто, точно предчувствуя грозу.)

Предсѣдатель Ф. А. Головинъ заявляетъ: „Считаю необходимымъ указать гг. членамъ государственной думы, что замѣчанія каждому изъ членовъ государственной думы имѣть право и обязанность дѣлать только предсѣдатель думы (аплодисменты). Поэтому прошу членовъ государственной думы замѣчаній ораторамъ не дѣлать. Со своей стороны, считаю нужнымъ просить члена думы Мустафу Махмудова въ своихъ рѣчахъ не касаться опредѣленій лицъ и опредѣленій группъ въ государственной думѣ. Каждый членъ думы долженъ уважать мнѣнія и взгляды другихъ членовъ думы, для него они должны быть безразличны. Достоинство высокаго собранія требуетъ, чтобы мы съ уваженіемъ относились ко всѣмъ взглядамъ. Всѣ члены государственной думы, здѣсь находящіеся, являются избранниками русскаго народа впредь до того, когда будутъ провѣрены ихъ полномочія. Кто избранъ неправильно, тотъ будетъ лишень мѣста въ государственной думѣ, но въ такомъ случаѣ онъ не будетъ уже членомъ думы. Пока-же здѣсь находящіеся лица сидятъ на мѣстахъ членовъ государственной думы, къ нимъ каждый изъ насъ долженъ относиться съ полнымъ уваженіемъ, долженъ признавать ихъ представителями русскаго народа“. Аплодисменты депутатовъ всѣхъ партій.)

Дей. М. Махмудовъ отказывается отъ продолженія своей рѣчи.

При дальнѣйшихъ преніяхъ на трибунѣ появляется В. М. Пуршкевичъ, выборный отъ Бессарабской губ., монархистъ. Этотъ депутатъ, впервые появляющійся на трибунѣ, возбуждаетъ всеобщее любопытство. Его слушаютъ, критикуютъ. Депутатъ, видимо, привыкъ говорить въ многолюдномъ собраніи. Его рѣчь ясно слышна, хотя скороговорна и отсутствіе паузъ мѣшаетъ слушателямъ внимательно слѣдить за содержаніемъ рѣчи.

„Составъ президіума опредѣлился,—сказалъ Пуршкевичъ.—Онъ состоитъ изъ „ка-детовъ“ и лѣвыхъ и намъ, представителямъ правыхъ, не гоже занимать въ секретаріатѣ служебныхъ мѣстъ. (Въ залѣ раздаются выразительное шиканье по адресу оратора. Предсѣдатель прерываетъ его рѣчь и онъ оканчиваетъ ее быстро, очевидно скомкавъ то, что онъ хотѣлъ еще сказать.) При такихъ условіяхъ я отказался-бы ставить свою кандидатуру въ товарищи секретаря. Поэтому я поддерживаю предложеніе деп. Алексинскаго (предлагавшаго ограничиться пятью помощниками секретаря). (Тихій смѣхъ и жидкіе аплодисменты на сторонѣ „лѣвыхъ“.)

Послѣ недолгихъ преній, въ 4 часа 5 мин. приступили къ баллотировкѣ парами (въ урнахъ) подъ наблюденіемъ особой комиссіи, предложенной собраніемъ. Баллотировка дала слѣдующіе результаты: В. П. Успенскій—355 избирательныхъ голосовъ и 103 неизбирательныхъ; В. А. Харламовъ—360 избирательныхъ и 98 неизбирательныхъ; М. В. Карташовъ—336 избирательныхъ и 102 неизбирательныхъ; С. П. Салтыковъ—317 избирательныхъ и 141 неизбир.; С. П. Максудовъ—359 избирательныхъ и 99 неизбирательныхъ; И. С. Иващенко—90 избирательныхъ и 388 неизбирательныхъ; кн. А. В. Куракинъ—181 избирательныхъ и 227 неизбирательныхъ. На должности помощниковъ секретаря избраны первыя пять лицъ, получившія абсолютное большинство голосовъ. Вотъ краткія свѣдѣнія о нихъ:

Успенскій, Викторъ Петровичъ, избранъ отъ Рязанской губ.,—санитарный врачъ губернскаго земства, лѣвый безпартійный; Харламовъ, Василій Акимовичъ, отъ Области Войска Донскаго, бывшій членъ государственной думы, учитель съ высшимъ образованіемъ, „к.-д.“; Карташевъ, Левъ Васильевичъ, отъ Симбирской губ.,—врачъ, примыкающій къ соц.-дем.; Салтыковъ, Сергѣй Николаевичъ, отъ Вятской губ.,—книгоиздатель, редакторъ экономическаго журнала, окончившій университетъ, соц.-дем.; Максудовъ, Сатрединъ Замутдиновичъ, отъ Казанской губ.,—крестьянинъ-земледѣлецъ, получилъ высшее образованіе въ Сорбоннѣ, татаринъ-мусульманинъ, „к.-д.“.

Послѣ перерыва предсѣдатель объявилъ, что собранію предстоитъ опредѣлить порядокъ замѣщенія предсѣдателя — товарищемъ предсѣдателя и секретаря — товарищемъ секретаря. Затѣмъ предсѣдатель приступилъ къ вопросу о провѣркѣ полномочій членовъ государственной думы и предложилъ принять въ этихъ случаяхъ къ руководству вышеприведенный наказъ первой думы.

Справа и въ центрѣ тотчасъ-же раздались голоса: „припять, припять!“.

Предсѣдатель спросилъ, кого назначить въ комиссію, которой предстоитъ распредѣлить по жребію членовъ думы на отдѣлы. Раздались голоса: „Стаховича, Успенскаго, Иващенко“.

Татариновъ внесъ формальную поправку: „Согласно наказу, составленному въ первой думѣ, избраніе такого рода комиссіи производится предсѣдателемъ“.

Ф. А. Головинъ пригласилъ въ члены комиссіи лицъ изъ числа названныхъ думой.

Въ залѣ вдругъ стало замѣтно движеніе. Ожидается возбужденіе вопроса объ амнистіи. Весь день въ кулуарахъ думы собирались митинги изъ представителей различныхъ партій, оживленно обсуждавшихъ рѣшеніе социаль-демократовъ (вѣрнѣе, смѣшанной группы изъ крайнихъ лѣвыхъ) возбудить этотъ острый вопросъ. „Ка-деты“, трудовики и часть социаль-революціонеровъ категорически осуждали безтактное выступленіе социаль-демократовъ.

Социаль-демократы все-же настояли на своемъ, но получили отпоръ. Предсѣдатель Ф. А. Головинъ, назвавъ лицъ въ комиссію, произнесъ:

— Депутатъ Герусъ (Кубанской области) внесъ заявленіе о немедленномъ обсужденіи вопроса объ амнистіи. До того времени, пока полномочія депутатовъ не будутъ провѣрены, я не могу допустить внесенія на разсмотрѣніе думы этого вопроса.

Затѣмъ началась утомительная и длинная процедура распредѣленія членовъ государственной думы по отдѣламъ. Крушеванъ и Алексинскій оказались въ одномъ отдѣлѣ. Въ залѣ смѣхъ. Распредѣленіемъ членовъ по отдѣламъ и закончилось засѣданіе 24-го февраля.

Печать о думѣ.

Открытие второй государственной думы—высокой важности исторической моментъ изъ жизни русскаго народа. Печать—и русская, и мировая,—уже откликнулась на него во множествѣ статей, посвященныхъ знаменательному событію. Постараемся здѣсь познакомить нашихъ читателей съ этими откликами русской прессы.

Официозная «Россія» въ передовой статьѣ, посвященной событію 20-го февраля, говоритъ:

«Всѣ, кто любитъ родину, всѣ кто страдаетъ ея страданіями, всѣ кто радуется ея радостями—пусть пожелають вмѣстѣ съ нами выборнымъ отъ народа, начинающимъ сегодня трудное дѣло законодательства, не духа вражды, гнѣва и отрицанія, которыми полна была первая дума, а духа единенія, довѣрія и правды, спокойной мудрости, опыта и разумѣнія.

«Россія управляется не думою, а поставленными отъ Государя министрами. Какъ и всѣ люди, какъ и самыя члены думы, министры могутъ ошибаться. Они несутъ отвѣтственность за свои ошибки и рискуютъ жизнью ради поддержанія государственнаго порядка и спокойствія. Ихъ дѣятельность всѣмъ извѣстна и подлежитъ самому широкому обсужденію. Широкому обсужденію народа подлежитъ и дѣятельность его выборныхъ. Пусть-же не считаютъ они себя непогрѣшимыми въ своихъ словахъ и сужденіяхъ. Они еще ничего не слѣдали, а каждого судятъ по его дѣламъ. Россія ждетъ не словъ, она слышала ихъ слишкомъ много, она ждетъ полезнаго дѣла. И дай Богъ, чтобы она не обманулась въ своихъ ожиданіяхъ».

На другой день тотъ-же официозный органъ заявилъ:

«Вторая дума, несмотря на нестроту своего состава, несмотря на свой оппозиціонный характеръ, повидимому, заключаетъ въ себѣ задатки для плодотворной практической дѣятельности. Въ этомъ насъ убѣждаютъ выборы предсѣдателя. Эти выборы совершились въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ затрудненій, и новый предсѣдатель началъ свое трудное дѣло съ простыхъ и ясныхъ заявленій, тактичность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

«Начало второй государственной думы можно, такимъ образомъ, считать удачнымъ и остается пожелать, чтобы продолженіе соответствовало началу. Преувеличенный пессимизмъ, основанный на заключеніяхъ отъ стараго къ новому, долженъ быть оставленъ. Надо отнестись съ довѣріемъ ко второй думѣ, на которое и она, можетъ быть, отплатитъ довѣріемъ. Безъ этого не только трудно, но невозможно вести общее дѣло думѣ и правительству, дѣло, требуемое отъ нихъ Государемъ и народомъ».

«Новое Время» въ дѣль открытія думы высказало слѣдующее:

«Открытие государственной думы—вотъ событіе, которое заслоняетъ всѣ другія и составляетъ всепоглощающій интересъ дня. Дума открывается, вопреки настойчивому предсказанью, которое изо дня въ день раздавалось во всей «лѣвой» печати. И вотъ теперь даже малыя дѣти должны убѣдиться, какъ пошло морочили публику всѣ эти самозванные пророки.

«Дума открывается, и кто-же будетъ теперь отрицать, что правительство добросовѣстно исполнило то, что оно и обязано было исполнить въ силу манифеста 9-го іюля и въ силу нашихъ основныхъ законовъ? Но, если дума нынѣ вновь открывается, то не доказываетъ-ли это искренность намѣреній правительства, о которыхъ оно возвѣщало неоднократно—работать съ думой для умиротворенія и благоустроенія Русской земли? Во всякомъ случаѣ, правительство не дало ни малѣйшаго повода думать, что оно относится къ думѣ и къ предстоящей совмѣстной съ нею дѣятельности недостаточно серьезно или недоброжелательно.

«Правительство свое дѣло сдѣлало. Дума открывается въ назначенный для того срокъ, и теперь уже всецѣло отъ самой думы зависитъ, будетъ-ли она работать, чтобы оправдать надежды Царя и довѣріе народа, или она снова дастъ себя увлечь на тотъ скользкій путь, который такъ безплодно и безславно закончился для первой думы, къ глубокому огорченію всѣхъ честныхъ людей въ нашемъ изстрадавшемся отечествѣ.

«Мы хотѣли-бы быть оптимистами. Такъ грустно было-бы думать, что и вторая дума не найдетъ того правильнаго пути, который выведетъ-бы ее на широкую арену плодотворной государственной дѣятельности во благо Россіи».

Не высказывая въ слѣдующіе дни своего опредѣленнаго мнѣнія, а лишь сообщая факты и комментируя ихъ, «Новое Время» говоритъ слѣдующее:

«И дума (новая), и правительство стоятъ другъ предъ другомъ съ гораздо большею убѣжденностью, чѣмъ въ прошломъ году, и, кажется, обѣ стороны встрѣтились съ большимъ уваженіемъ другъ къ другу. Мы совершенно убѣждены, что если само правительство будетъ безупречно требовательно къ себѣ, то оно мало-по-малу, не на словахъ, а на дѣлѣ, разовьетъ къ себѣ уваженіе въ парламентѣ и во всей странѣ. А это—центръ всего дѣла, узелъ положенія вещей.

«Намъ думается, что кабинетъ долженъ принять во вниманіе эту способность депутатовъ глубже входить въ дѣла правительственныя, интересоваться самымъ механизмомъ ихъ, начать чувствовать себя частью правительства, его органомъ и вообще зарождаютъ въ себѣ государственныя чувства, интересы, взгляды, манеры, точки зрѣнія. Это чрезвычайно важно, чрезвычайно многообѣщающе. Видь, депутаты—совершенно частные люди: совершенно новые, взятые съ земли, отъ плуга и изъ гостиницы. Явно, что имъ не откуда взять государственности и государственнаго духа, но все это можетъ у нихъ выработаться уже только въ самой думѣ, въ званіи и положеніи депутатовъ отъ влияния этого положенія. Будемъ надѣяться, что въ думѣ

разовьются государственные взгляды, государственные приемы, весь государственный дух, который станет крѣпнуть съ каждымъ мѣсяцемъ. Задача кабинета, главная—воспитать думу въ государственности, привить ей государственный духъ и интересъ».

Однако, въ одной изъ статей этой газеты есть и зловѣщія предсказанія:

«Чѣмъ общается быть нашъ второй парламентъ? Что онъ—судъ или самосудъ? Къ глубокому сожалѣнію, у него больше данныхъ къ тому, чтобы сбиться именно на варварскій типъ суда.

«Такъ какъ мы, Россія, значимъ нѣсколько больше, чѣмъ парламентъ, такъ какъ дѣйствительные хозяева страны—мы, а не представители наши, то мы сотней миллионновъ голосовъ должны сказать: «Нѣтъ, такого парламента мы не хотимъ. Такой парламентъ не парламентъ вовсе. Это—не судъ, а самосудъ». При первомъ-же отклоненіи суда отъ установленныхъ формъ судопроизводства является поводъ къ кассациіи. Какъ только законность дѣйствій думы нарушится, она неизбѣжно будетъ вновь остановлена. Механизмъ ея будетъ разобранъ, очищенъ отъ сора, можетъ быть, пересмотрѣнъ и преобразованъ съ цѣлью избѣжать новой порчи».

* * *

Въ «Свѣтъ» въ день открытія думы находимъ такіа строки:
«Привѣтствуя открытіе государственной думы, отъ души желаемъ ей продолжительной и плодотворной работы на пользу дорогой родины. Твердо вѣримъ, что правительство наше, всегда отзывчивое на нужды народа, сочувственно отнесется ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ его представителей. Надо только побольше довѣрія и взаимнаго уваженія съ обѣихъ сторонъ для того, чтобы совмѣстная работа шла дружно, быстро и плодотворно. Ошибки всегда возможны и всегда поправимы, было-бы лишь искреннее желаніе придти къ соглашенію. Забывать далеко впередъ бесполезно, потому что все равно придется вернуться назадъ. Исторія не признаетъ скачковъ и забѣганья впередъ—народная жизнь движется въ своемъ развитіи медленно, спокойно и неуклонно, какъ планеты по своимъ вѣковѣчнымъ путямъ. Нашъ народъ еще молодой и полный силъ; дайте ему только возможность саморазвитія и самосознанія, и онъ покажетъ міру свою духовную мощь. Не навязывайте только ему чуждыхъ теорій и социальныхъ фантазій—ихъ все равно придется бросить. Поменьше партійности, побольше народности, настоящей, искренней, душевной. Въ добрый часъ начните великое народное и государево дѣло и да поможетъ вамъ Господь!»

Въ слѣдующіе дни «Свѣтъ» воздержался отъ выраженій своего мнѣнія и такъ-же, какъ и «Новое Время», ограничился комментаріями фактовъ, уже созданныхъ событіями 20-го февраля. Среди комментарий къ первой рѣчи предсѣдателя думы Ф. А. Головина находимъ такіа строки:

«Огромное большинство нынѣшней думы—то-же, что дума 1906 г. Разница и уступка заключается въ выраженіе „въ единеніи съ Монархомъ“, что практически означаетъ не «рѣз-

кая борьба», а «постепенное достижение конституционных целей». Преждевременно еще не о чем беспокоиться. Дума скоро переграушируется въ инныя партіи. Правые усилятся—лѣвые отойдутъ. Но при такомъ началѣ борьба съ правительствомъ будетъ, очевидно, лозунгомъ большинства».

Умѣренное, хотя почти «кадетское» «Слово» бывшего министра г. Федорова, въ статьѣ, посвященной открытію думы, говоритъ:

«Надо, для блага Россіи, для счастья Верховнаго Вождя и всего народа, чтобы дума дѣйствовала, существовала, работала, чтобы никакія силы—ни бюрократія, ни невѣжественная, видящая спасеніе въ старомъ строѣ, рутина, ни утопическій фанатизмъ—се не погубили.

«Это—первая святая задача всего состава новой думы, и послы народныя должны проникнуться важностью этой задачи. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые понимаютъ значеніе новаго государственнаго строя, необходимость его скорѣйшаго осуществленія, всѣ тѣ изъ нихъ, которые понимаютъ, что это возможно только при существованіи думы и черезъ думу, должны сплотиться и своею безусловною закономѣрностью, своимъ величавымъ спокойствіемъ, признаніемъ своего достоинства, своей нравственной силы, опирающейся на вѣру въ нихъ всего народа русскаго, дать непоколебимый отпоръ всякому посягательству на бытіе думы, откуда-бы оно ни исходило.

«Помните, что ждать нельзя. Нельзя говорить, что если эта дума не будетъ въ состояніи работать, все равно, будетъ созвана третья, четвертая, и будетъ, въ концѣ концовъ, сдѣлано великое дѣло, чего-бы это ни стоило.

«Да, вѣрно, возврата назадъ нѣтъ, онъ невозможенъ, историческое движеніе остановить нельзя, а новый государственный строй создается, какъ процессъ историческій, а потому неотвратимый. Но вмѣстѣ и время не ждетъ. Каждый день промедленія для Россіи ужасенъ, ибо грозитъ величайшими погрѣшеніями, политическими и экономическими, и внѣшними и внутренними затрудненіями и бѣдами.»

Слѣдующій тактикѣ «Н. В.» и «Свѣта», на слѣдующій день и «Слово» ограничилось комментаріями. Между прочимъ, оно говоритъ:

«Людемъ дѣла ясно, что все будущее Россіи, этой богатѣйшей страны, населенной даровитымъ народомъ, въ установленіи въ ней праваго порядка, и лучшее обезпеченіе осуществленія необходимаго Россіи конституціоннаго строя они видятъ въ ростѣ сознанія народнаго и расцѣнивають этотъ показатель по-своему, на деньги. Еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ правильности такой оцѣнки и тотъ лозунгъ, который выдвинуть единогласно печатью и поддержанъ почти всѣми партійными группами—бережное отношеніе къ думѣ, желаніе сохранить ее. Преобладающее общее серьезное и спокойное настроеніе придастъ особую цѣну и важность отъѣченному выше народному сознанію: съ нимъ нельзя уже не считаться».

«Биржевыя Вѣд.» 20-го февраля напечатали слѣдующее:
«Вторая дума рождается при малоблагопріятныхъ ауспиціяхъ

въ ней слишкомъ много крайнихъ —увы! —не нейтрализующихъ другъ друга, а, наоборотъ, взаимно возбуждающихъ. Роль Кассандры непривлекательна, и мы искренне хотѣли-бы, чтобы тѣ, кто пророчить неминуемый, скорый роспускъ второй думы, горько ошиблись.

«Мы полагаемъ, что всѣ мрачныя предсказанія, основанныя даже на глубокомъ знаніи партійныхъ программъ и психологій еще далеко не безошибочны, такъ какъ надъ всякими партійными расчетами долженъ господствовать и, надѣмся, будетъ господствовать го лось разума, чести и любви къ родитѣ, а эта послѣдняя переживаетъ испытанія, при которыхъ лучшие сыны ея не могутъ не придти къ ней на помощь, забывъ партійное и личное самолюбіе.

«Мы вѣримъ, что житейскій тактъ и природный смыслъ депутатовъ позволятъ имъ, поднявшись надъ партійными программами, заключить дружный союзъ, чтобы провести конституціонныя вольности въ жизнь и дать единодушный отпоръ всѣмъ, кто, по недоразумѣнію или изъ личныхъ цѣлей, хотѣлъ-бы заставить течь рѣку русской государственности вспять.

«Между Сциллой революціи и Харибдой реакціи нашъ корабль успѣшно проведетъ лишь тотъ осторожный кормчій, котораго не прельстятъ ласкающія пѣсни социалистическихъ спренъ и не запугаютъ кликушескія выкрикиванья членовъ союза русскаго народа. Только миновавъ опасное мѣсто, по выходѣ на безбрежный просторъ конституціонализма, можно будетъ, если на то найдутся охотники, заняться утопіями, щекочущими добрыя души, но едва-ли достижимыми въ міръ трехъ измѣреній. А пока... Пока мощно и непостыдно держите въ своихъ рукахъ руль историческаго судна, вы, когорымъ ввѣрила сго родина! Не кладите его на траву, не поворачивайте его слишкомъ влево, избегайте подводныхъ камней и лавируйте, если встрѣтите противный вѣтеръ!..»

* * *

«Русь» въ день открытія думы воскликнула:

«Вспомните прошлую думу! Какъ на всенародное торжество, съѣзжали депутаты. Всѣ знали, что они скажутъ и что потребуютъ. Все казалось легкимъ и исполнимымъ. Одинъ уже фактъ избранія государственной думы представлялся окончательной побѣдой надъ всѣмъ темнымъ и дурнымъ въ государствѣ. Тюремны, казалось, растворятся сами. Родичевъ поклялся отдать подъ судъ бюрократію. Правительство было въ смятеніи. Много было радости и надеждъ, но все оказалось разбито.

«Тенерь надеждъ было мало. Депутаты съѣзжаются молчаливые и серьезные. Во многихъ мѣстахъ ихъ провожали, какъ на горькую долю. Правительство встрѣчаетъ ихъ самоувѣренно, наготовѣ. Никто не знаетъ, что сблаетъ, съ чего начнетъ государственная дума. Каждый депутатъ получалъ только одинъ мандатъ отъ избирателей и то сказанный шепотомъ на-ухо: «Доблѣйся». Какъ и чѣмъ взять, не говорить. Всѣ понимаютъ, что это трудно, и готовы терпѣливо ждать. Даже самые пзмученные изъ російскихъ жителей—тюремные—и тѣ какъ-будто согласны, чтобы продолжались ихъ страданія, лишь-бы приблизилось освобожденіе родичи.

«Спокойствіе полное, крика нѣтъ. Но въ этой тишинѣ хотя беззвучно, но слышно и съ силой говорить самъ народъ: «Добейтесь, мои избранники, добейтесь свободы и счастья мы!» Я страшно измученъ». И такъ велико горе Россіи, такъ огромна сила молчаливаго страданія ея, что чувствуется, какъ не легкая надежда, а глубокая вѣра въ государственную думу начинаетъ просыпаться повсюду,—вѣра въ ту часть народа, которая взяла на себя крестъ освободить его весь отъ лютаго несчастія рабства.

«Исполать-же, вамъ избранники наши! дружно взявшись за дѣло вы добьетесь того, о чемъ мы молимъ васъ. Исполать вамъ!»

На другой день «Русь» проявила верхъ оптимизма. Въ ней находимъ такія строки: «Нынѣшняя дума—не послы народа, а самъ народъ, народъ-работникъ».

* * *

Антиподомъ «Руси» явились въ этотъ день «Спб. Вѣдом.» пребывающія въ самомъ пессимистическомъ настроеніи.

«Какъ-бы стойко ни сгруппировались во имя началъ порядка новые думцы праваго отъѣнка,—говоритъ газета праваго лагеря,—они будутъ теряться въ ураганѣ разнузданности, которою одержима сейчасъ почти поголовно наша обезумѣвшая интеллигенція, лишенная порядочности и трудоспособности передовая молодежь, наконецъ, масса пролетаріата, собирающаяся диктовать и безъ того революціонно настроенной думѣ свои крайнія велѣнія. Воображать, что въ такомъ хаосѣ образуется какое-то разумное нѣчто, значить утѣшать себя иллюзіями, на которыя мы, русскіе, безмѣрно надки и которыя всегда еще болѣе пригнетали насъ... Лучше пристальнѣе смотрѣть на надвигающуюся опасность».

* * *

«Ка-детская» «Рѣчь», наиболѣе другихъ освѣдомленная о настроеніи большинства членовъ государственной думы, въ день открытія послѣдней высказывала:

«Въ какомъ настроеніи собираются теперь народныя представители? Одна черта этого настроенія выяснилась уже достаточно и можетъ быть признана несомнѣнной. Между тѣмъ какъ первые избранники народа спѣшили въ думу, горѣли нетерпѣніемъ поскорѣе изложить въ думѣ то, что накопило въ душѣ народной, поскорѣе заявить тамъ народныя желанія,—нынѣшніе народныя представители проникнуты скорѣе смущеніемъ предъ предстоящей имъ дѣятельностью; они боятся совершить что-нибудь такое, что способно было-бы погубить эту дѣятельность, и въ особенностн боятся совершить это на первыхъ-же порахъ. Отсюда у нихъ ясно выраженное стремленіе не предпринимать сразу-же никакихъ рѣшающихъ шаговъ—оттянуть важные акты до тѣхъ поръ, пока они, по крайней мѣрѣ, успеютъ лично ознакомиться другъ съ другомъ, ощутятъ взаимное настроеніе, уяснятъ себѣ сложившееся парламентское положеніе. Особенно сильно у депутатовъ нежеланіе какихъ-либо экспромптовъ, какихъ-либо политическихъ неожиданностей, и не только на почвѣ отсутствія еще не установившейся координаціи различныхъ парламентскихъ групп»

но и на почвѣ намѣреннаго желанія воспользоваться этимъ не установленнымъ положеніемъ съ чьей-либо стороны. Остается неизвѣстнымъ только настроеніе крайней правой, которое не можетъ внушать опасеній въ виду ея принципиально отрицательнаго отношенія въ государственной думѣ. Мы думаемъ, что настроеніе оппозиціи въ высшей степени благотѣльно. Оно указываетъ на то, что въ народѣ, послѣ крушенія раньше крылатыхъ надеждъ, подъ влияніемъ пережитыхъ тяжкихъ испытаній, уже совершился тотъ процессъ познанія добра и зла, который уменьшаетъ порывистость дѣйствія, но увеличиваетъ его обдуманность и придаетъ ему рѣшимость. Вотъ, по видимому, девизъ собравшейся теперь второй государственной думы и нельзя не признать, что онъ знаменуетъ собою совершенно правильный выводъ изъ всего создаваемаго политическаго положенія».

Въ другой статьѣ «Рѣчь» восклицаетъ:

«Нѣтъ вѣры—есть настойчивая рѣшимость. Нѣтъ влюбленности—есть прочная дружба. Нѣтъ иллюзій—есть сознаніе своего долга.»

* * *

«Товаришъ» призываетъ «беречь думу»:

«Берегите думу»—это значитъ, приложите всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать ея существованіе длительнымъ, до очевидности необходимымъ всему народу, связаннымъ съ нимъ самыми тѣсными узами, а потому и окруженнымъ фактически такими условіями, благодаря которымъ народное представительство станетъ неотъемлемою принадлежностью жизни Россіи. Лишь упрочившись на этомъ пути, станеть возможнымъ все остальное вплоть до полнаго народовластія. Въ этомъ смыслѣ мы и понимаемъ многочисленные наказы населенія своимъ депутатамъ: «берегите думу»,—въ этомъ смыслѣ мы и горячо къ нимъ присоединяемся.

«Будемъ надѣяться, что въ нашей думѣ найдутся стратеги, знанія и умѣнія которыхъ приведетъ къ выигрышу кампаніи. А что касается «тактики», то, вѣдь, это—прежде всего тактъ, т. е., подчиненное стратегическимъ расчетамъ умѣнье не столько приспособляться къ обстоятельствамъ, сколько приспособлять ихъ къ себѣ, къ пользамъ и нуждамъ всего нашего освободительнаго движенія.

«Пожелаемъ-же горячо и искренно нашей государственной думѣ довести до конца возложенное на нее народомъ многотрудное дѣло!».

Затѣмъ тотъ-же органъ, со своей стороны, даетъ такое ручательство:

«Дума не будетъ, конечно, «революціонной» въ тривиальномъ смыслѣ слова, въ какомъ его понимаютъ или рисуютъ правительственныя рептиліи и реакціонные демагоги, но она, несомнѣнно, рѣшительно, мужественно и стойко будетъ защищать народныя интересы и требовать кореннаго измѣненія существующаго «порядка».

* * *

«Новыя Силы» говорятъ о 20-ое февраля слѣдующее:

«Сегодня начало учета... учета двухъ враждебныхъ силъ—

съ одной стороны, тѣхъ, кто за Россію со смертной казною, тюрьмами и народными погромами, за невѣжество и рабство народа; съ другой—тѣхъ новыхъ силъ, которыя народъ, таинственно хранившій долгое время внутри себя, вылилъ наружу и выразилъ теперь въ избраніи оппозиціонныхъ и лѣвыхъ депутатовъ.

«Борьба при этомъ учетъ будетъ упорная. Всѣ темныя силы будутъ на каждомъ шагу думы создавать препятствія, будутъ мѣшать плодотворной дѣятельности народныхъ депутатовъ въ сферѣ организаціи массъ, и много энергии и выдержанности потребуются отъ членовъ думы для преодоленія всѣхъ замъсловъ оффиціозныхъ учрежденій «истинно-русскихъ» людей. Уже въ первыя минуты засѣданій думы можно ждать всякихъ злостныхъ выпадовъ со стороны членовъ крайней правой нашей думы; и рѣзкимъ диссонансомъ корвутся они въ то бодрое настроеніе, которое все рельефнѣе и ярче захватываетъ население.

«Но всѣ эти помѣхи не задержать надолго исхода! Учетъ будетъ доведенъ до конца не въ пользу реакціи, и не ей теперь подымать голову, въ настоящій политическій моментъ. Жизненные новыя силы вступаютъ въ свои права и властно требуютъ себѣ открытой широкой дороги. Онѣ выступаютъ сегодня въ лицѣ представителей трудящихся массъ, и массы съ привѣтствіемъ встрѣчаютъ ихъ выступленіе!»

* * *

Теперь нѣсколько откликовъ заграничной прессы.

«Berliner Neueste Nachr.» пишетъ о второй государственной думѣ:

«Требованія лѣвыхъ партій извѣстны изъ отчетовъ о первой думѣ. Эти требованія теперь значительно смягчены. Если лѣвые будутъ уменьшать свои требованія, а правительство сразу послѣ открытія думы выступитъ съ либеральными законопроектами, не предоставляя инициативы народному представительству, тогда можно ожидать, что работа думы будетъ весьма успѣшна. Хотя положеніе правительства въ отношеніи лѣваго блока довольно тяжелое, однако, оно все-таки болѣе благоприятно, чѣмъ при первой думѣ. Составъ лѣвыхъ партій чрезвычайно пестръ; трудно предположить, чтобы онѣ выступали всѣ въ полномъ согласіи. Не лишено значенія и то, что голоса правыхъ будутъ теперь болѣе слышны, чѣмъ въ первой думѣ. Защита ими правительства будетъ весьма замѣтной».

* * *

«Deutsche Tageszeit.» въ передовой статьѣ о государственной думѣ пишетъ:

«П. А. Столыпинъ смотритъ на положеніе весьма спокойно. Прежде всего онъ обезпечилъ министерству на время избирательной кампаніи активное положеніе; онъ избѣжалъ невѣроятныхъ ошибокъ прежняго правительства, которое встрѣтило первую думу съ пустыми руками. Министерство работало добросовѣстно все время. П. А. Столыпинъ надѣется побудить думу заняться производительной работой. Онъ обезпечитъ себѣ болшинство въ цѣломъ рядѣ вопросовъ. До тѣхъ поръ,—пишетъ газета,—пока П. А. Столыпинъ будетъ стоять у кормила правле-

ны, правительство будет крѣпко держать власть въ своихъ рукахъ. Теперь правительство значительно сильнѣе, чѣмъ во время созыва первой думы. Нынѣшнее большинство не рискнетъ на революціонныя попытки, такъ какъ, несмотря на всѣ старанія революціи, ей не удалось увлечь за собою армію.

* * *
«Boersenzeitung», посвящая передовую статью открытію второй г. думы, говоритъ:

«Не предаваясь излишнему оптимизму, побуждающему вѣрить лишь въ то, чему желательно вѣрить, мы все-же убѣждены, что на этотъ разъ нельзя ожидать повторенія тѣхъ обстоятельствъ, которыя имѣли мѣсто въ первой думѣ. Положеніе дѣлъ теперь измѣнилось. Въ томъ, что въ первой думѣ крикуны задавали тонъ и своимъ буйнымъ поведеніемъ довели не только самихъ себя, но и всѣхъ окружающихъ до температуры кипѣнія, слѣдуетъ прежде всего винить само правительство, которое, по неумѣлости, созвало народное представительство, не подготовившись къ этому. Правительство не выработало никакого плана работы, оно сыграло роль безучастнаго зрителя и предоставило инициативу самой думѣ, которая, какъ новичекъ, не имѣла никакихъ традицій. Въ томъ, что она сразу сбилась съ пути и стала блуждать, нѣтъ ничего удивительнаго. Иначе обстоятъ дѣла теперь. Кабинетъ Столыпина съ добросовѣстностью, достойной полного уваженія, подготовилъ работу для думы. Цѣлый рядъ тщательно составленныхъ законопроектвъ, которые затрогиваютъ всѣ области государственной жизни и въ большинствѣ случаевъ отражаютъ требованія, выставившіяся въ серьезныхъ политическихъ кругахъ,—теперь къ услугамъ думы. Для дѣятельности законодательнаго учрежденія имѣется богатый матеріалъ, на которомъ оно могло-бы испробовать свои силы. Является лишь вопросъ: проникнута-ли дума такимъ желаніемъ? Составъ думы, судя по голымъ цифрамъ, наводитъ на тревожныя размышленія, но опытъ научилъ лѣвыя партіи не задаваться невыполнимыми цѣлями. Если правительство сумѣетъ искусно дѣйствовать, лѣвые мало-по-малу привыкнутъ работать въ строго конституціонныхъ рамкахъ. Это относится, главнымъ образомъ, къ «ка-детамъ», этимъ представителямъ интеллигенціи, предъ которыми, въ концѣ-концовъ, предстанетъ вопросъ: чьи интересы защищать имъ:—соціал-демократіи или буржуазіи». По мнѣнію газеты, «ка-деты» въ конечномъ результатѣ будутъ искать сближенія съ правыми. Газета обращаетъ вниманіе на усиленіе правыхъ партій и въ заключеніе говоритъ: «Нельзя признать положеніе дѣлъ безнадежнымъ. Даже крайніе лѣвые ясно сознаютъ, что дѣятельное, сильное правительство не дастъ себя терроризировать. Этотъ опытъ подѣйствуетъ умѣряющимъ образомъ на всѣ ихъ выступленія въ думѣ. Несмотря на революціонный терроръ, все-же въ Россіи стало спокойнѣе: чувствуется, что населеніе жаждетъ мира и порядка. Это теченіе неизбежно захватитъ и Думу».

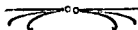
* * *
«Vossische Zeitung» въ передовой статьѣ, посвященной гос. думѣ, называетъ рѣчь Ф. А. Головина послѣ избранія его председателемъ думы благоразумною и высказываетъ предположе-

не, что она не останется единственной рѣчью, отличающеюся этимъ ограднымъ качествомъ. Затѣмъ газета доказываетъ, что ни армія, ни крестьяне не поддерживаютъ революціи и что въ боргское воззваніе не имѣло никакого результата. «Поэтому,— продолжаетъ газета,— гос. думѣ придется многое вычеркнуть изъ того, что первая дума внесла въ свой сомнительный активъ. Она будетъ поставлена въ необходимость провести болѣе рѣзкую грань между дѣйствительностью и фантазіею и приспособиться къ существующимъ условіямъ. Первая дума хотѣла нести по волнамъ бурнаго народнаго движенія; вынѣшняя-же дума предоставлена самой себѣ. Не вынѣшніе импульсы, а собственные дѣла должны обезпечить ей то мѣсто, которое подобаетъ ей въ сферѣ русской государственной жизни. Сказанныя Головинымъ въ его рѣчи слова, относительно работы, представляютъ обѣщаніе, которое должно быть съ радостью встрѣчено во всѣхъ кругахъ Россіи и къ которому охотно прислушиваются также и за предѣлами Россіи. Предъ интеллигенціею открывается благодатное поле серьезной дѣятельности на общую пользу. Во всякомъ случаѣ, картина, представляемая въ послѣдніе дни Россіею, уже менѣе неутѣшительна, чѣмъ та, которую она представляла раньше».

* * *
Лондонская печать, какъ о томъ сообщаютъ телеграфныя извѣстія, привѣтствуетъ думу. «Times» отмѣтилъ умѣренность рѣчи предсѣдателя думы Головина и обратилъ особое вниманіе на то мѣсто, которое гласитъ о «единеніи съ Монархомъ». «Standard» выразилъ надежду, что для тѣхъ, кто поддерживалъ революціонные методы, уроки прошлаго не пропали даромъ. Избраніе Головина доказало единеніе прогрессивныхъ партій на почвѣ практической политики. Этого единенія опасаться нечего. Если депутаты удовлетворятся постепенными стремленіями къ новымъ прогрессивнымъ формамъ, то наступитъ время, когда старое будетъ предано съ обѣихъ сторонъ забвенію. «Morning Post» напечатала по поводу думы пессимистическую статью. Изъ либеральныхъ газетъ только въ «Daily News» помѣщена статья рѣзко радикальнаго характера.

* * *
Парижская печать, оживленно обсуждая открытіе г. думы считаетъ общее впечатлѣніе засѣданія недостаточно опредѣленнымъ для окончательной характеристики думы, но видитъ, однако, въ рѣчи Головина и въ отсутствіи рѣзкихъ манифестацій социалистовъ нѣкоторые благоприятные признаки жизнеспособности новаго народнаго собранія. Въ этомъ смыслѣ высказываются газеты: «Temps», «Messidor» и «Liberté».

* * *
Вѣнскія газеты избраніе Ф. А. Головина предсѣдателемъ государственной думы всѣми фракціями центра и лѣвыми истокниками, какъ доказательство того, что и лѣвыя партіи хотятъ мирнаго конституціоннаго развитія и работы, а не революціи во что-бы то ни стало.

Въ день открытія второй государственной думы.

Статья В. А. Пинчука.

Мнѣ не пришлось видѣть самое торжество открытія государственной думы, но о немъ я все-же хочу сказать нѣсколько словъ на основаніи газетныхъ извѣщеній.

Первое впечатлѣніе отъ прочитаннаго: «слава Богу, открытіе прошло благополучно. Ни истеричныхъ криковъ, ни грубыхъ выходокъ со стороны «обѣихъ крайнихъ» не было».

Въ этомъ впечатлѣніи, разумѣется, мало отраднаго, но уже то, что оно выражается въ такихъ словахъ, указываетъ, что мы боимся за участь нашего парламента. Говорю такъ потому, что впечатлѣніе, вынесенное мною, не единичное: съ кѣмъ мнѣ ни приходилось говорить объ этомъ 20 февраля, въ день открытія думы, всѣ высказывали почти то-же самое. А говорить приходилось со многими знакомыми и незнакомыми. Говорить приходилось и въ тысячной толпѣ, тотчасъ по закрытіи перваго думскаго засѣданія.

Что это была за толпа? Тутъ, на Шпалерной, казалось, было все свободное отъ труда въ этотъ день населеніе столицы. Были и войска разнаго рода оружія. И вотъ тутъ-то чувствовалось, что это населеніе, вѣрнѣе, эта праздная толпа ожидала какого-либо «скандала» въ думѣ; она его хотѣла, но ея ожиданія, къ счастью всѣхъ и къ крайнему сожалѣнію этой толпы, не осуществились...

Выходъ депутатовъ изъ думы несказанно оживилъ толпу и она кинулась къ нимъ и тотчасъ окружила ихъ. Нѣкоторые изъ толпы, видимо, знали кое-кого изъ депутатовъ. Послышались крики: «Алексинскій, Алексинскій, депутатъ рабочихъ Петербурга!». И, очевидно, именно его толпа, состоявшая по преимуществу изъ рабочихъ и молодежи, въ формѣ различныхъ учебныхъ заведеній, подхватила и стала качать, а затѣмъ, усадивъ на плечи двухъ, остановилась. Депутатъ, держа въ рукахъ шапку и размахивая ею, сталъ держать рѣчь, постоянно прерываемую криками толпы «ура». Изъ рѣчи до меня долетали только отрывочныя слова: «Товарищи... Государственная дума... Ни къ чему... Не забывайте, поддержите снизу, готовьтесь къ бою!».

Что-же это такое? Неужели это говорилъ депутатъ государственной думы? Если она ни къ чему, то зачѣмъ-же онъ шелъ въ нее?

Да, это былъ, несомнѣнно, депутатъ отъ рабочихъ, бывшій студентъ московскаго университета Алексинскій, студентъ, который, какъ передаютъ его биографы, въ университетѣ не учился, а только агитировалъ, произносилъ пылкія рѣчи, «зажигалъ сердца молодежи»...

Теперь ему двадцать восемь лѣтъ... Невзрачный, непрезентабельный, низенькаго роста... Онъ производитъ впечатлѣніе человека, который, что-бы вы ему ни сказали, боится быть оскорбленнымъ: онъ боится, что вы сейчасъ упомянете о его ростѣ. Этому обыкновенно боятся всѣ карлики...

Но толпа шумитъ, кричитъ, поетъ и, двигаясь къ Литейному проспекту съ пѣснями, несетъ на плечахъ депутата Алексинскаго. Напрасно другіе депутаты стараются уговорить толпу разойтись, отказаться отъ какой-бы то ни было демонстраціи... Появляются красные флаги—и толпа дѣлается все шумливѣе и шумливѣе. Раздаются крики: «Амнистія!.. Долой правительство!». Въ результатъ появленіе конныхъ жандармовъ и городовыхъ, свистъ нагайки... давка, крики, стоны... бѣгство въ первыя попавшіяся ворота.

Говорятъ, въ числѣ манифестантовъ было не мало пострадавшихъ. Удивительнаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ. За границей это—обычное явленіе въ подобныхъ случаяхъ, но у насъ готовы въ этомъ видѣть признаки грозной революціи... Надо правду сказать, мы въ толпѣ замѣтили не мало пьяныхъ... Это было просто уличное буйство праздныхъ людей, не болѣе... И войска такъ къ нему и отнеслись...

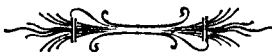
Уже поздно вечеромъ я слышалъ, какъ одинъ молодой рабочій рассказывалъ другому:

— Сегодня насъ маленько у Таврическаго дворца по-стегали...

— За что?

— Да пѣсни горланили...

Вотъ вамъ и революція!

Мысли о думѣ.

Статья П. Короткевича.

Дума благополучно открылась—вторая государственная дума, второй русской парламентъ. Стихли тревоги, томительная тоска, порожденныя безчисленными провокаторскими наскоками на думу и справа, и слѣва. Подлымъ провокаторамъ и фланговъ, и центра не удалось убить думу, прежде чѣмъ она родилась: всѣ ихъ труды пропали даромъ, натискъ разбился о благоразуміе народа: дума благополучно открылась!..

Въ данный моментъ это самое важное. Открытіе думы, все равно, на сколько времени,—Рубиконъ между двумя эпохами современной русской жизни. Разъ этотъ Рубиконъ такъ или иначе перейденъ, народъ можетъ ожидать, что все тягостное, скверное, гадкое, всякое мракобѣсіе, всякій произволь останутся за его плечами, и, чѣмъ дольше будетъ существовать дума, тѣмъ все дальше и дальше будутъ отходить отъ страдальца-народа ужасы пережитаго безвременья. Будущее, конечно, никому не извѣстно, но самый фактъ открытія—только пока открытія!—думы даетъ основаніе надѣяться, что открывающееся впереди будущее уже не такъ безотраднo, какъ оно было доселѣ. Какова-бы ни была дума, изъ какихъ-бы элементовъ она ни составила, она все-таки вполнѣ способна принести пользу народу, при условіи, конечно, если она будетъ работать: будетъ честно, будетъ служить отечеству всѣми своими силами, не будетъ увлекаться ни своекорыстными видами, ни утопіями, а будетъ стоять исключительно на здоровой жизненно-практической почвѣ.

Намъ кажется, что собравшаяся дума имѣетъ всѣ данныя для такой работы. Это ничего, что вторая дума значительно посѣрѣе первой. Мы думаемъ, что эта „сѣрость“ даже лучше. Во второй думѣ значительно меньше блестящихъ профессоровъ, такъ и сіяющихъ

во всё стороны лучами всякой книжной премудрости и на жизнь взирающих, какъ на аудиторію, въ которой имъ нужно прочесть рядъ лекцій. Въ новой думѣ меньше дворянъ—и это хорошо. Современное дворянство слишкомъ мелкотравчато, слишкомъ пропитано узкимъ личнымъ эгоизмомъ, чтобы съ успѣхомъ служить всему народу, на который оно испоконъ вѣковъ привыкло смотрѣть, какъ на свою дойную корову, доставляющую ему и молочко, и маслице, и шерсть, и кожу да еще порядочные капиталы для разбрасыванія ихъ „въ разныхъ заграничныхъ Европахъ“ и въ Монако преимущественно. Въ новой думѣ всего только три еврея, а это гарантируетъ ей отсутствіе излишней страстности и неуклонность отъ принциповъ ради „тактическихъ соображеній“. И духовенства въ новой думѣ меньше, а это тоже очень недурно. Духовные—служители отвлеченности, ихъ образованіе специально присноровлено къ тому, чтобы неуловимое и непостижимое путемъ казуистики превращать въ неоспоримое и очевидное. При томъ-же положеніе современнаго духовенства, напуганнаго къ тому-же участію нѣсколькихъ смѣльчаковъ - рясоносцевъ первой думы, не таково, чтобы представители его осмѣливались на самоотверженіе, даже ради блага родного народа; они, вѣдь,—люди и ничто человѣческое имъ не чуждо. Но въ новой думѣ все-таки есть и профессора, и дворяне, и евреи, и духовные и—что важнѣе всего для народа, ожидающаго отъ своихъ избранниковъ весьма много,—въ новой думѣ есть и большинство, и золотая середина, и оппозиція, т. е., нѣтъ „однoboкости“ первой думы. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, лежитъ весьма прочный залогъ успѣшности думской работы.

О, не пугайтесь того, что въ думѣ большинство—лѣвые! Это вовсе не такъ страшно, и изъ того, что лѣвые вмѣстѣ съ „золотой серединой“ въ три съ половиной раза превосходятъ количественно правыхъ, какъ это выяснилось при выборахъ предсѣдателя думы, вовсе не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ скорые выводы. Въ день открытія думы лѣвые шли съ твердымъ намѣреніемъ [заявить требованіе объ амнистіи,—требованіе безусловно симпатичное, но на первыхъ порахъ много напортившее-бы думѣ; съ своей стороны, правые шли

съ твердымъ намѣреніемъ произвести демонстрацію непристойную для торжественнаго дня—на такія демонстраціи, какъ извѣстно, „союзники“ весьма способны—и что-же вышло? Лѣвые трусили предъ правыми и все обошлось не только благополучно, но и хорошо настолько, что даже столыпинскій оффиціозъ счелъ возможнымъ „похвалить“ думу за первое засѣданіе.

По циркулирующимъ слухамъ, во время аудіенціи новоизбраннаго предсѣдателя думы Ф. А. Головина, какъ утверждаетъ „Новое Время“, Государю Императору угодно было, между прочимъ, выразить Свое удовольствіе по поводу открытія засѣданій государственной думы, указать на сложность и трудность предстоящихъ ей занятій, упомянуть о той громадной подготовительной работѣ, которая выполнена министерствомъ въ видѣ многочисленныхъ внесенныхъ въ государственную думу второго созыва законопроектовъ, являющихся почвою для плодотворныхъ занятій второй думы, выразить увѣренность, что дума вступить на законодательный путь и, отмѣтивъ дробленіе членовъ думы на многочисленныя политическія партіи, пожелать ея членамъ объединенія въ законодательной работѣ на благо родины. Предсѣдатель государственной думы имѣлъ счастье доложить Государю, что члены думы горятъ желаніемъ немедленно, по окончаніи внутренней организаціи, приступить къ законодательной дѣятельности, что общій для всѣхъ членовъ думы идеаль—благо страны—будетъ способствовать объединенію самыхъ разнородныхъ политическихъ фракцій во всѣхъ важныхъ вопросахъ, и, какъ на примѣръ подобнаго объединенія, сослался на фактъ своего избранія, какъ результатъ соглашенія нѣсколькихъ политическихъ группъ.

Въ первой—однoboкой—думѣ ничего такого не было. Въ ней не было оппозиціи. Въ ней „трусить“ было некого и въ первомъ-же засѣданіи совершена была крупнѣйшая безтактность, поведшая къ немедленному обостренію отношеній между сторонами, призванными для совмѣстной работы, а затѣмъ и къ печальному дню 9-го іюля.

Думѣ въ ея массѣ вовсе не нужно особенно обширнаго образованія для плодотворной работы. Не боги горшки обжигаютъ! Образование, конечно, не мѣшаетъ, но участь первой—такъ сказать, профессорской—думы

въ достаточной мѣрѣ говорить за то, что чаще всего теоретическія соображенія весьма далеки отъ жизни, этого суроваго и безапелляціоннаго практика. Припомните, какъ клялся Родичевъ, что думу невозможно будетъ разогнать! припомните, какъ съ меланхолическимъ видомъ разные Кузьмины-Караваевы, Набоковы, Муромцевы восклицали, что сдерживать народъ уже они не въ состояніи, что народъ рвется въ бой противъ своего „вѣковѣчнаго врага“. Мы не говоримъ объ историческихъ выкрикахъ гг. Аладыныхъ, Ромашвили, Сѣдельниковыхъ; имъ-то уже и Богъ велѣлъ кликушествовать: вѣрно, они въ дѣтствѣ мамкой ушиблены были,—но всѣ эти выкрики произвели свое впечатлѣніе даже на тѣхъ, кто болѣе этихъ господъ былъ освѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣла. Вѣдь, припомните, припомните! даже мужички были увлечены и тѣ думали, что все и на самомъ дѣлѣ такъ, какъ говорятъ „господа-баре“. Честнѣе всѣхъ поступилъ несчастный Андреяновъ, не смогшій выяснитъ себѣ массу противорѣчій, а такіе новоявленные „сицилисты“, какъ пресловутый Лосевъ, или тотъ синьоръ, который, не попавъ въ уѣздную полицію, сталъ громить съ думской каѳедры министровъ, а потомъ попался среди кронштадтскихъ возстанцевъ, или тотъ синьоръ, опять повторяемъ, который, возвратившись изъ думы, занялся у себя на родинѣ кражей свиней, въ счетъ не идутъ. Мы думаемъ, для народа важнѣе именно всестороннее обсужденіе тѣхъ или иныхъ дѣлъ.

Русское государство чрезвычайно обширно; даже и теперь, послѣ японской войны, оно раскинулось такъ, что въ его предѣлахъ не заходитъ солнце; да, именно оно не заходитъ, гдѣ-нибудь оно всегда есть, такъ какъ границы Россіи находятся въ двухъ полушаріяхъ. Всѣхъ народовъ, народцевъ, племень обитаетъ на Россійской территоріи многое множество. До сихъ поръ все зло происходило изъ того, что законы, которымъ обязывалось слѣдовать безусловно все населеніе, были создаваемы петербургскими чиновниками. Извѣстенъ курьезный фактъ, когда одинъ петербургскій чинуша установилъ пароходство по рѣкѣ, въ которой и воды бываетъ только, что въ половодье. Этимъ были прекращены и сплавъ лѣса весной, и рыбная ловля. Когда-же

мѣстные жители обратились съ представленіемъ къ министру, то получили въ отвѣтъ сообщеніе, что петербургскія канцеляріи лучше ихъ знаютъ, что имъ нужно, чего имъ не нужно. Не помогла жалоба и въ сенатъ, и такъ и остались эти люди при петербургскихъ правленіяхъ. Этотъ случай весьма мелкій, но онъ весьма характеренъ, потому что доказываетъ, что при существованіи думы мелкіе чинуши не могли-бы являться законодателями, такъ какъ въ Думѣ всегда нашлись-бы такіе государственные выборные, которые, можетъ быть, и получили-бы все свое образованіе въ какой-нибудь начальной школѣ, но тѣмъ не менѣе могли-бы одернуть чинушекъ и указать подлежащему вѣдомству на истинное положеніе дѣла.

И такихъ случаевъ великое множество. Законы Имперіи искажены множествомъ циркуляровъ, разъясненій, предложеній, свѣдѣній, разсылаемыхъ изъ Петербурга въ мѣста. Возьмите хотя-бы послѣдній законъ о нормировкѣ рабочаго дня! Развѣ изъ него получилось-бы такое чудовищное безобразіе, какое теперь есть, если-бы онъ подвергся думскому обсужденію? Вѣдь, въ Думѣ нашлись-бы, можетъ быть, и малограмотные люди, но которые въ точности знаютъ все, что касается даннаго вопроса. А потомъ этотъ законъ о выходѣ изъ общины? Развѣ обратился-бы онъ во зло русскому крестьянству, если-бы только онъ былъ обсужденъ людьми не кабинетовъ, не канцелярій, а людьми фактической жизни, хотя-бы и плохо грамотныхъ? Вѣдь, пятьсотъ мнѣній по тому или другому вопросу способны выяснить его во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Законъ, въ которомъ каждое изъ этихъ пятисотъ мнѣній такъ или иначе нашло-бы свой откликъ, былъ-бы совершеннымъ закономъ, удовлетворяющимъ всѣхъ, пригоднымъ для всѣхъ; онъ явился-бы въ формулѣ жизни и для тѣхъ, кто живетъ на крайнемъ сѣверѣ, и для тѣхъ, кто живетъ на крайнемъ югѣ; его не были-бы въ состояніи исказить и затемнить никакія канцеляріи и разъясненія. А налоги? Да, вѣдь, до сихъ поръ они устанавливались, какъ Богъ на душу положитъ какому-нибудь шустрому чиновнику, а отъ этого одни пановали, другіе-же несли непосильныя тяготы. Дума вполне способна уравнивать

эти тяготы, разложить ихъ поровну на всѣхъ и въ такомъ соотношеніи, что тотъ, у кого много, и тяготы понесетъ большія, а у кого мало—тотъ и понесетъ малую тяготу.

Наконецъ, вся русская смута происходитъ отъ того, что русскіе люди перестали понимать другъ друга. Въ Россіи происходитъ какое-то подвавилонское смѣшеніе языковъ, русскіе люди какъ-будто говорятъ на разныхъ языкахъ, никто другъ друга не понимаетъ, а каждый дѣйствуетъ такъ, какъ ему вздумается. Вотъ, напримеръ, говорятъ о произвольникахъ, только и дѣлающихъ что нарушающихъ законъ. Но кто-же эти произвольники? Вѣдь, они—такіе-же люди, русскіе люди, какъ и тѣ, кто страдаетъ отъ ихъ произвола. Вѣдь, и палачи, и жертвы, быть можетъ, наканунѣ были друзьями—и вдругъ обнаружился распадъ. Почему? Да потому, что друзья предыдущаго момента вдругъ заговорили между собою на совершенно непонятномъ языкѣ. Дума можетъ прекратить рознь, дума можетъ установить сносна взаимотношенія и для этого ей не нужно никакихъ особенныхъ знаній, а только желаніе послужить родному народу и искренность.

Лѣвые въ думы—сплошь утописты. Всѣ эти социаль-демократическія республики не по плечу русскому народу; онѣ—дѣло далекаго, далекаго будущаго. Вѣдь, социальная или демократическая республика—это ступень къ міровой республикѣ, т. е., къ такой формѣ народоустройства, которая является наиболее совершенной. Странно было-бы, если-бы въ Россіи установилась такая форма народоустройства; вѣдь, это было-бы покушеніемъ съ негодными средствами на общечеловѣческое благоденствіе, вѣдь, это—журавль въ небѣ. Русскому народу нужно получить синицу въ руки! Поэтому, что-бы ни говорили „эсъ-эры“, „эсъ-деки“, „энь-эсы“, „трудовики“, всѣ ихъ разговоры—не болѣе, какъ утопическія бредни, очень красивыя въ тиши кабинетовъ и рѣшительно ничего не стоящія, когда ихъ приходится ставить на жизненнопрактическую почву.

Правые... Гм... Правые, ну, это—особая категорія. Кое-гдѣ они, пожалуй, и искренни, но ихъ ужъ очень избаловали покровительства и субсидіи. Ихъ искрен-

ность минимальна, а аппетитъ громаденъ. Они не могут примириться съ тѣмъ, что наступаютъ новыя времена, при которыхъ сила перестаетъ быть правомъ, а право явилось могущественной силой. Вѣдь, при такомъ порядкѣ вещей произойдетъ уничтоженіе ихъ собственнаго благосостоянія, а люди—всегда люди, они стараются о себѣ и свои домогательства прикрываютъ якобы стремленіями къ достиженію народнаго блага путемъ возвращенія къ прежнему.

Золотая середина—центръ, ну, это, какъ и всегда, ни рыба, ни мясо. Они только и смотрятъ—правая, лѣвая, гдѣ сторона. Однако, роль центра въ думѣ чрезвычайно важна. Центровики способны каждый вопросъ повернуть по-своему: сегодня они голосуютъ за правыхъ, завтра за лѣвыхъ, послѣзавтра наоборотъ, но и у нихъ есть кое-что искреннее, и они способны на великое служеніе народу.

Вотъ именно въ такой организаціи думы и таятся начала ея жизненности. Каждый возбужденный вопросъ можетъ быть обсужденъ всесторонне. При обсужденіи явится множество противорѣчій, а изъ противорѣчій и истекаетъ истина.

Газеты говорятъ, что первая дума вела штурмъ непріятельскихъ позицій, вторая-же приступаетъ къ правильной ихъ осадѣ. Какъ это скверно! Какой тамъ штурмъ, какая тамъ осада! Россіи нужно дѣло, а не борьба. Кто-бы ни былъ въ составѣ правительства, но если дума сумѣетъ заставить правительство работать на благо народа, то это будетъ великая русская дума, а штурмы, осады—это только звонкія фразы.

Не звонкость, не безсодержательность нужны, повторяемъ, но прямо необходима работа, дружная созидательная работа, а не звонарство.

Довольно наговорено всякихъ фразъ, довольно напущено тумана, пора ему разсѣяться. Изстрадавшаяся Россія жаждетъ покоя и да благословенна будетъ дума, если она сумѣетъ дать его странѣ.

Думскія картинки.

Дума просуществовала только еще дни, — считая за думскій день только тѣ часы, въ которые происходитъ думское засѣданіе, — и, между тѣмъ, она уже получила въ народѣ нѣсколько специальныхъ прозвищъ. Такъ, говорятъ: „дума вторая“, „дума осторожная“, „дума обовчиненная“.

Во второе засѣданіе Думы, 23-го февраля, въ первомъ часу дня, по нѣкоторымъ заламъ Таврическаго дворца стали распространяться дымъ и вскорѣ затѣмъ изъ отдушины въ паркетномъ полу церковнаго корридора появилось пламя. На мѣсто пожара немедленно прибыли двѣ ближайшія пожарныя команды, но огонь, въ это время удалось уже потушить. Причина возникновенія пожара въ корридорахъ госуд. думы не выяснена, но, какъ полагаютъ, пожаръ возникъ отъ брошеннаго не погашеннымъ окурка папиросы.

Этотъ случай, самъ по себѣ незначительный, тѣмъ не менѣе уже создалъ думѣ новое прозвище: „Дума прожженная“.

* *

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ даетъ такой портретъ петербургскаго представителя рабочихъ, „студента безъ пяти минутъ“ и весьма плохого газетнаго корректора, благодаря которому большинство попадавшихъ въ его руки изданій выходили съ необъявленной преміей — „нѣсколькими фунтами опечатокъ“. Но судьба способна на всякіе кунштуки. Человѣкъ, не желавшій или не умѣвшій, какъ слѣдуетъ, исполнять принятыя на себя обязанности, т. е., другими словами, относившійся безъ уваженія къ самому себѣ, оказался почетнымъ всѣмъ „сознательнымъ пролетариатомъ“ веселой столицы. Вотъ каковъ онъ:

„На кафедре, — рассказываетъ корреспондентъ, — выходитъ пресловутый Алексинскій. Маленькій человѣкъ, почти безъ растительности на лицѣ, съ сѣрымъ лоснящимся лицомъ; квадратный и совершенно плоскій лобъ придаетъ его лицу выраженіе далеко не благоприятное для лидера большевиковъ. Этотъ ораторъ говоритъ со всѣми приемами „лѣвыхъ“ митинговъ: на указательномъ пальцѣ лѣвой руки накрута шпиргалочка, съ которой онъ и считываетъ аргументы противъ предыдущихъ ораторовъ; аргументы почти всѣ — чисто словеснаго характера; „ораторъ сказалъ то-то, а я ему возражу то-то“. Во-

обще ни въ какое сравненіе не только съ Набоковымъ, Винаверомъ или Ледницкимъ, но даже и съ Аладьинимъ, Аникинымъ и Жилкинымъ Алексинскій не идетъ. Каковы-бы ни были увлеченія первыхъ или ошибки вторыхъ, въ нихъ чувствовалась мощь и индивидуальное, рельефное содержаніе, въ особенности у Аладьина и Аникина. Алексинскій-же — это, повидному, второе изданіе „товарища Абрама“. Читатели замѣтятъ, что дѣлается эта оцѣнка отнюдь не по существу того, что говорилъ Алексинскій, а исключительно по формѣ, по тѣмъ *imponderabilia* (невѣсомымъ), которыя называются темпераментомъ и которыя почти всегда можно учесть по первому впечатлѣнію“.

* *
* *
* *

Тотъ-же корреспондентъ подмѣтилъ такую сценку.

Въ одной изъ бесѣдующихъ группъ съ добрыхъ полчаса не безъ успѣха отбивался какой-то херсонскій крестьянинъ, поражавшій окружающихъ своеобразностью доводовъ.

— Вы говорите, землю дѣлить? — наскაკиваетъ онъ на юнаго трудовика. — А по-моему, коли дѣлить, такъ все кряду: и землю, и фабрики, и дома, да кстаи уже и вашъ скюрткъ съ моимъ здуномъ, чтобы никому не обидно было...

Трудовикъ не ожидалъ такого радикализма отъ депутата съ правыхъ скамей и даже не сразу нашелся, что возразить.

— А у васъ вотъ цѣпочка съ часами, — не удивается херсонецъ, — у меня ихъ нѣтъ, ну, и ихъ раздѣлимъ...

— Часы мнѣ подарены, — конфузится трудовикъ и говоритъ, что если такъ широко ставить вопросъ, то не удастся ничего добиться. Необходимо съ земли начать, потому домъ можно выстроить, а земли больше, чѣмъ есть, не откуда заполучить.

Трудовика поддерживаетъ другой лѣвый; онъ усиленно выкрикиваетъ какія-то цифры и нѣсколько разъ повторяетъ:

— Я специально занимаюсь аграрнымъ вопросомъ, мнѣ можете вѣрить, я специально...

— Вы занпмаетесь, потому-то вы ничего и не знаете, — опять неожиданно срѣзываетъ лѣваго херсонскій крестьянинъ. — А я самъ на землѣ живу, весь югъ исходилъ, собственными глазами вашъ аграрный вопросъ разглядывалъ и на своей спинѣ чувствовалъ — и, повѣрьте, больше васъ понимаю.

— Понимаете, знаете!.. — повыпаетъ тотъ лѣвый. — Вѣроятно, знаете, что у помѣщиковъ 55 милліоновъ десятинъ земли...

— И это прекрасно знаю, — прерываетъ херсонецъ, — и цифрами меня не запугаете и въ кашу ихъ не положите.

Неуваженіе къ цифрамъ вызываетъ бурю негодованія въ толпѣ,

окружившей спорщиковъ, поднимается шумъ и каждый старается перекричать остальных; на мгновеніе крики смолкаютъ и голосъ крестьянина снова покрываетъ остальныхъ:

— Хотите отнимать землю, отнимайте, только сегодня вы возьмете, а завтра другіе вамъ горло перегрызутъ...

— Вонъ онъ куда!.. — заглушаютъ херсонца, — да онъ съ Крушеваномъ, онъ и Гурку, пожалуй, хвалить начнетъ!..

— Съ Крушеваномъ! Ни съ какимъ не съ Крушеваномъ, а самъ по себѣ, — не даетъ спуска крестьянинъ. — А что Гурку вспомнили, такъ всё вы тутъ Гурки!.. — вдругъ неожиданно выпаливаетъ онъ.

* * *

Съ депутатомъ Литвиненко отъ Кіевской г. произошелъ нѣкоторый инцидентъ. Въ бюро думы пришли двое съ фамиліей Литвиненко. Одинъ пріѣхалъ въ понедѣльникъ, другой — во вторникъ.

Призвали всѣхъ депутатовъ Кіевской губ., чтобы разобрались, кто изъ двухъ настоящій, кто — по ошибкѣ явился.

Пришли кіевскіе депутаты, посмотрѣли на новаго и затѣмъ говорятъ:

— У насъ туточки е свій Литвиненко.

— Свій Литвиненко?

— А вы зовсімъ не Литвиненко.

— Еге! такъ кто-жъ я такій, якъ я не той Литвиненко?

— Це мабутъ васъ підославъ Пихно?

— Та яжъ ни якого Пихны не знаю. Ще дайте міні депутатскій билетъ.

— А якъ чи вы хочите бути депутатомъ?

— Та не знаю. Міні сказали, нехай ему льхо, на заводі, щобъ я поїхавъ, такъ я и поїхавъ; бильшь я ничего не знаю.

Оказывается, что второй малоросъ былъ просто однофамильцемъ

* * *

Завѣдующій охраной Таврическаго дворца полковникъ бар. Остенъ-Сакенъ обезпокоился тѣмъ, что депутаты собираются въ кулуарахъ многочисленными группами и громко разговариваютъ. По этому поводу онъ собирался сдѣлать соответствующее разъясненіе депутатамъ, чтобы они не устраивали митинговъ, но, встрѣтивъ по началу рѣзкій отпоръ, отказался отъ этой мысли и обратилъ свои взоры на представителей печати. Онъ обратился къ нѣкоторымъ представителямъ печати съ просьбой прекратить бесѣды съ депутатами, усматривая въ этихъ разговорахъ агитацію въ духѣ прогрессивныхъ газетъ.

— Чѣмъ объяснить проявляемую начальникомъ охраны дѣятельность по отношенію къ журналистамъ?— спрашивалъ одинъ изъ корреспондентовъ у свѣдующихъ лицъ.

— Очень просто, — услышалъ онъ въ отвѣтъ, — вы спросите пристава думы или его помощниковъ — кого они должны слушать? они вамъ не сумѣютъ отвѣтить.

— Какъ?

— Въ зданіи государственной думы въ настоящее время три хозяина; председатель думы, премьеръ-министръ и начальникъ охраны. Все это на основаніи закона. Съ такими условіями придется считаться президіуму думы.

* * *

„Эсъ-деки“ — большевики такъ и стремятся, не спросясь броду, лѣзть въ воду. Они не хотятъ дѣйствовать стройно со всѣми, а только и рвутся впередъ съ требованіемъ амнистіи. Проекта амнистіи у нихъ нѣтъ, готоваго предложенія тоже, образованія комиссіи они также не собирались требовать.

— Что-же въ такомъ случаѣ хотѣли вы сказать думѣ?—спросилъ сотрудникъ „Руси“ у одного изъ „эсъ-дековъ“.

— По всей Россіи раздаются крики: „амнистіи, амнистіи“, — послѣдовалъ отвѣтъ: — Наши братья, лучшіе борцы, замурованы въ застѣнкахъ. Мы считали себя обязанными съ трибуны думы дать народу слѣдующій отвѣтъ. „При настоящихъ условіяхъ мы безсильны добиться амнистіи, народъ самъ долженъ ее взять“...

— Значитъ, опять народъ. А дума? что-же, у нея одна роль: командовать народу — сдѣлай то, сдѣлай то, а сама она своими средствами ничего не можетъ сдѣлать? Но это явно не вѣрно!

Въ другихъ оппозиціонныхъ группахъ тотъ-же корреспондентъ слышалъ несдерживаемое негодованіе по адресу „с.-д.“ за ихъ вызывающее поведеніе не только въ отношеніи всей оппозиціи, — это-бы еще полбѣды, — а въ отношеніи всей думы, какъ народнаго представительства.

* * *

Невѣроятно, но фактъ — какъ пишутъ въ рекламахъ.

Барышня пожелала достать билетъ въ государственную думу для себя и двухъ подругъ. Приходить. Ей говорятъ: „Потрудитесь сначала записаться“. Она записывается. За столомъ строгая особа которая ей предлагаетъ слѣдующіе вопросы: — „Сколько лѣтъ?“ — Отвѣчаетъ. — „Дѣвушка или женщина?“ — Отвѣчаетъ. — „Были-ли въ роду запойные или сумасшедшіе?“ — Отвѣчаетъ. Еще нѣсколько болѣе

интимныхъ вопросовъ, на которые барышня отвѣчаетъ не менѣе добросовѣстно. На-тѣ же вопросы, касающіеся уже двухъ ея подругъ, она даетъ отвѣты по мѣрѣ силъ.

Барышни выдаютъ три билетика и просятъ обождать. Затѣмъ проводятъ въ другую комнату, гдѣ ее принимаетъ уже господинъ; она протягиваетъ ему свои три билетика.

— Почему — три?

— Одинъ мой, а два моихъ подругъ.

— А гдѣ же ваши подруги?

— Онѣ дома...

— Какъ-же вы хотите?

— Но мнѣ сказали, что можно и заочно.

Господинъ внимательно смотритъ на нее и затѣмъ спрашиваетъ:

— Да вы затѣмъ пришли?

Барышня изумленно:

— За билетами въ думу.

Выясняется, что она по ошибкѣ попала въ клинику Елены Павловны.

„Ошибиться такъ можетъ гражданинъ любой страны, — говоритъ „Русь“, — но ни въ одномъ государствѣ, кромѣ Россіи гражданинъ такъ покорно отвѣчать на вопросы не можетъ“.

* * *

„Ни одна страна не имѣла еще, вѣроятно, такого пестраго парламента, какъ у насъ, — восклицаетъ „Родная Земля“. — Вы ходите по кулаурамъ, и кажется вамъ, что вы попали на какую-то всемирную выставку, куда съѣхались представители всѣхъ племенъ, нарѣчій, націй. Десятки различныхъ костюмовъ. Десятки нарѣчій, по большей части варіацій русскаго языка. Сотни различныхъ требованій, мечтаній и заботъ.“

„Вотъ группа польскихъ крестьянъ въ живописныхъ національныхъ старо-польскихъ костюмахъ. Недалеко отъ нихъ собирались въ кружокъ малороссы. Поддевки разстегнуты. Широкіе шаровары развѣваются, какъ паруса. Широчайшіе купаки, красные, какъ огонь, плотно обхватываютъ станъ. У праваго окна совѣщаются татары. На нѣкоторыхъ изъ нихъ модные фракы, смокинги, сюртуки, бѣлоснѣжныя рубахи. Но всѣ они въ ермолкахъ. И сочетаніе европейскаго фрака съ восточной ермолкой какъ-то странно рѣжетъ глаза. А тамъ идутъ черниговцы, казаки, рабочіе въ пиджакахъ и блузахъ.“

„У многихъ изъ депутатовъ груди украшены Георгіями. Это не спасало ихъ, однако, ни отъ тюрьмы, ни отъ казацкихъ нагаекъ“.

„Сѣрая“ дума.

Статья В. А. Клейна.

Все чрезвычайно сѣро... Сѣрое февральское петербургское утро въ одиннадцать часовъ дня, сѣрое зданіе Таврическаго дворца, имѣющаго видъ стараго помѣщичьяго дома, на сѣромъ фонѣ угасающей зимы, скверная, сѣрая отъ смѣшавшагося съ землей снѣга мостовья... загрязненные экипажи—извозчичьи и „собственные“... Брр... все неприглядно и скверно...

Заль депутатскаго собранія, заль представителей „богатырей мысли“, на которыхъ съ вождельніемъ смотритъ вся Россія. Они дадутъ ей „порядокъ, миръ и благоденствіе“. Заль сѣрый, съ сиреневыми креслами для депутатовъ. Сирень—признакъ весны, ея отѣнокъ. Но неужели только весна? Она въ Россіи обманчива: сулитъ обиліе плодовъ земныхъ, а въ результатѣ—го-лодь.

Точно навсегда миновало то время, когда Карамзинъ съ неподдѣльнымъ, казалось, восторгомъ писалъ:

„Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи! Бѣлая одежда зимы, наконецъ, утомляетъ зрѣніе... Душа желаетъ переменъ, ручьи бѣгутъ съ горъ и звонкій голосъ жаворонка раздается въ высотѣ воздушной! а земледѣлецъ, какъ мореплаватель, радостно восклицаетъ: „земля!“.

Я, кажется, невѣрно цитирую слова знаменитаго исторіографа и публициста первыхъ годовъ прошлаго вѣка, но я все-же цитирую его наизусть и за точность его мысли ручаюсь. Емнѣ напомнило засѣданіе государственной думы 23-го февраля. Земледѣлецъ въ большемъ количествѣ засѣдаетъ въ ней. Онъ — тотъ-же сѣрый, но теперь онъ восклицаетъ на зарѣ своей политической весны не „земля“, при радостномъ освобожденіи ея отъ снѣжныхъ покрововъ, а „земли!“. Но я забѣжалъ впередъ, онъ еще не восклицаетъ, но готовъ воскликнуть и за тѣмъ именно пришелъ сюда, въ

этотъ богатый, но все-же сѣрый дворець, какъ сѣръ и онъ самъ.

Однако, сѣръ въ думѣ не одинъ землевладѣлецъ. Сѣры здѣсь всѣ, всѣ тѣ, въ которыхъ желали видѣть „богатырей русской мысли“. Послѣднихъ нѣтъ... Среди почти пятисотъ депутатовъ нѣтъ ни выдающихся представителей слова, нѣтъ тѣхъ, кто двигалъ и движетъ науку въ Россіи, нѣтъ и тѣхъ выдающихся силъ, которыя знаютъ ея духовную жизнь... На всемъ сѣрость. Точно все талантливое, все выдающееся уклонилось отъ представительства въ русскомъ парламентѣ. Этого держатся въ С. - Американскихъ Штатахъ, выставляя видныхъ дѣятелей лишь въ роли президента и его товарища. У насъ—не Америка, и нашъ новый парламентъ долженъ былъ-бы обогатиться силами, извѣстными всей Россіи, но онѣ въ парламентѣ отсутствуютъ...

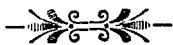
Не стану называть эти силы... Но тридцать три партіи, по официальному подсчету, существующія въ Россіи, не дали своихъ лучшихъ выдающихся представителей, а прислали въ думу заурядныхъ людей, такъ сказать, „заурядъ-прапорщиковъ“ (нелѣпое званіе, Богъ знаетъ кѣмъ придуманное).

Кто избранъ въ президіумъ? Кромѣ г. Головина, предсѣдателя, два никому невѣдомыхъ его товарища гг. Березинъ и Познанскій; первый—докторъ-статистикъ, второй—ничѣмъ не выдавшійся присяжный повѣренный. Даже для президіума не нашлось людей болѣе или менѣе извѣстныхъ. Это-ли не сѣрость государственной думы?

Первымъ ораторомъ выступилъ на трибунѣ крестьянскій депутатъ Минской губерніи, г. Мельникъ. Онъ скромнень и простъ. Никакихъ партій онъ, видимо, не знаетъ и никакихъ ихъ оттѣнковъ не понимаетъ. О чемъ-же онъ говорилъ? Онъ просилъ сдѣлать перерывъ засѣданія, думы, чтобы, какъ онъ сказалъ, „крестьянскіе депутаты могли познакомиться между собой и намѣтить своихъ кандидатовъ въ президіумъ“. Предсѣдатель былъ удивленъ, но благодушно спросилъ: „Какой-же перерывъ вамъ, собственно, угодно? На нѣсколько дней, или на нѣсколько часовъ?“. Отвѣтъ былъ: „Менѣ чѣмъ на часъ“. Общее изумленіе, но перерывъ былъ объявленъ на полчаса.

Оказывается, г. Мельникъ думалъ, что въ полчаса въ этой полутысячной думѣ можно намѣтить и провести въ президіумъ своего кандидата, бывшаго предводителя дворянства Могилевской губерніи г. Шидловскаго. Нечего и говорить, что эта попытка не удалась.

Сѣра наша дума, очень сѣра на этотъ разъ, но, какъ увѣряютъ оптимисты, „это къ лучшему—она займется работою“. Хорошо, когда-бы такъ! Однако, есть признаки и иного свойства, но не въ самой думѣ. Нѣкоторые изъ депутатовъ уже и теперь только и дѣлаютъ, что агитацію внѣ стѣнъ Таврическаго дворца противъ думы ведутъ и все готовятся къ какому-то бою.

З а в ѣ т ь.

Сумрачно и сѣро надъ землею русской,
Сумерки смѣнили радостный денекъ,
Но прорвался въ сумракъ полосаю узкой
Съ береговъ приневскихъ яркій огонекъ.
Здѣсь когда-то шведовъ русскій князь могучій,
Налетѣвъ съ дружиной, разгромилъ въ бою;
Но вѣка промчались—и злобѣщей тучей
Горе охватило родину мою.
Эхъ, страна родная! Сколько слезъ и муки
За вѣка неволи ты перенесла!
Отстрадали дѣды, слезы лили внуки—
Не было напастямъ мѣры и числа.
Но промчалось время, дивный лучъ свободы
Засіялъ неожиданно надъ страной родной—
И конецъ какъ-будто близится невзгоды
И какъ-будто близко къ свѣту дневной.
Пусть-же, кто довѣремъ облеченъ народа,
Пусть послужитъ честно родинѣ своей
И тогда воскреснетъ жданная свобода
И родится счастье средь родныхъ полей.
Берегите-жъ свято огонекъ родимый!
Пусть онъ разгорится пламенемъ святымъ
И навѣки стинетъ мракъ непроходимый
И исчезнетъ горе, какъ при вѣтрѣ дымъ.

Т. Славичъ.

Дума и жизнь.

Статья Н. В. Владимірова

Хронологія русской истории обогатилась новой датой — 20-е февраля 1907-го года, день открытія второй государственной думы. Это — день новыхъ надеждъ на возрожденіе нашей родины, день, около котораго сосредоточилось вниманіе всего міра, день, долженствующій положить начало новой эры свѣтлаго будущаго или новыхъ несчастій.

Вторая дума открылась 20-го февраля текущаго года въ 1 ч. 3 минуты пополудни. Въ этотъ почти весенній день ярко свѣтило и грѣло солнце. Сотысячная толпа запрудила улицы, по которымъ долженъ былъ совершиться проѣздъ новыхъ народныхъ представителей, чуткая, восторженная, довѣрчивая толпа... Если считать настроеніе толпы, собравшейся близъ Таврическаго дворца, за выраженіе общаго настроенія Россіи въ этотъ день — то придется признать, что вторая дума — «желанная», что на нее возлагается много свѣтлыхъ надеждъ изстрадавшимся населеніемъ.

20-е февраля — праздникъ русскаго народа. Свѣтлый весенній праздникъ; настроеніе толпы праздничное, весеннее. Прошлое, недавнее горе забыты. Будущее рисуется въ радужномъ свѣтѣ.

Въ политическомъ отношеніи настроеніе толпы, безусловно, конституціонное. «Свобода» — девизъ толпы, горячо привѣтствующей «кадетовъ» и «лѣвыхъ» представителей и далеко негостепривно встрѣчающей «правыхъ» и «черненькихъ»... Послѣднимъ шикають, посвистываютъ, но безъ злобы и скоро ихъ забываютъ, когда появляется фигура того или иного изъ желанныхъ представителей. Этихъ напутствуютъ однимъ и тѣмъ-же словомъ «амнистія»...

Свобода и амнистія, по мнѣнію толпы, должны идти рука объ руку. Свобода и «усиленные наряды» знаменуютъ великій день довольно многочисленными жертвами народнаго восторга.

Въ 1 часъ 3 минуты пополудни «живой токъ» пробѣгаетъ по толпѣ — дума открылась, а немного спустя, уже извѣстно, кто сталъ во главѣ новаго парламента.

Около 4-хъ часовъ дня толпа расходится. Солнце близко къ закату. Восторженное настроеніе господствуетъ, хотя «кошты» угрожающе постукиваютъ по мокрымъ отъ талаго снѣга камнямъ мостовой.

Дума открылась!.. Новая забота, надежды и волненія..

* * *

Гіақанунѣ и даже въ день открытія государственной думы упорно циркулировали слухи о возможности конфликта во время чтенія г. Голубевымъ Высочайшаго при- вѣта думѣ. Малѣйшая партійная безтактность — и знаменательный день омрачился-бы нежелательнымъ столкновеніемъ «правыхъ» съ остальными депутатами. Этого столкновенія, къ счастью, не произошло, хотя кое-какая безтактность и была допущена.

Вообще-же въ этотъ день всѣ собравшіеся въ залѣ Таврическаго дворца вели себя чрезвычайно корректно.. Избраніе председателемъ Ф. А. Головина свидѣтельствуешь не только о тактѣ представителей различныхъ политиче- скихъ партій, но и знаменуетъ собою стремленіе къ творческой работѣ, свойственное всѣмъ новымъ народнымъ избранникамъ. То обстоятельство, что партійная вражда и нетерпимость не имѣли мѣста въ день открытія думы, даетъ поводъ надѣяться, что новая дума явится творческой.

Газеты отмѣтили корректное обращеніе вождя современной бюрократіи П. А. Столыпина къ вождю народныхъ представителей—предсѣдателю думы Ф. А. Головину. Премьеръ обратился къ нему съ вопросомъ-«просьбой» о назначеніи дня для прочтенія деклараціи правительства—не съ «предложеніемъ», а съ «просьбой». Это обстоятельство подчеркнуто «лѣвой» прессой. Ему придаютъ извѣстное значеніе, въ немъ видятъ новую «не захватную» тактику правительства.

Рѣчь новаго предсѣдателя думы, одобренная всей сто- личной прессой, опять-таки чрезвычайно корректна и даетъ надежду ожидать спокойной, не омраченной партійными распрями, творческой работы новой думы.

Сжатая, нѣсколько сухая по формѣ рѣчь Ф. А. Голо- вина, являясь программой дѣятельности его, какъ предсѣ- дателя, въ то-же время отразила въ себѣ и общее направ- леніе новой думы—«осуществленіе, на почвѣ конституцион-

ной работы, блага страны». Мы потому смѣло утверждаемъ послѣднее, то есть, опредѣленіе предсѣдателемъ направленія думы, что его рѣчь не встрѣтила протеста среди депутатовъ, вызвавъ, наоборотъ, общее одобреніе. Удачная, продуманная, корректная рѣчь...

Надо полагать, что эта рѣчь не явилась экспромптомъ, какъ и не должна считаться субъективной; вѣрнѣе, она была выработана той партией («ка-детской»), къ которой принадлежалъ г. Головинъ до избранія въ предсѣдателя, и составлена еще наканунѣ открытія думы. Вопросъ объ избраніи Ф. А. Головина на постъ предсѣдателя былъ предрѣшенъ всѣми партіями, разумѣется, до начала баллотировки.

Такимъ образомъ, его рѣчь, примиряющая всѣ партіи, должна считаться выразительницей направленія всего парламента, основаннаго на чрезвычайномъ тактѣ и взаимныхъ уступкахъ. Такъ-ли это будетъ въ дальнѣйшемъ—сказать трудно, но и то хорошо, что въ первый день не было партійной враждебности...

Залогъ жизнѣдѣтельности думы—ея сдержанность, корректность. Это—прежде всего необходимо со стороны народныхъ представителей, обязанныхъ внести въ нашу суровую жизнь творческую струю обновления. Не менѣе важна и тактика правительства. Какъ оно будетъ вести себя предъ лицомъ народа? Какъ встрѣтятся въ дальнѣйшемъ два полюса страны—народъ и бюрократія?

Представители народа въ массѣ пока являются загадкой. Кабинетъ министровъ выраженъ болѣе или менѣе знакомыми дѣятелями, тактика-же ихъ пока неизвѣстна. Хорошо то, что среди бюрократіи, повидимому, нѣтъ такого «пороха» для конфликтовъ, какимъ являлись покойный военный прокуроръ Павловъ и хотя живой, но отстраненный отъ власти «хлѣбодаръ» г. Гурко. «Заядлая» бюрократія отсутствуетъ. Но предъ министерскимъ кабинетомъ—громкая задача двоякаго рода. Съ одной стороны, защита государственнаго бюджета, вносимаго въ думу въ первую очередь и являющагося даже въ странахъ съ благоустроенной жизнью вопросомъ крайне острымъ, и тѣхъ многочисленныхъ законопроектвъ, которые выработаны министерствомъ, и, съ другой стороны, защита законовъ, которые изданы въ силу 87 статьи основныхъ законовъ и требуютъ для своего существованія утвержденія думы.

Среди этихъ законовъ находятся такіе, которые были изданы, напримѣръ, для урегулированія аграрнаго вопроса. Какъ отнесется къ нимъ дума? Какъ будетъ защищать свое дѣйствіе кабинетъ министровъ? Что если вторая дума въ этомъ вопросѣ проявитъ ту-же тенденцію и ту-же нетерпимость, какъ и первая дума? Помимо аграрныхъ законовъ, есть еще многіе, которые послужили основою дѣятельности правительства въ періодъ отсутствія думы. Какъ отнесутся къ нимъ и ко всей правительственной дѣятельности народные представители и какъ сумѣетъ оправдать и защитить ее само правительство? Все это—въ высокой степени серьезные вопросы и въ отношеніи ихъ положеніе еще крайне напряженное.

Правда, по сравненію съ прошлымъ годомъ положеніе правительства болѣе благоприятно. Какъ уже выше сказано, оно все-таки либеральнѣе горемыкинскаго кабинета и идетъ въ думу не съ пустыми руками, какъ это сдѣлалъ кабинетъ именно г. Горемыкина. Министерство г. Столыпина имѣетъ полную возможность не только направить дѣятельность думы на путь работы, но буквально задавить народныхъ представителей работой, отвлекая ихъ отъ праздныхъ разговоровъ и кликушечьихъ выходокъ. Справятся-ли съ этой работой государственные выборные?

Однако, не будемъ заглядывать въ будущее, забѣгать впередъ, когда настоящее пока, благодаря Богу, довольно свѣтло и радостно, хотя и вся-то радость пока что сводится къ тому, что составъ думы не вышелъ черносотеннымъ, сама дума открылась и ея первый день прошелъ безъ какого-бы то ни было столкновенія...

Кстати о составѣ думы. По подсчетамъ «ча-детской» газеты «Рѣчь», составъ думы въ день ея открытія по отношенію къ партійности депутатовъ выразился такъ.

По 51 губерніи Европейской Россіи.

ПАРТІИ.	По общенб. сѣздамъ.	Отъ ерестьян. кури.	Отъ город. съ отдѣл. предст.	Польша.	Кавказъ.	Восточныя окраины.	Сибирь.	Итого.
К.-д.	53	3	15	1	6	1	2	81
Примыв. къ								} 117
Е.-д.	22	7	1	—	3	2	1	

Лѣвыхъ	53	10	1	—	4	—	—	68	} 210
С.-д.	29	2	1	—	10	2	2	46	
С.-р.	23	4	—	—	1	—	—	28	
Нар.-соц.	8	—	1	—	—	—	—	9	
Трудовик.	13	10	2	1	—	1	2	29	
Правыхъ	54	3	3	1	2	—	—	63	} 88
Октябристовъ	23	—	2	—	—	—	—	25	
Умѣрен.	8	1	—	—	—	—	—	9	
Прогрессист.	20	10	—	3	2	—	—	35	
Безпартійн.	18	3	—	—	—	1	—	22	
Польск. наро- довц. и реал. пол.	7	—	1	31	—	—	—	39	
Всего	331	53	27	37	28	7	7	400	

Наибольше сильной группой является «кадетская» партия—117 человекъ; за ней идутъ социалистическія партии—83 человекъ; затѣмъ уже крайнія правыя—63 человекъ.

Сравнивая настоящій составъ думы съ прошлымъ (перваго созыва), мы видимъ слѣдующее: ослабилась группа «к.-д.»—было 38,60%, теперь стало только 23,90% всего состава думы. Взамѣнъ того усилилась лѣвая сторона: въ прошлой думѣ «с.-д.» вмѣстѣ съ трудовиками составляли 23,20%, теперь же всѣхъ лѣвыхъ—36,70%. Правыя партии въ прошлой думѣ составляли ничтожную величину: крайніе правые совсѣмъ не объявлялись, укрывались за флагомъ, беспартійности, октябристы-же давали 2,90%. Теперь октябристовъ—5,20%, а крайнихъ правыхъ—12,70%. Такого различіе прошлой и настоящей думы по партійному ея составу, указывающее на развитіе политической борьбы за темный періодъ «междодумія»...

Думы не было, но жизнь шла своимъ чередомъ, создавая новыя горести и невзгоды, обостряя отношенія среди различныхъ классовъ населенія Россіи. Борьба за существованіе усилила ряды «лѣвыхъ», борьба за привилегіи создала «крайнюю правую» партию...

Дума явилась во-время. Еще нѣсколько мѣсяцевъ скрытой борьбы—и Россію охватило-бы пламя междоусобной войны. Дума явилась во-время, предупредивъ неизбежную революцію... Открытіе парламента—великій актъ въ нашей исторіи, актъ начала разсвѣта или гибели нашего обширнаго государства. Жутко при одной мысли о томъ, какая

сложная работа предстоитъ народнымъ избранникамъ!.. Сколько такта, выдержки и воли должно быть проявлено различными людьми различныхъ лагерей и партій, чтобы ослабить напряженность момента, чтобы поддержать существованіе столь необходимаго для страны народнаго представительства!.. Въѣдъ, помимо колоссальнаго труда по опредѣленію и удовлетворенію многочисленныхъ нуждъ населенія, думѣ придется тратить силы и волю на предупрежденіе ежеминутно готовой вспыхнуть партійной вражды.

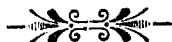
Великая, сложная святая задача! Исторической важности моментъ переживаетъ наша родина и мы—слабые современники этого момента...

Что касается правительства, то оно пока, повидимому, считается съ важностью момента. Нѣтъ того задора, что проявлялся предъ открытіемъ первой думы, нѣтъ той задосчивости. Оно считается съ думой, дѣлаетъ уступки обществу. Значительно измѣнилась во всей Россіи картина жизни. Значительно измѣнились во всей Россіи произвола, которыми такъ была богата наша недавняя дѣйствительность. «Лучше поздно — чѣмъ никогда», говоритъ народная пословица. Можетъ быть, и современная бюрократія измѣнитъ свою тактику и съ истыю сойдетъ съ арены русской жизни, уступивъ безъ боя поле труда народнымъ представителямъ.

Какъ-бы то ни было, а жизнь съ головокружительной быстротой создаетъ все новыя и новыя положенія. 20-е февраля—рубежъ, за которымъ скрывается недавнее кровавое прошлое, а впереди туманъ загадочнаго близкаго будущаго, освѣщенный лучами той зари, которой является вторая государственная «народная» дума.

«Напряженный моментъ» смѣнился новымъ моментомъ, долженствующимъ такъ или иначе разрѣшить загадочную исторію нашей родины.

«Вторая дума» — горячо привѣтствуемая всѣмъ населеніемъ—явись спасительницей изстрадавшейся Россіи, создай ей новую жизнь—жизнь облегченнаго отъ долгихъ невзгодъ страданій населенія! Въ тебѣ одной — вся надежда народа, залогъ его духовнаго, экономическаго и политическаго возрожденія...

Провѣрка выборовъ и суды для про- вѣрки выборовъ.

Статья Л. Фульда.

Почти во всѣхъ государствахъ, управляемыхъ выборными народными представителями, независимо отъ того, будутъ-ли выборы всеобщіе или ограниченныя, прямыя или непрямые, вопросъ о законности выборовъ членовъ вновь созданнаго законодательнаго собранія сводятъ къ повѣркѣ выборовъ. Можно спокойно утверждать, не опасаясь обвиненія въ преувеличеніи, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдняго столѣтія основнымъ принципомъ конституціоннаго государства слѣдуетъ считать исключительное право народныхъ представителей рѣшать, правильно или неправильно выбраны депутаты, или при выборахъ произошли нарушенія закона, достаточныя для признанія выборовъ недействительными. Лишь въ послѣднее десятилѣтіе поднялись возраженія противъ этой системы, сначала единичныя, а затѣмъ многочисленныя, причемъ особенно обильными они сдѣлались въ различныхъ государствахъ средней Европы, такъ что пришлось считаться съ возможностью введенія другой системы.

Требуютъ устройства особыхъ судовъ, такъ называемыхъ судовъ для повѣрки правильности выборовъ, единственной задачей которыхъ должны быть изслѣдованіе и рѣшеніе вопросовъ, касающихся выборовъ.

Для подобныхъ судовъ требуютъ величайшихъ гарантій относительно состава и независимости. Они должны состоять изъ выдающихся людей страны и быть организованы такимъ образомъ, чтобы абсолютно невозможной представлялась попытка воздѣйствія и вліянія, безразлично сверху или снизу.

Съ точки зрѣнія народной психологіи, небезынтересно констатировать, что въ Европѣ во взглядахъ на этотъ вопросъ существуетъ большое различіе въ разныхъ партіяхъ. Ранѣе право повѣрки правильности выборовъ считалось

исключительной привилегіей всякаго парламента, было какъ-бы само собою подразумѣвающимся его атрибутомъ и потому противъ всякой попытки перенести провѣрку выборовъ въ специально назначенные для этого суды наиболѣе горячо выступали политики, стояшіе на почвѣ конституціоннаго государства. Въ настоящее-же время, именно, тѣ политики, которые исповѣдуютъ наиболѣе прогрессивныя взгляды, неоднократно высказывали мнѣніе, что въ виду общаго интереса слѣдуетъ настойчиво рекомендовать замѣну парламентской провѣрки полномочій депутатовъ повѣркой черезъ специальные суды.

Причину такой замѣны видятъ въ томъ, что, какъ выяснилось изъ опыта, во многихъ парламентахъ вопросъ о правильности депутатскихъ полномочій сводится къ вопросу о силѣ, а именно, онъ рѣшается большинствомъ голосовъ, принадлежащихъ вліятельнымъ партіямъ, причемъ объ изслѣдованіи права на полномочіе думаютъ менѣе всего. При этомъ обнаруживается, какъ въ высшей степени трудно для человѣческой природы избѣгнуть злоупотребленія полученной властью и насколько пагубно въ періодъ возбужденія вручать судебныя функціи корпораціямъ, собравшимся подъ вліяніемъ политическихъ цѣлей.

Разрѣшеніе вопроса о законности выборовъ представляетъ собою судебскую дѣятельность, которая должна происходить при полной объективности и отсутствіи предубѣжденія. Хотя при постановленіи этихъ рѣшеній приходится принимать во вниманіе отношенія, касающіяся политической жизни, что до извѣстной степени вліяетъ на характеръ приговора, однако, они не должны совершенно измѣнять рѣшенія. Именно, этой объективности, этой независимости часто не достаетъ парламенту, что особенно обнаруживается, когда приходится бороться противъ злоупотребленій на выборахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше во многихъ парламентахъ развивается обычай или, пожалуй, вѣрнѣе сказать, дурная привычка большинства постановлять рѣшенія въ томъ смыслѣ, чтобы кассировать выборы въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о неприятомъ противникѣ, и считать ихъ правильными, когда дѣло идетъ о сторонникѣ большинства.

Такъ происходитъ не только во многихъ случаяхъ въ палатѣ депутатовъ Франціи и Италіи, но и въ германскомъ рейхстагѣ депутаты не свободны отъ одобренія подобныхъ доктринъ и потому политическое развитіе пришлось-бы

считать неправильнымъ, если-бы допустить, что въ ближайшемъ будущемъ не произойдутъ измѣненія въ этомъ направленіи.

Впрочемъ, въ Англии существуютъ другія отношенія, зависящія, съ одной стороны, отъ существа англійскаго парламента, а съ другой—отъ значенія парламентскихъ традицій, насчитывающихъ за собою много столѣтій.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опредѣленіе правильности выборовъ часто также зависитъ отъ субъективныхъ настроеній и потому при этомъ происходитъ совсѣмъ другое, чѣмъ при гражданскомъ процессѣ.

Предположимъ случай, что при сопровождаемыхъ горячѣй борьбою выборахъ, при которыхъ выступаютъ другъ противъ друга кандидаты социаль-демократической и крайне-правой партій, въ безчисленныхъ газетныхъ листкахъ сообщаются невѣрныя свѣдѣнія о томъ, что представители второй партіи внесутъ законопроектъ, которымъ предлагается наказывать заключеніемъ въ тюрьму всякаго публично проповѣдующаго социаль-демократическое ученіе. Конечно, никогда невозможно математически точно опредѣлить, поскольку въ силу подобныхъ извѣстій выборы могутъ вернуться въ сторону социаль-демократическихъ кандидатовъ; здѣсь можетъ быть отмѣчено лишь общее значеніе подобныхъ слуховъ и ихъ вліяніе на выборы.

Отсюда слѣдуетъ, что необходимо передать разрѣшеніе вопроса о правильности выборовъ въ специальные суды, причемъ необходимо позаботиться о томъ, чтобы послѣдніе были составлены изъ лицъ, имѣющихъ не только необходимыя познанія, но и достаточно широкій кругозоръ, чтобы взглянуть на значеніе вліяній на выборы не съ точки зрѣнія одного гражданскаго права. Въ Австріи мысль о созданіи вышеуказанныхъ судовъ имѣетъ уже большое число приверженцевъ и весьма вѣроятно, что когда австрийцы будутъ имѣть парламентъ, основанный на всеобщемъ избирательномъ правѣ, а этому уже положено начало, ввиду утвержденія закона о всеобщемъ выборномъ правѣ, то не долго придется ожидать и созданія специальныхъ судовъ для повѣрки правильности выборовъ.

Мысль объ этихъ судахъ въ послѣдніе годы приобрѣла себѣ симпатіи и во Франціи, чему больше всего содѣйствовало невыносимое и явно несоотвѣтствующее демократическимъ основамъ наблюденіе за правильностью выборовъ со

стороны радикальнаго большинства, существующаго въ палатѣ депутатовъ.

Въ Германіи общественное мнѣніе еще недостаточно подготовлено. Почти два десятилѣтія тому назадъ съѣздъ орлистовъ, обсуждавшій подобный вопросъ, не счелъ момента благоприятнымъ для выступленія съ предложеніемъ созданія специальныхъ судовъ для провѣрки правильности выборовъ.

Однако, съ тѣхъ поръ много измѣнилось и можно считать, что и въ Германіи понемногу начинаютъ отказываться отъ непризнанія подобныхъ учреждений.

Если однимъ изъ главныхъ стремленій нашего времени является защита въ необходимой степени правъ меньшинства, то заботы объ устройствѣ специальныхъ судовъ для провѣрки правильности выборовъ идутъ этому навстрѣчу, потому что несомнѣнно, что подобные суды обезпечиваютъ право меньшинства въ несравненно большей степени, чѣмъ охваченный политическими страстями личный составъ парламента *), въ обязанность котораго повсюду теперь входитъ повѣрка правильности выборовъ.

*) Въ Россіи повѣрка правильности избранія членовъ государственныхъ думы и совѣта предоставлена обоимъ этимъ учреждениямъ и производится въ специальныхъ комиссіяхъ изъ членовъ этихъ учреждений. Въ этомъ отношеніи Россія уже имѣетъ нѣкоторый опытъ съ своей первой думой. Выяснилъ онъ немногое—думскія комиссіи для провѣрки правильности выборовъ въ первую думу не успѣли закончить полную провѣрку депутатскихъ полномочій и кассировали только два избранія: одно—государственнаго выборнаго, принадлежавшаго къ лѣвой оппозиціи, другое—государственнаго выборнаго, принадлежавшаго къ крайнему правому крылу и проскочившаго въ думу дѣйствительно не совсемъ прямыми путями. Изъ этого можно замѣтить, что думскія комиссіи отнеслись съ полнымъ безпристрастіемъ къ своему дѣлу, а если припомнить, что доклады комиссій по такимъ вопросамъ утверждаются общимъ собраніемъ думы, то въ этомъ можно видѣть нѣкоторую гарантію справедливости и безпристрастности произведенной провѣрки. Эту тенденцію — достиженіе возможно большой безпристрастности — можно было видѣть и теперь, при провѣркѣ полномочій членовъ думы втораго созыва; для этой цѣли весь составъ депутатовъ былъ раздѣленъ на 11 отдѣловъ, въ которые члены попадали не по избранію, а по жребію. Специальные-же суды, какъ-бы они обставлены ни были, все-таки явятся учрежденіемъ бюрократическимъ, а ужъ эти «бюрократическія учрежденія»... кажется, роль ихъ въ общемъ ходѣ событій русской жизни въ достаточной мѣрѣ ясна... Поменьше-бы ихъ, поменьше-бы бумажной дѣятельности и все пошло-бы по иному—по-хорошему... *Прим. редакціи.*

Вторая сессія государственнаго совѣта.

Въ тотъ-же день, 20-го февраля, когда открылись засѣданія второй государственной думы, состоялось и возобновленіе засѣданій государственнаго совѣта. Въ противоположность того, что происходило у Таврическаго дворца предъ открытіемъ засѣданій думы, на Михайловской улицѣ, у дома дворянскаго собранія, гдѣ происходило открытіе государственнаго совѣта, не было никакого оживленія.

Открытіе было назначено въ 5 час. Но уже за полчаса почти всѣ мѣста были заняты. Въ залѣ засѣданій въ текущемъ году сдѣлана перестановка; предсѣдательское мѣсто перенесено на противоположную сторону и соотвѣтственно измѣнилась группировка мѣстъ членовъ совѣта: гдѣ въ прошлую сессію засѣдали дѣвые, теперь сидятъ правые, и наоборотъ.

Всѣ члены совѣта явились въ черныхъ скюртукахъ, между ними лишь рѣзкими пятнами выдѣлялись генеральскіе мундиры военныхъ. Огромное большинство состава г. совѣта осталось то-же, что и въ прошлой сессіи; изъ вновь назначенныхъ обращали на себя вниманіе адм. Дубасовъ и проф. Сергѣевичъ; послѣднему отведено мѣсто за однимъ столомъ съ Д. Н. Шиповымъ; проф. Герье на засѣданіи не былъ. Изъ выборныхъ членовъ перемѣнился лишь составъ академическихъ представителей. Всѣ они заняли крайній лѣвый столъ; тутъ кн. Трубецкой, проф. Мануйловъ, М. М. Ковалевскій, проф. Гриммъ.

Кромѣ того, новыхъ представителей прислало и черное духовенство, депутатами отъ него являются: архіепископъ Николай, епископъ вологодскій и тотемскій Никонъ и епископъ псковскій Арсеній.

Изъ видныхъ прежнихъ членовъ сразу замѣтно отсутствіе гр. Игнатьева; кромѣ его и бар. Будберга, также на-дняхъ убитаго, умерли еще два члена совѣта по выборамъ. Не явились на первое засѣданіе гр. Витте, П. Н. Дурново.

За нѣсколько минутъ до 5 час. собрался въ полномъ составѣ и совѣтъ министровъ; для нихъ нѣтъ особой логи; они занимаютъ крайнія правыя мѣста. Въ первомъ ряду въ день перваго засѣданія, по слов. „Н. В.“, сидѣли предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, министръ Императорскаго Двора бар. Фредериксъ, министръ финансовъ и главноуправляющій землеустройствомъ.

Въ 5 час. началось молебствіе, которое совершалъ петербургскій

митрополитъ Антоній въ сослуженіи съ епископами и священниками членами гос. совѣта. Молебствіе служилось торжественно и долго.

Только-что оно закончилось, потребовали „гимнъ“, который былъ покрытъ долгимъ и громкимъ „ура“, былъ повторень и опять покрытъ „ура“.

Это продолжалось нѣсколько минутъ, послѣ чего предсѣдательское мѣсто занялъ Э. В. Фришъ. Товарищъ предсѣдателя И. Я. Голубевъ пришелъ позже, уже во время чтенія Высочайшихъ указовъ.

Взойдя на предсѣдательское мѣсто, Э. В. Фришъ предложилъ секретарю прочитать указъ отъ 10-го іюля о приостановленіи дѣятельности совѣта до 20-го февраля и затѣмъ, объявивъ засѣданіе открытымъ, предложилъ членамъ государственнаго совѣта и всѣмъ присутствующимъ встать, послѣ чего воскликнулъ:

— Да здравствуетъ Государь Императоръ!

По залу раскатилась „ура“, повторенное нѣсколько разъ.

Затѣмъ были прочтены Высочайшіе указы о назначеніи Э. В. Фриша предсѣдателемъ, т. с. Голубева товарищемъ предсѣдателя госуд. совѣта.

Въ это время т. с. Голубевъ и явился, раскланялся съ предсѣдателемъ и два раза низко поклонился совѣту. Затѣмъ раздалось монотонное чтеніе: „Тайный совѣтникъ“ тайный совѣтникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, гофмейстеръ“. Это секретарь оглашала списокъ членовъ.

Сообщенъ былъ и перечень именъ скончавшихся. Предсѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память покойныхъ членовъ совѣта и сообщилъ, что панихида по нимъ назначена на 22-ое февраля въ церкви Маріинскаго дворца въ 1 часъ дня. Гр. Олсуфьевъ предложилъ г. совѣту въ особой телеграммѣ выразить семьѣ покойнаго гр. Игнатьева сочувствіе г. совѣта и его возмущеніе злодѣяніемъ, жертвою котораго палъ гр. Игнатевъ. Нѣсколько голосовъ предложили послать сочувственныя телеграммы и семьямъ остальныхъ скончавшихся сочленовъ. Эти предложенія были приняты.

Затѣмъ вновь назначенные и вновь избранные члены совѣта были приглашены подписать присяжный листъ, послѣ чего предсѣдатель заявилъ, что избранныя въ прошлую сессію комиссіи личнаго состава и законодательныхъ предположеній теперь считаются несуществующими, что предстоитъ переизбраніе ихъ, которымъ и займетса слѣдующее засѣданіе 24-го февраля, и объявилъ первое засѣданіе закрытымъ.

Всѣ уже начали подниматься со своихъ мѣстъ, какъ вдругъ С. С. Гончаровъ началъ протестовать.

— Кончина гр. Игнатьева, — сказалъ онъ, — не можетъ идти въ

ряду со смертью другихъ сочленовъ. Гр. Игнатьевъ погибъ отъ рукъ злодѣя, жертвой своей непоколебимой преданности престолу и отечеству. Мы всѣ знаемъ этого мужественнаго борца и смерть его особенно печалитъ и волнуетъ.

Нѣсколько голосовъ напомнили, что и бар. Будбергъ тоже пал жертвой злодѣянія. С. С. Гончаровъ согласился, что и смерть барона должна быть поставлена особо.

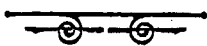
Предсѣдатель въ нѣкоторомъ недоумѣніи возразилъ, что предложеніе о выраженіи сочувствія семьямъ всѣхъ покойныхъ сочленовъ уже принято, а редакція телеграммъ будетъ выработана соотвѣтственно обстоятельствамъ. Инцидентъ оказался исчерпаннымъ Э. В. Фришъ вторично объявилъ засѣданіе закрытымъ.

24-го февраля состоялось второе засѣданіе гос. совѣта подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша. Собраніе было болѣе многочисленно по своему составу, чѣмъ первое. Присутствовало много новыхъ членовъ. Присутствовали отсутствовавшіе на первомъ засѣданіи гр. Витте, Е. И. Алексѣевъ, П. П. Дурново. Министерскія мѣста были заполнены наполовину. По открытіи засѣданія предсѣдатель доложилъ о полученныхъ имъ благодарственныхъ отвѣтахъ отъ семей скончавшихся членовъ совѣта, въ отвѣтъ на сочувственныя телеграммы, посланныя имъ по постановленію предыдущаго собранія. Затѣмъ Э. В. Фришъ предложилъ собранію, на основаніи правила наказа, опредѣлить дни очередныхъ засѣданій на эту сессію; со своей стороны, онъ намѣтилъ два дня въ недѣлю—среду и субботу. Предложенія были приняты, а затѣмъ былъ назначенъ перерывъ, который тянулся три часа.

Во время перерыва происходили выборы членовъ къ комиссію личнаго состава и комиссію финансовую и законодательныхъ предположеній.

Засѣданіе возобновилось въ 12 ч. 15 м. ночи. Многихъ членовъ уже не было видно на мѣстахъ.

Послѣ избранія членовъ комиссіи засѣданіе приступило къ третьему чтенію наказа и редакціоннымъ исправленіямъ его статей. Внесена только одна поправка А. А. Сабурова къ ст. 140, которая говоритъ о порядкѣ сношеній гос. совѣта съ гос. думой и правительственными учрежденіями. А. А. Сабуровъ предложилъ замѣнить выраженіе „правительственными учрежденіями“ выраженіемъ „другими учрежденіями“. Поправка принята. За отсутствіемъ внесенія другихъ какихъ-либо поправокъ наказъ признанъ принятымъ во всей его совокупности и засѣданіе закрыто.

Жизнь и дѣятельность партій.

Послѣ открытія первой государственной думы дѣятельность-политическихъ партій, усиленно проявлявшихъ себя во время выборовъ въ нее членовъ, если не прекратилась совсѣмъ, то почти замерла. Партіи вдругъ какъ-бы погрузились въ сонъ, успокоились, какъ успокаиваются и предаются отдыху люди, скончившіе известное дѣло, которое имъ нужно было выполнить.

Такъ было послѣ открытія первой государственной думы, составъ которой былъ почти однороднымъ, въ которой партіямъ почти нечего было заботиться о борьбѣ или о соглашеніяхъ, такъ какъ и всего-то-навсего въ той думѣ были представители почти одной „кадетской“ партіи. Сами съ собой въ борьбу они, конечно, вступать не могли и потому къ ней имъ нечего было и готовиться. Побѣжденнымъ партіямъ, пославшимъ въ думу одного-двухъ своихъ членовъ или совсѣмъ не пославшимъ ни одного члена, тоже нечего было послѣ выборовъ дѣлать и потому онѣ тогда должны были успокоиться волей-неволей.

Не то теперь. Составъ новой второй государственной думы самый разнородный. Въ ней есть представители почти всѣхъ существующихъ партій, начиная отъ крайнихъ правыхъ и кончая крайними лѣвыми. И всѣ представлены въ порядочномъ количествѣ членовъ. При такомъ положеніи складывать руки партіямъ было нельзя и онѣ и не складывали ихъ, и не складываютъ. Еще до открытія думы, 18-го февраля, происходило предварительное совѣщаніе представителей умѣренныхъ и правыхъ партій. Собрались не только депутаты, примыкающіе къ этимъ партіямъ, но и члены ихъ центральныхъ комитетовъ. Всего на этомъ совѣщаніи было до 80-ти членовъ, среди нихъ болѣе 20-ти депутатовъ-крестьянъ. Предсѣдательствовалъ епископъ кievскій Платонъ, наряду съ другими говорили М. А. Стаховичъ, проф. М. Я. Капустинъ, многіе октябристы и лидеры правыхъ партій гг. Крушеванъ и Пуришкевичъ. Совѣщаніе нашло лозунгъ, который могъ-бы объединить самыхъ разнообразныхъ убѣжденій, а именно: желаніе работать въ гос. думѣ, идти въ нее исключительно для дѣла, памятуя тяжелое положеніе страны и народа и необходимость скорѣйшей разработки законопроектовъ, соотвѣтствующихъ конституціонному строю. Никакихъ постановленій

совѣщаніе не сдѣлало и ограничилось избраніемъ организаціоннаго комитета, которому поручена дальнѣйшая подготовительная работа. Кромѣ тактическихъ вопросовъ, совѣщаніе было занято и болѣе мелкими дѣлами по устройству и размѣщенію прибывающихъ депутатовъ.

19-го февраля происходило соединенное засѣданіе членовъ центральнаго комитета союза 17-го октября и депутатовъ-октябристовъ и примыкающихъ къ нимъ членовъ государственной думы на собраніи было до двадцати пяти человекъ. Предсѣдательствовала пріѣхавшій изъ Москвы А. И. Гучковъ. Засѣданіе было довольно продолжительно и на этотъ разъ пришло къ опредѣленнымъ результатамъ. Главный вопросъ, подлежащій обсужденію, состоялъ въ слѣдующемъ: быть-ли самостоятельной парламентской фракціи союза въ государственной думѣ. Въ первой думѣ въ общемъ распредѣленіи по партіямъ октябристы не значились, такъ какъ одинъ изъ лидеровъ гр. Гейденъ задумалъ основать новую партію мирнаго обновленія. Теперь рѣшено организовать парламентскую фракцію октябристовъ, которые и будутъ существовать въ думѣ, какъ самостоятельная единица. На собраніи выбрано и бюро фракціи; въ него вошли: Н. А. Хомяковъ, проф. М. Я. Капустинъ, крестьянинъ Н. И. Богатовъ, С. Т. Варуць-Секретъ, И. С. Иващенко и И. Ѳ. Грудинскій. Послѣ выборовъ совѣщаніе обсуждало вопросы, касающіеся тактики октябристовъ и представителей другихъ умѣренныхъ партій въ первые дни думы.

„Ка-деты“, трудовики, народныя социалисты, социаль-демократы и даже социаль-революціонеры имѣли до открытія думы собранія, на которыхъ заранѣе пришли къ соглашенію выбрать въ предсѣдатели думы избраннаго затѣмъ Ф. А. Головина.

18-го февраля состоялось засѣданіе такъ называемой „законодательной комиссіи“ конституціонно-демократической партіи. На нее былъ возложенъ трудъ обработать и привести въ стройную систему всѣ законопроекты, начатыя разработкой въ г. думѣ перваго созыва. Кромѣ того, къ обязанностямъ той-же комиссіи была отнесена кодификація тѣхъ законодательныхъ матеріаловъ, которые были разработаны партійными комиссіями послѣ роспуска думы, какъ, напр., труды комиссіи по вопросу о нормировкѣ рабочаго дня для служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ. Помимо всего этого, комиссіи пришлось ввести въ сферу своей компетенціи и тѣ законопроекты, которые были разработаны различными министерствами, рассмотрѣны совѣтомъ министровъ и предназначены къ внесенію въ г. думу въ первую очередь. 18-го февраля засѣданіе комиссіи было посвящено окончательной сводкѣ всѣхъ перечисленныхъ законодательныхъ матеріаловъ для передачи ихъ парламентской фракціи, и

торая установить окончательно очередь внесения этих законопроектов в думу. На первую очередь решено поставить законопроект о неприкосновенности личности, тем более, что и министерство, по собственному почину, разработало аналогичный законопроект. Особой комиссией поручено рассмотреть оба законопроекта, правительственный и „ка-детский“. Далее законодательная комиссия наметила следующий порядок рассмотрения законопроектов в госуд. думѣ: 1) о неприкосновенности личности; 2) о реформѣ мѣстного управления; 3) о всеобщемъ избирательномъ правѣ; 4) о свободахъ совѣсти; 5) по рабочему вопросу. Когда будетъ внесенъ законопроектъ объ аграрной реформѣ, пока неизвѣстно.

19-го же февраля происходило засѣданіе центрального комитета партіи мирнаго обновленія, на которое съѣхались и все члены московскаго отдѣла. Цѣлью засѣданія была выработка директивъ единственному члену ея комитета, попавшему в думу, М. А. Стаховичу. Однако, на засѣданіи выяснилось крупное разногласіе между М. А. Стаховичемъ и другими членами партіи. Это разногласіе по многимъ вопросамъ оказалось столь существеннымъ, что самимъ М. А. Стаховичемъ возбужденъ вопросъ о необходимости объявить себя в думѣ внепартійнымъ.

20-го февраля, само собой разумѣется, все интересы партій сосредоточены были на первомъ засѣданіи думы и торжествѣ ея открытія.

По словамъ „Рѣчи“, тотчасъ по окончаніи засѣданія госуд. думы группа правыхъ, человекъ въ 40—50 вмѣстѣ съ П. Крушеваномъ, В. Пуришкевичемъ, епископами Евлогіемъ и Платономъ, направилась въ помѣщеніе бібліотеки госуд. думы и предложила служащему удалиться, такъ какъ-де здѣсь должно происходить засѣданіе „группы умѣренныхъ“. На указаніе служащаго, что для фракціонныхъ совѣщаній вмѣются особыя помѣщенія и что неудобно засѣдать в бібліотекѣ, не было обращено никакого вниманія. Служащій долженъ былъ удалиться, и „умѣренные“, самовольно захвативъ помѣщеніе, заперли двери и совѣщались около получаса.

И на второй день послѣ открытія второй государственной думы дѣятельность партій не ослабѣвала.

Въ трудовой группѣ день 21-го февраля былъ посвященъ выясненію отношеній группы къ крестьянскому союзу. Въ концѣ концовъ было решено, что крестьянскій союзъ входитъ въ трудовую фракцію, какъ автономная группа, и официальное названіе организаціи въ цѣломъ будетъ „трудовая группа и всероссійскій крестьянскій союзъ“.

На вечернемъ засѣданіи группы, подъ предѣлательствомъ астраханскаго депутата Бѣлаева, разбираался прежде всего вопросъ о про-

вѣркѣ полномочій думы. Депутатами былъ сдѣланъ рядъ заявленій о выборныхъ неправильностяхъ. Многими членами группы былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ кассацин выборовъ, потому что нельзя-же изъ-за каждой пустяшной неправильности кассировать выборы.

Слѣдующимъ разсматривался вопросъ объ организаціи фракціи. Постановлено устраивать общія собранія фракцій—трудовой группы и крестьянскаго союза. Во главѣ фракціи долженъ быть выборный совѣтъ. Въ составъ совѣта входятъ семь членовъ трудовой группы и два члена крестьянскаго союза (по избранію); кромѣ того, въ составъ совѣта входятъ три члена центрального комитета трудовой группы и три члена центр. комитета крестьянскаго союза съ рѣшающимъ голосомъ (принято большинствомъ всѣхъ противъ одного при четырехъ воздержавшихся). Такимъ образомъ, совѣтъ трудовой группы будетъ состоять изъ 15 членовъ.

По предложенію группы социалистовъ-революціонеровъ, постановлено образовать інформаціонное бюро изъ представителей всѣхъ лѣвыхъ партій (кромѣ „к.-д.“ партіи) для взаимнаго освѣдомленія и совмѣстнаго обсуждения нѣкоторыхъ вопросовъ, въ особенности аграрнаго. По нѣкоторымъ вопросамъ інформаціонному бюро предоставлено право вступать въ сношенія съ „к.-д.“ партіей.

Въ засѣданіи 24-го февраля совѣтъ парламентской фракціи трудовой группы и крестьянскаго союза, рѣшивъ окончательно образовать інформаціонное (освѣдомительное) бюро всѣхъ лѣвыхъ партій, выбралъ въ него отъ себя двухъ депутатовъ: Караваева и Карташева. Былъ поднятъ вопросъ о включеніи въ інформаціонное бюро партіи народной свободы; собраніе согласилось принципиально включить „к.-д.“, если противъ этого не будутъ возражать другія народническія партіи. Такъ какъ „с.-д.“ упорно отказываются отъ какаго-либо общенія съ другими, даже лѣвыми, партіями, то совѣтъ трудовой группы рѣшилъ еще разъ обратиться къ „с.-д.“ и указать имъ на общность цѣлей, преслѣдуемыхъ народническими партіями, которыя дѣлаютъ необходимымъ ихъ общеніе, хотя-бы при помощи лишь інформаціоннаго бюро. Къ трудовой группѣ обратились депутаты г. думы, члены литовской с.-демократіи, съ просьбой разрѣшить имъ участвовать въ собраніяхъ группы. Литовцамъ не нравится тактика парламентской „с.-д.“ фракціи и, не раздѣляя платформы трудовиковъ, они всецѣло присоединяются къ ихъ тактикѣ. Совѣтъ, по слов. „Н. В.“, согласился допустить литовцевъ. Затѣмъ онъ разсмотрѣлъ заявленіе группы депутатовъ-мусульманъ о желаніи ихъ войти въ інформаціонное бюро и рѣшилъ принять ихъ въ томъ случаѣ, если программа ихъ не правѣе „к.-д.“ и если другія партіи

не будутъ протестовать противъ ихъ включенія. Трудовики внесли уже въ информационное бюро вопросъ объ отношеніи партій къ продовольственному дѣлу. На первый планъ трудовики ставятъ аграрный вопросъ; они образовали комиссію для разработки аграрныхъ законопроектовъ и готовятъ уже отвѣтъ на декларацию министерства въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ она касается аграрной реформы.

Парламентская фракція народныхъ социалистовъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, но, съ одной стороны, будетъ поддерживать постоянную связь со своимъ организаціоннымъ партійнымъ комитетомъ, а съ другой—будетъ входить въ техническія соглашенія съ другими, примыкающими къ ней, партіями. Общая цѣль, которая поставлена фракціи, — организація народныхъ силъ. Вся дѣятельность фракціи проникнута духомъ борьбы.

Основались въ думѣ уже и новыя партіи. Такъ, группа членовъ государственной думы, объединившаяся въ партію конституціоннаго центра, въ настоящее время постановила переименоваться въ народно-конституціонную партію. Главнымъ ядромъ фракціи этой партіи въ государственной думѣ являются правые депутаты отъ Минской губ. Фракція поставила себѣ задачей объединить крестьянскихъ депутатовъ, принадлежащихъ къ группѣ безпартійныхъ, и сгруппировать тѣхъ депутатовъ, которые, по мнѣнію членовъ нар.-конст. партіи, зачислились въ ту или другую партію лишь по незнанію политическихъ программъ, а не по убѣжденіямъ. Организаторами народно-конституціонной партіи являются члены государственной думы И. С. Иващенко, Г. А. Лашкаревъ и В. А. Якубовичъ.

Собравшіеся въ числѣ 18 депутатовъ избранные казачьимъ населеніемъ различныхъ областей — войска Донского, Уральской, Забайкальской, Семирѣченскаго и т. д.—члены г. думы рѣшили образовать свою—казачью—парламентскую фракцію. Всѣхъ депутатовъ, представителей казачьихъ семей, должно объединять стремленіе къ улучшенію быта и къ проведенію необходимыхъ реформъ для казаковъ. При обсужденіи вопросовъ, касающихся не только казачьяго, но и всего областного населенія, въ совѣщанія казачьей фракціи могутъ приглашаться съ правомъ рѣшающаго голоса и депутаты отъ областей, избранные городами и неказачьимъ населеніемъ. Предсѣдателемъ этой фракціи состоитъ членъ г. думы Щербина.

Революціонеры справа.

Статья Н. В. Алексѣева.

Преддумскій періодъ ознаменовался ожесточенной борьбой «сторонниковъ стараго режима» съ пробудившейся отъ долгаго, тяжелаго сна Россіей. Ей многострадальной наканунѣ второй думы перепало не мало обидъ и насилій со стороны гибнущей «черной сотни».

Сбродъ, объединенный корыстными цѣлями, то подъ флагомъ «истинно-русскихъ людей» и «хоругвеносцевъ», то подъ защиту «обойденнаго» закона, всѣми средствами старался если не сорвать, то обезличить народное представительство... Почерпнувъ увѣренность въ инертности народныхъ массъ, яко-бы отнесшихся равнодушно къ смерти первой думы, наша бюрократія, а вслѣдъ за нею и (простите, но трудно найти иное выраженіе) различные подонки общества возомнили себя способными «въ корень уничтожить крамолу».

Часть бюрократіи спѣшно занялась «успокоеніемъ» народа путемъ разработки всякаго рода законопроектвъ, имѣющихъ цѣлью удовлетворить нужды крестьянскаго населенія. Однако, составленные, что называется, «наспѣхъ» законопроекты не внесли въ жизнь русскаго крестьянства ничего-болѣе или менѣе положительнаго, хотя и могутъ быть истолкованы (да и то съ натяжкой), какъ знаменующіе фактъ принятія правительствомъ политики «уступокъ». Мы не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ законопроектвъ, находящихся наканунѣ разсмотрѣнія народными представителями, и ограничимся лишь указаніемъ на то, что сама выработка этихъ законопроектвъ являлась однимъ изъ средствъ «успокоенія» народа. Это было, такъ сказать, мирное средство къ подавленію освободительной борьбы измученныхъ народныхъ массъ съ временно одержавшей побѣду бюрократіей....

Другія средства «подавленія крамолы» носили далеко не мирный и гуманный характеръ. Изъ серіи этихъ средствъ выдѣлялись «предупредительныя» и «рѣшительныя».

Къ первымъ относились мобилизація воинскихъ частей и оборудованіе боевыхъ поѣздовъ, во всякое время готовыхъ подавить революцію штыками, боевыми патронами и пулеметами. Эти предупредительныя средства можно назвать «потенциальными» (скрытыми), такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, слава Богу, «сраженій» не было и вооруженныя войска мирно проводили время какъ въ боевыхъ маневрирующихъ поѣздахъ, такъ и въ мѣстахъ «постоя»... Но были—увѣ!—случаи, когда по недоразумѣнію гг. офицеры и отдавали роковую команду: «пли»... «Предупредительныя» средства, разумѣется, имѣли отрицательное (съ точки зрѣнія правительства) значеніе: они не столько «внушали страхъ» народу, сколько вызывали въ немъ сознаніе собственной силы и были поняты, какъ «робость начальства предъ народомъ». Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ уже и должнаго «внушенія» подобная мобилизація не оказывала на народъ, который наивно полагалъ, что «свой въ своего стрѣлять не будетъ»...

Тѣ-же средства, которыя мы называли-бы «кинетическими» (дѣйствующими), носили крайне рѣшительный и острый характеръ (карательныя экспедиціи, военно-полевые суды, разстрѣлы и т. п.), и, само собою понятно, подобными средствами правительство тоже нисколько не подавило «крамолы» (если можно этимъ словомъ опредѣлить пробудившееся въ народѣ сознательное отношеніе къ освободительному движенію). Результаты выборовъ показали, что большинство населенія настроено оппозиціонно и это настроеніе мы скорѣе склонны отнести на счетъ вполне понятнаго недовольства репрессіями со стороны правительства, чѣмъ искать его начало въ противоправительственной агитации... Во всякомъ случаѣ агитация во время выборовъ достаточно слабо велась «лѣвыми» и ей противопоставлялись какъ агитация легализованныхъ партій (на помощь которымъ отчасти являлось и само правительство), такъ и тѣ рѣшительныя мѣры, которыми правительство старалось подавить «вредное» вліяніе на народъ лѣвыхъ партій.

Результаты выборовъ въ государственную думу показали, что Россія вступила въ такой періодъ своей исторіи, когда общественное мнѣніе способно выражаться независимо отъ воздѣйствія на него какихъ-либо политическихъ «главарей» и агитаторовъ. Вѣдь, значительная часть состава первой думы была лишена права участія въ выборахъ, бла-

годаря привлеченію къ отвѣтственности по различнымъ статьямъ закона, изъ которыхъ 129-я являлась господствующей... Относительно вліянія на народъ этихъ «подслѣдственныхныхъ» эксъ-депутатовъ говорить не приходится. Они сами себя похоронили крайне безтактнымъ выборгскимъ воззваніемъ. Если-бы «облѣвѣніе» Россіи совершалось подъ чьимъ-либо руководствомъ, то въ такомъ случаѣ надо признать одно изъ двухъ: или все населеніе нашей обширной родины поддалось революціонной пропагандѣ какихъ-либо особенно талантливыхъ агитаторовъ (я не читалъ и не слышалъ про такихъ выдающихся революціонеровъ), съ которыми бесильно было бороться правительству, или... эта борьба велась, какъ говорятъ юристы, съ «абсолютно негодными средствами». Первое положеніе совершенно отпадаетъ, если принять во вниманіе невозможно тяжелыя условія страны въ періодъ отъ разгона первой думы до выборовъ во вторую и полное отсутствіе болѣе или менѣе талантливыхъ общественныхъ дѣятелей, способныхъ «поднять народъ» и заставить его «переть на рожонъ», «искать, какъ говоритъ пословица, отъ добра—добра»... Ну, а что касается второго положенія—борьбы правительства съ «красою» абсолютно негодными средствами, то—еще большой вопросъ, насколько это положеніе можетъ быть опровергнуто. Вѣдь, продовольственная авантюра «Гурко-Лидваль и К^о» не можетъ считаться крупнымъ козыремъ не только для усиленія, но даже и поддержанія престижа бюрократіи... Вѣдь, случаи казни невинно осужденныхъ полевыми судами—плохой залогъ вѣры народа въ справедливость правящей бюрократіи...

Судъ надъ священникомъ Петровымъ врядъ-ли принесъ большую пользу правительству, а что способствовалъ онъ избранію о. Григорія членомъ государственной думы—это очевидно...

Загадочно было отношеніе правительства и къ тѣмъ «оригинальнымъ» патриотическимъ организаціямъ, которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ черносотенныхъ. Если правительство ждало отъ нихъ поддержки въ борьбѣ съ красою, то оно жестоко ошиблось...

Трудно сказать, въ какой степени высшая бюрократія «помогала» этимъ организаціямъ, но во всякомъ случаѣ онѣ пользовались крупными привилегіями.

Подъ крылышкомъ нашей правящей бюрократіи возрасла,

зацвѣла и созрѣла организація «союза истинно-русскихъ людей», во главѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ котораго стоятъ люди, обладающіе полною нравственною безпринципностью и не останавливающимися даже предъ вызовомъ скандала, навлекающаго позоръ на Россію. Кому не вѣдома эта пьяная, разнузданная шайка такого отрешья человѣчества, отъ котораго отступился-бы самъ блаженной памяти Емелька Пугачевъ? Но иначе стеснились къ ней наши современныя «Минины и Пожарскіе»—гг. Дубровинъ, Булацель, экс-лекторъ Б. Никольскій и прочіе «патріоты», съ опозорившимъ свои сѣдины, самъ и рясу кронштадтскимъ «батюшкой» во главѣ.

Эти «спасители вѣры, царя, отечества» воспитали, дисциплинировали и «патріотически» настроили массу, собранную изъ такихъ элементовъ «дна русской жизни», съ которыми безсильны были бороться мировые судьи, прокуроры окружныхъ судовъ и смотрители тюремъ. «Какая смѣсь народовъ и племенъ», кого-кого только не было и нѣтъ среди «истинно-русскихъ людей», разумѣется, за исключеніемъ людей порядочныхъ! Герои «пресловутаго» Максима Горькаго—«невинные младенцы» въ сравненіи съ тѣми «героями», которыхъ обласкали и приняли въ свою «армію» гг. революціонеры справа...

Гг. организаторы «союза истинно-русскихъ людей» развѣзжали по главнымъ городамъ нашей всего перевидѣвшей родины, знаменуя свои политическія «турне» рядомъ погромовъ, разбоевъ и кровопролитія. Союзъ «истинно-русскаго сброда» *) былъ легализованъ правительствомъ, члены его «обезлюживали» нѣкоторыя улицы столицъ и провинціальныхъ городовъ открытіемъ своихъ «чайныхъ», гдѣ подъ прикрытіемъ яко-бы «патріотическихъ» собраній происходило... впрочемъ, не хочется марать страницу нашего изданія перечисленіемъ различныхъ видовъ той мерзости и уголовщины, которые имѣли мѣсто въ пріютахъ «союза русскаго народа». Увы, каждому изъ васъ, читатели, извѣстны

*) Мы привели это грубое слово, такъ какъ оно имѣетъ свою исторію. Дѣло въ томъ, что отрядъ крестоносцевъ, отправлявшихся осваивать гробъ Господень подъ предводительствомъ Петра Амьенскаго (Пустынника) былъ составленъ изъ всякаго сброда и, какъ таковой, названъ нѣмецкими историками Pак von Peter Amienski, что въ точномъ переводѣ значитъ—«сбродъ Петра Амьенскаго». Да проститъ, читатель, что, увлекаясь аналогіей, мы позволили себѣ это мало литературное выраженіе.

подвиги этой «подогрѣтой монополькой» и вооруженной толпы «спасителей вѣры, царя и отечества».

Кстати «о вѣрѣ».

Никогда еще православная церковь не подвергалась такому поруганію, какъ во дни существованія «союза»...

Припомните святотатственный фарсъ въ Михайловскомъ манежѣ, когда «высокочтимый пастырь» кропилъ святой водою «знамя» толпы, неистово оравшей въ присутствіи «батюшки» и полицейскихъ: «смерть жидамъ». Эти вопли не были остановлены ни «служителемъ алтаря», державшимъ св. крестъ надъ толпой, какъ-бы благославлявшимъ ее на убійство, ни гг. полицейскими, коихъ обязанность предупредить преступленія...

И окропленное св. водою знамя трепалось по петербургскимъ улицамъ въ рукахъ толпы, терроризировавшей мирныхъ обывателей «дикимъ» шествіемъ по городу, сопровождавшимся изступленными выкрикиваніями молитвъ православной церкви въ перемежку съ уголовными угрозами и площадною руганью.

Не знаю, какъ на вашъ взглядъ, читатель, а по-моему, въ Михайловскомъ манежѣ была осквернена святость церкви, и осквернена не только безнаказанно, но даже и съ поощреніемъ. О. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) до сихъ поръ не преданъ церковному суду, столь сурово отнесшемуся къ другимъ «политическимъ преступникамъ» - священникамъ (о. Георгію Гапону и о. Григорію Петрову), но, можетъ, компетенція церковнаго суда вѣдаетъ лишь политическія дѣла, не касаясь уголовныхъ—тогда «судъ» правъ...

Но если актъ святотатства въ наше тяжелое для православія время не является слишкомъ крупнымъ преступленіемъ (съ точки зрѣнія обывательской), то ужъ убійство всегда и всюду вызываетъ негодование... Гг. «союзники» окропили свое знамя кровью не одного Герценштейна (за что ихъ и благодарилъ 4-го февраля въ залѣ Дворянскаго собранія въ С.-Петербургѣ «черносотенный» владыка А. С. Шмаковъ); нѣтъ, помимо убійствъ «изъ-за угла» они произвели рядъ погромовъ въ различныхъ городахъ Россіи, увѣковѣчивъ свой «союзъ» такимъ терроромъ въ Одессѣ, что посламъ иностранныхъ державъ пришлось сдѣлать правительству представленіе о необходимости прекращенія одесскихъ безчинствъ.

Терроръ принялъ такіе размѣры, что мѣстный градоначальникъ

чальникъ «объявилъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ хулиганщиной», которая въ первой день безчинствъ (годовщина основанія союза) была окроплена св. водой и «напутствуема» епископомъ Анатолиемъ...

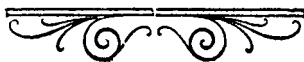
Дѣятельность «союза» говоритъ сама за себя, перечисленіе ея подвиговъ заняло-бы слишкомъ много мѣста въ нашемъ изданіи, такъ какъ, если-бы собрать хотя-бы только одни «отчеты» о ней изъ газетной хроники—составился-бы фолиантъ, которому наиболѣе подходило-бы названіе: «Исторія хулиганства на Руси въ XX вѣкѣ»...

Помимо погромнаго значенія «союзъ», безспорно, имѣлъ и провокаторскія функціи, такъ какъ естественно вооружалъ мирные и порядочные элементы населенія противъ правительства, травящаго его «черной сотней», какъ понято было отношеніе правительства къ «союзу» обществомъ. Если вторая государственная дума является прогрессивной и въ составѣ ея членовъ обнаруживается малое содержаніе «правыхъ», то это—прямое слѣдствіе перечисленныхъ въ этой статьѣ причинъ.

«Умѣренные», «октябристы», «правопорядцы», разумѣется, не могли привлечь къ себѣ симпатіи населенія, которое «чуралось» ихъ хотя-бы за одни разговоры о возможности «блока» съ «союзомъ русскаго народа».

«Революционеры справа», безспорно, оказали медвѣжью услугу правительству, мѣшая его «мирной» работѣ и дискредитируя его въ глазахъ населенія. Если-бы правительство въ лицѣ разумныхъ представителей (вѣдь, навѣрно-же, были и такіе) такъ-же подавляло вредную дѣятельность своихъ сторонниковъ, какъ ревностно боролось съ «лѣвыми»—кто знаетъ, можетъ быть, оппозиція и не явилась-бы столь обостренной, какъ это сейчасъ наблюдается. Во всякомъ случаѣ побѣдило не правительство, отношенія котораго съ населеніемъ нельзя назвать дружелюбнымъ...

Новая дума собралась—новыя надежды, новая фаза русской жизни. Мы, помимо прочихъ надеждъ, возлагаемыхъ всей нашей родиной на «думу», надѣемся, что «желанная свобода» положитъ предѣлъ тѣмъ ужасамъ русской жизни, которыми она такъ была богата, благодаря «революционерамъ справа».

Неоконченныя дѣла.

Преддумская и думская недѣли въ полномъ смыслѣ слова были недѣлами „о духовенствѣ“.

Не говоря уже о дѣлѣ священника Г. С. Петрова, какъ Петрушки изъ-за ширмъ, высказывали всевозможныя „неоконченныя дѣла“ о современныхъ пастыряхъ душъ...

Прежде всего, въ интересахъ справедливости, приводимъ здѣсь объясненія „отца“ Торбаева,—помните, читатель (см. „Кладъ“, кн. 4-ю),—того самого, который...

Восхитительный „отецъ“ живописуетъ о своихъ дѣлишкахъ такъ: „Семь обвиненій покойной Данилевичъ: 1) въ прелюбодѣйной съ нею связи, 2) въ эксплуатаціи ея, 3) въ развратномъ общеніи съ другими тринадцатю женщинами, 4) въ расхищеніи церковнаго имущества, 5) въ кощунствѣ, 6) въ неблагоговѣйномъ совершеніи богослуженія и 7) въ принадлежности къ сектѣ „іоаннитовъ“ духовнымъ судомъ совершенно отвергнуты, какъ не подтвержденныя слѣдствіемъ. И хотя епархіальный судъ 18-го октября минувшаго года призналъ и весь остальной слѣдственный матеріалъ неяснымъ, неполнымъ и далеко недостаточнымъ для обвиненія, но, по неостижимой причинѣ, все-таки нашелъ возможнымъ предъявить мнѣ слѣдующія три обвиненія: 1) въ нечистотѣ настроенія, а не отношеній къ Данилевичъ, 2) въ цѣлованіи съ алтарницей и 3) въ приобщеніи сей послѣдней у жертвенника.

„Удивительнѣе всего то, что 2 п. обвиненія основанъ исключительно на показаніи бывшаго монастырскаго дворника А. Назарова, давшаго ложное показаніе подъ присягой и сознавшагося въ этомъ во время самаго слѣдствія и притомъ категорически заявившаго, что онъ очевидцемъ поцѣлуевъ не былъ, а лишь“ слышалъ черезъ иконостасную перегородку звуки (?) какихъ-то поцѣлуевъ“.

Подъ этимъ своимъ живописаніемъ этотъ господинъ, „ничто-же сумняшеся“, имѣетъ смѣлость подписаться: „спб. Іоанновскаго женскаго монастыря священникъ Владиміръ Сергіевъ Торбаевъ“.

Консисторскіе отцы пока ничѣмъ не отозвались на это живописаніе. Вѣдь, подвиги іоаннитскаго сердцеѣда—это не то, что проповѣдь „евангелія, какъ основы жизни“: за нихъ по анонимнымъ доносамъ на послушаніе не посылаютъ.

Вслѣдъ за этимъ объявилось еще одно „неоконченное“ духовное дѣло, весьма характерное для иллюстраціи современнаго духовенства, чернаго и бѣлаго.

Нѣсколько времени тому назадъ газетами было сообщено, что въ слб. духовной академіи обнаружена растрата 13.000 руб., причемъ экономъ академіи о. Успенскій при обнаруженіи растраты скрылся. Послѣ долгихъ поисковъ о. Успенскій былъ, наконецъ, задержанъ. Арестованный о. Успенскій,—какъ рассказываетъ „Русь“,—на допросѣ у судебного слѣдователя 4-го участка г. Петербурга заявилъ, что деньги были проиграны имъ въ карты ректору духовной академіи преосвященному Сергію и другому преосвященному, имя котораго обвиняемый назвать отказался, какой-то генеральнѣ, мѣстному участковому приставу и еще четырьмя монахамъ Ал.-Невской лавры.

Очень интересно будетъ узнать партнеровъ отца-растратчика... Нѣтъ сомнѣній, что на судѣ ихъ имена будутъ провозглашены во всеуслышаніе: правда, вѣдь, должна-же когда-нибудь выдти наружу; ряса и мантия были надежнымъ прикрытіемъ всякаго рода дѣлъ до 17-го октября 1905 года, а съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ Россія начала жить новою жизнью и чистить накопившіяся у нея во все предыдущее время въ огромномъ количествѣ всевозможныя авгіевы конюшни...

* * *

Волей-неволей консисторскимъ отцамъ пришлось припятъ за одну изъ такихъ конюшенъ.

Кто въ Россіи не знаетъ о „Почаевскихъ Листкахъ“, этихъ допущенныхъ съ надлежащаго благословенія печатныхъ призывовъ къ розни, человѣконенавистничеству, кровопролитіямъ, погромамъ? Нѣсколько времени тому назадъ составитель этихъ „Листковъ“, пресловутый іеромонахъ Илліодоръ, отличился такъ, что даже зашевелились и консисторскіе, и синодскіе отцы.

Іеромонахъ Илліодоръ въ „Вѣстѣ“ и въ „Русскомъ Знамени“ „осуждаетъ и отрекается отъ убійцъ жида“ Герценштейна... какъ вы думаете, почему? Потому что убійство совершено тайно, а не открыто. И онъ призывалъ союзъ русскаго народа отнынѣ измѣнить тактику и начать серію открытыхъ патріотическихъ убійствъ. Вы не вѣрите? Вотъ подлинныя слова призыва іеромонаха Илліодора:

„Вмѣсто того, чтобы изъ-за угла бить своихъ враговъ, черная сотня должна бороться за святое дѣло открыто. По всемъ городамъ, во всеуслышаніе она должна сдѣлать такія постановленія, что если въ будущемъ враги ея будутъ убивать вѣрныхъ царскихъ слугъ,

и малыхъ, и великихъ, то самыя видныя предводители красныхъ шаекъ будутъ немедленно преданы самой жестокой смерти. И подвижники-палачи не должны скрываться. Черная сотня должна настоять, чтобы этихъ людей не судили и не ставили на одну доску съ проклятыми революціонерами. Судъ надъ людьми, совершающими великій патріотическій подвигъ, есть не что иное, какъ преступное и предательское недоразумѣніе“.

Для перваго опыта „черная сотня“ должна „добиться казни“ графа Витте.

„Непремѣнно нужно повѣсить этого измѣнника,—говоритъ Иллиодоръ,—нужно повѣсить при такой обстановкѣ: на Красной площади въ Москвѣ построить нужно высокую висѣлицу изъ осины; ударить въ набатъ на колокольнѣ Ивана Великаго; собрать весь православный народъ; около висѣлицы поставить всѣхъ министровъ; тогда привести великаго преступника на мѣсто казни; привести, какъ слѣдовало-бы, не въ ермолкѣ и лапсердакѣ, а во всѣхъ орденахъ и графской коронѣ. Потомъ архіереямъ или священникамъ благословить палача на святое патріотическое дѣло, а онъ послѣ того долженъ вздернуть графа на перекладину двухъ столбовъ. И все это должно устроить среди бѣла дня, а не тогда, когда казнятъ обыкновенныхъ злодѣевъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ: „на разсвѣтѣ былъ повѣшенъ такой-то!“. Имущество великаго злодѣя должно быть отобрано въ казну Государеву. Вотъ какъ должна поступать черная сотня съ своими предателями, а не подсылать, если, конечно, это—правда, убійць изъ-за угла на Витте и Герценштейна“.

Въ то время, когда этотъ призывъ къ убійствамъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, консисторскіе отцы были заняты придумываніемъ мотивовъ ссылки проповѣдника евангельской любви свящ. Г. С. Петрова. Они и усомъ не повели въ отвѣтъ на преступныя призывы черноризца Иллиодора, посвятившаго себя на служеніе Господу, Богу любви, прощенія и кротости; но уже гражданская власть дала понять, что черноризнымъ писателемъ совершено преступленіе: іеромонахъ Иллиодоръ былъ прокурорскимъ надзоромъ привлеченъ за свою статью къ уголовной отвѣтственности. Тогда консисторскіе отцы, отправившіе въ ссылку от. Г. С. Петрова, зашевелились и результатомъ ихъ „шевеленія“ было слѣдующее оффиціозное сообщеніе:

„Обсудивъ предложеніе, сдѣланное синодальнымъ оберъ-прокуроромъ по поводу, во-первыхъ, статьи помощника редактора „Почаевского Листка“ и „Почаевскихъ Извѣстій“ іеромонаха Иллиодора, напечатанной въ № 13 газеты „Вѣче“, а затѣмъ перепечатанной въ № 32 газеты „Русское Знамя“, и, во-вторыхъ, замѣтки, напе-

чатанной въ № 16 „Почаевскихъ Извѣстій“ и перепечатанной въ № 304 „Колокола“, святѣйшій синодъ нашелъ, что помѣщеніе означенныхъ статей, призывающихъ русскихъ людей къ кровавому самосуду надъ нарушителями общественнаго спокойствія, а представителей церкви—къ благословенію на такой самосудъ, тѣмъ болѣе въ журналахъ издающихся въ глубокочтимой православнымъ населеніемъ Россіи Почаевской лаврѣ и какъ-бы подъ сѣнью ея святыхъ и редактируемыхъ лицами священнаго сана, долженствующими быть проповѣдниками любви Христовой, —представляется крайне прискорбнымъ и несоотвѣтствующимъ достоинству православной церкви.

„Вслѣдствіе сего святѣйшій синодъ 14-го (21-го) февраля опредѣлилъ: предоставить высокопреосвященному архиепископу волынскому Антонію уволить іеромонаха Илліодора отъ должности редактора „Почаевского Листка“ и „Почаевскихъ Извѣстій“, войти въ сужденіе о немъ по поводу напечатанія указанныхъ статей и постановить рѣшеніе на основаніи преподанныхъ въ опредѣленіи святѣйшаго синода правилъ, опредѣляющихъ отношенія церковной власти къ литературной дѣятельности церковныхъ должностныхъ лицъ, съ донесеніемъ о послѣдующемъ святѣйшему синоду“.

Итакъ, за проповѣдь евангелія, какъ основы жизни, ссылка на покаяніе, за проповѣдь чловѣконенавистничества, за призывъ къ поправію всѣхъ существующихъ законовъ къ кровопролитію—увольненіе отъ обязанностей помощника редактора погромнаго листка.

Совершенно справедливъ отзывъ „Руси“ на это постановленіе.

„Не намъ, конечно, защищать іеромонаха Илліодора,—говоритъ газета.—Но, прочитавъ синодскій приговоръ, невольно хочется сказать по адресу обвинителей: „не того судите!“ Илліодоръ, хотя и виновенъ, все-же заслуживаетъ снисхожденія.

„Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, очень ужъ строго судить темнаго, некультурнаго, быть можетъ, даже не вполне нормальнаго психически монаха за его статьи, которыя онъ писалъ все время съ благословенія своего ближайшаго архипастыря, епископа волынскаго Антонія?

„Вѣдь, кровавую всепародную казнь гр. Витте онъ избрѣлъ не сразу. Онъ подходилъ къ ней долго, не менѣе полугода. Не менѣе полугода въ черносотенныхъ листкахъ имъ проповѣдывались убійства и казни, проповѣдывались со все возрастающей наглостью; кровавые инстинкты истинно-русскихъ людей разыгрывались... Духовенство—не одинъ Илліодоръ!—ихъ разжигало своими статьями, проповѣдями, рѣчами, освящало, если не мечи, то знамена, укрывало эти знамена въ церквахъ... Епископъ волынской Антоній, которому поручено теперь привести къ порядку іеромонаха Илліодора, самъ поощрялъ его дѣятельность.

„Итакъ, кто-же виновать—темный Иллѣодоръ или „просвѣщенный“ архіепископъ Антоній? Можно-ли, осуждая перваго, оставляя безотвѣтнымъ второго и ему подобныхъ?“

* * *

Теперь о „неоконченномъ дѣлѣ“ государственнаго выборнаго, священника Петрова. Отправивъ его подъ Лугу, въ Череменецкій монастырь, гдѣ талантливый проповѣдникъ очутился вмѣстѣ съ сосланными на покаяніе пьяницами-попами, „отцы“ не успокоились. Въ синодѣ въ теченіе двухъ дней послѣ отъѣзда отъ Петрова продолжалось обсужденіе вопроса о томъ, какъ поступить съ нимъ въ случаѣ, если онъ въ качествѣ члена государственной думы вернется изъ Череменецкаго монастыря безъ разрѣшенія церковной власти. Архіепископъ Филаретъ, и раньше высказывавшійся за лишеніе о. Петрова священническаго сана, указывалъ опять на эту мѣру, какъ на желательную, но съ этимъ не соглашались нѣкоторые изъ членовъ особаго присутствія. Преосвященный Арсеній, все время протестовавшій противъ лишенія сана, на этотъ разъ, согласившись со мнѣніемъ оберъ-прокурора синода, заявившаго, что свящ. Петрова рано или поздно придется лишить сана, предложилъ выяснитъ характеръ наложеннаго на него взыскація, а именно: является-ли ссылка его въ Череменецкій монастырь административной карой или наказаніемъ, опредѣленнымъ консисторскимъ постановленіемъ. Оберъ-прокуроръ синода, приводя статьи закона, нашель, какъ сообщилъ „Тов.“, что ссылка о. Петрова не административная, а является наказаніемъ, наложеннымъ каноническимъ судомъ. Исходя изъ этого, оберъ-прокуроръ синода заявилъ, что, несмотря на выборы о. Петрова членомъ государственной думы и на требованія послѣдней о возвращеніи его изъ ссылки, синодъ, основываясь на этихъ законахъ въ правѣ отказать думѣ въ ея требованіи. Что-же касается свящ. Петрова, то онъ можетъ вернуться изъ ссылки, но его возвращеніе дастъ поводъ къ возбужденію новаго дѣла—объ ослушаніи святѣйшему синоду, за что онъ можетъ быть лишенъ сана. Преосвященный Антоній возбудилъ вопросъ о томъ, имѣетъ-ли о. Петровъ право вернуться, заявивъ синоду, что оставшійся срокъ наказанія онъ отбудетъ по окончаніи думской сессіи, но на этотъ вопросъ члены особаго присутствія затруднились отвѣтить и остались при прежнемъ своемъ рѣшеніи о привлеченіи, въ случаѣ возвращенія въ думу, свящ. Петрова къ отвѣтственности за ослушаніе синода.

А, между тѣмъ, все это будоражило общество, и безъ того-то нервно настроенное. Въ „Руси“ появилось весьма характерное для иллюстраціи момента письмо: „Высокочтимаго отца Григорія Спири-

дновича Петрова подвергли гоненію и сослали въ монастырь во имя св. Іоанна Богослова. Развѣ не обязанность всѣхъ, кто любитъ правду, выразить протестъ противъ этого насилія? Но какъ? Я думаю, что массовое паломничество подъ Лугу въ Іоанновскій монастырь можетъ явиться народнымъ протестомъ противъ вопіющей несправедливости“.

Въ погибшемъ нынѣ „Телеграфѣ“ было напечатано слѣдующее обращеніе сельскаго священника къ от. Петрову: „Дорогой собратъ, Григорій Спиридоновичъ! Ваши труды, ваши идеальныя порывы къ насажденію въ людяхъ правды Божіей, ваши успѣхи—вѣдь, духовенство въ значительной своей части ожило не отъ епископскихъ посланій и указовъ консисторій, а зажглось отъ вашихъ полныхъ вѣры, энергіи и блеска призывовъ къ святому труду въ людяхъ и надъ людьми,—все это вѣдомство православнаго исповѣданія оцѣнило заключеніемъ васъ къ полуграмотной братіи въ монастырь на покаяніе; вѣримъ, вамъ тяжело. Но ради той-же вашей правды, которой служите, не падайте духомъ. Синодъ можетъ васъ лишитъ рясы, но, будьте увѣрены, не въ силахъ отнять ваше вліяніе на общество и на передовое духовенство, въ особенности сельское. Ваши полныя огня и простоты рѣчи сотнями сельскихъ батюшекъ передаются народу, и сѣется дѣло Божіе. Простите судьямъ! Сами знаете, имъ не вмѣститъ широты вашихъ взглядовъ, вашего идеализма, они прячутъ свѣтильники подъ спудъ и этимъ мнятъ службу приносить Богу. А васъ, дорогой Григорій Спиридоновичъ, да вмѣститъ сочувствіе всѣхъ тѣхъ разсуждающихъ людей, которые дорожатъ евангелизаціей общества и общественныхъ отношеній. Будьте попрежнему спящихъ, воодушевляйте малодушныхъ. Господь не велѣлъ зарывать талантовъ. Помогн вамъ Господь!“

Писемъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, появилось очепь много и они лучше, чѣмъ что-либо другое, свидѣтельствуютъ объ отношеніяхъ народныхъ массъ къ от. Григорію.

Лицо, посѣтившее о. Григорія Петрова въ Череменецкомъ монастырѣ, сообщило „Современной Рѣчи“:

„Въ Череменецкомъ монастырѣ, несмотря на короткое время пребыванія въ немъ, священникъ Петровъ сразу завоевалъ себѣ общія симпатіи и любовь какъ со стороны братіи монастыря, такъ и со стороны богомольцевъ. Мѣстные крестьяне окрестныхъ деревень задолго до его прибытія уже приходили въ монастырь и спрашивались о популярномъ батюшкѣ, добывающемся крестьянамъ земли и льготъ.“

„Первый визитъ отца Григорія въ монастырь былъ къ настоятелю монастыря архимандриту Амвросію, который принялъ отца Гри-

горя съ отеческимъ достоинствомъ и благословилъ его помѣститься не въ келіяхъ, а въ гостиницѣ для „почетныхъ“ богомольцевъ. Отецъ Григорій занялъ маленькій номерокъ, комнатку въ одно окно, выходящую къ соборной церкви, въ монастырскій фруктовый садъ.

„Отецъ Григорій встаетъ очень рано. При первомъ ударѣ колокола онъ уже въ церкви на правомъ клиросѣ. Онъ буквально не пропускаетъ ни одной службы.

„— Сколько вы проводите, батюшка, времени въ теченіе сутокъ въ храмѣ?—спросили мы.

„— Какъ всѣ, около восьми часовъ. Полный рабочій день!— улыбаясь, сказалъ отецъ Петровъ.

„Первое извѣстіе о выборѣ его въ члены государственной думы онъ получилъ отъ А. В. Руманова, соратника по газетѣ „Русское Слово“. Черезъ полчаса послѣ этой вѣсти къ нему прибыли выборщики-депутаты отъ членовъ государственной думы и принесли ему поздравленіе въ монастырской темницѣ. Выслушавъ спокойно привѣтствія депутатовъ К. К. Неллиса и А. П. Федотова (третій депутатъ Н. Л. Ижицкій опоздалъ на поѣздъ), отецъ Григорій пробесѣдовалъ съ вѣстниками его „свободы и неприкосновенности“ почти всю ночь, до 4 часовъ утра. На второй день, 17-го февраля, съ первымъ ударомъ колокола онъ былъ уже въ церкви.

„18-го февраля пріѣхали навѣстить его шесть парныхъ переполненныхъ гостями экипажей. Въ числѣ его монастырскихъ гостей были его ученики—офицеры, писатели, литераторы, соратники его по „Русскому Слово“, его супруга Марья Капитоновна съ сыномъ ихъ Борисомъ, его шуринъ священникъ М. К. Добровольскій. Среди писателей были: извѣстный читателямъ „Родины“ знаменитый беллетристъ В. И. Немировичъ-Данченко, К. Баранцевичъ, Ф. Ф. Фидлеръ, А. А. Измайловъ, А. В. Румановъ и др.

„Пріѣхавшіе гости убѣждали отца Григорія ѣхать немедленно съ ними въ Петербургъ на открытіе государственной думы, доказывали ему его неприкосновенность, приводили примѣры и факты освобожденія депутатовъ парламентовъ западной Европы даже отъ каторжныхъ работъ по приговорамъ суда за убійство, но, какъ ни краснорѣчивы были доводы его друзей, отецъ Григорій безъ разрѣшенія и благословенія митрополита ѣхать на открытіе думы отказался. Гости уѣхали!.. Депутатъ-батюшка остался отбывать свое послушаніе“...

Однако, несмотря, на незлобное душевное смиреніе, очевидно, тоска заставила отца Петрова обратиться къ митрополиту Антонію съ письмомъ, въ которомъ опальный проповѣдникъ, прося о разрѣшеніи явиться въ думу, между прочимъ, говоритъ:

„— Вы отпустили-бы меня къ моей больной матери, я прошу къ страдающей матери—родниѣ“...

Въ думу от. Петровъ прислалъ на имя ея предсѣдателя такую телеграмму, полученную въ день открытія:

„Петербургъ, Таврической дворецъ. Предсѣдателю государственной думы.

„Привѣтъ излюбленнымъ избранныкамъ народа, печальникамъ измученной страны! Предъ государственной думой трудъ великой исторической важности. На мѣсто курной, убогой, завалившейся бюрократической избы, гдѣ долгіе вѣка насильственно томился хозяинъ страны—пародъ-великанъ—надлежитъ создать свѣтлый храмъ народовластія съ широкимъ просторомъ свободы и высокимъ куполомъ вѣчной Божьей правды. Дружно, избранники-братья, за работу, мудро взвѣсившая каждый взмахъ своего молота! Всѣ, кто любитъ искренне народъ, кому дороги завѣты правды, кто жизнь готовъ отдать за общее благо—всѣ въ общій строй, плечомъ къ плечу въ общей борьбѣ за благо и права народа въ тѣсномъ общеніи со всей страной. Богъ въ помощь! Твердо пачать и успѣшно въ свое время кончить дѣло обновленія Россіи на началахъ всеобъемлющей и свободной правды!

„Членъ государственной думы свящ. Григорій Петровъ“.

Движеніе, вызванное ссылкой уважаемаго пастыря, какъ-будто заставило консисторскихъ отцовъ попризадуматься надъ этимъ своимъ дѣломъ. Въ день открытія государственной думы особая комиссія, образованная при синодѣ по дѣлу о. Гр. Петрова, имѣла частное совѣщаніе. Присутствовали, по обыкновенію, члены синода: епископъ Николай, архимандритъ Арсеній и друг. Большинствомъ голосовъ,—какъ сообщила „Русь“, — рѣшено, что, ввиду неясныхъ указаній каноническихъ правилъ, которыми руководствовался синодъ въ прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ по дѣлу от. Петрова, не указывающихъ точно сущности обвиненія въ отступленіи обвиняемымъ отъ догмы православнаго христіанства, слѣдуетъ предоставить это дѣло лично на благоусмотрѣніе митрополита Антонія.

Члены государственной думы отъ Петербурга обратились съ письмомъ къ митрополиту Антонію съ просьбой сообщить имъ, когда онъ можетъ принять ихъ для переговоровъ по дѣлу от. Григорія Петрова. Митрополитъ Антоній сообщилъ депутатамъ, что приемъ состоится 24-го февраля.

По сообщеніямъ газетъ, митрополитъ Антоній не раздѣляетъ мнѣнія, высказаннаго высшими представителями церкви по поводу от. Гр. Петрова. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что от. Григорію долженъ быть разрѣшенъ пріѣздъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, однако,

пеизмѣннымъ условіемъ, чтобы по окончаніи думскихъ работъ отъ Григорій отбылъ начпаченное ему наказаніе. Среди думцевъ правые очень волновались за участь отъ Гр. Петрова. Кіевскій митрополитъ Платонъ высказался противъ освобожденія, хотя-бы и временнаго, отъ наказанія отъ Григорія Петрова, такъ какъ даже непристойно-дѣ-вышнимъ іерархамъ церкви пребывать совмѣстно съ „осужденнымъ“ священникомъ.

Но, какъ-бы въ отвѣтъ на это, въ „Рѣчи“ находимъ такія строки, подѣ которыми подписано имя ихъ автора: „священникъ Васильевъ“. Статья говоритъ объ епископахъ въ думѣ.

„Епископъ Платонъ,—пишетъ отъ Васильевъ,—„монахъ“. А какъ монахъ, онъ клялся въ свое время хранить „безмолвіе“, „смиреніе“, „послушаніе“ и прочіе обѣты. Отъ „міра сего“ онъ торжественно отрекся.

„Христіанская церковь на IV вселенскомъ соборѣ положила: „Монашествующіе да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отеклись отъ міра, да не вмѣшиваются ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла и да не пріемлютъ въ нихъ участія (4-е правило)“. Этотъ взглядъ на характеръ „монашескаго житія“ былъ подтвержденъ послѣдующими соборами (VI пр. 46; VII пр. 22). А правила вселенскихъ соборовъ у насъ—законъ. Законы, впрочемъ, для того и существуютъ,—сказалъ кто-то,—чтобы ловкіе люди ихъ обходили. И потому духовный регламентъ Петра I считаетъ нужнымъ снова подтвердить о строгости монашескихъ обѣтовъ, указывая на соблазнъ ихъ нарушенія. Ибо отъ этихъ нарушеній „вся злая на соблазнъ многимъ бываетъ, и всякому монастырскому благообразію и церковному благочинію и монашескому благоговѣнію весьма на пруганіе“. Регламентъ даже запрещаетъ монахамъ имѣть у себя бумагу и чернила, если кто склоненъ упражняться „по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ“, т. е., вмѣшиваться въ общественныя дѣла. „Понеже,—объясняетъ регламентъ,—ничто такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетныя ихъ и тщетныя писма“. (О монаш. § 35.) Духовный регламентъ у насъ, въ русской церкви, тоже имѣетъ силу обязательнаго законнаго кодекса.

„Очевидно, что участіе монаха въ политикѣ противно дѣйствующимъ церковнымъ законамъ. Оно противно идеѣ монашества. противно и народному воззрѣнію на монаха, какъ на человѣка не отъ міра сего. Вообразите монаха, ораторствующаго съ думской трибуны, монаха, апплодирующаго или срывающаго апплодисменты... монаха, ошиканнаго или освистаннаго политическими противниками! Монаха, агитирующаго за какую-нибудь парламентскую партію.

„Но позвольте,—накинутся на насъ представители „ангельскаго чина“.—Вѣдь, можетъ-же членомъ парламента быть другое духовное лицо? И даже, по-вашему,—въ санѣ епископа... Какая-же разница?!“

„Да, скажемъ мы: есть глубокая разница. Разъ человекъ не связалъ себя никакими обѣтами—„молчанія“ и т. п., не отдѣлялъ себя слейно-фарисейскими перегородками отъ „міра сего“, то и взглядъ на него будетъ совершенно иной. Онъ—въ своемъ правѣ. Онъ—гражданинъ, какъ и всѣ. И поведеніе его—открыто и честно. Въ этомъ и разница. А разъ ты назвался монахомъ, „воспріялъ“ себя „ангельскій чинъ“, отрекся отъ насъ, какъ отъ скверны, то твое мѣсто—не здѣсь, среди насъ, а въ монашеской кельѣ“.

Монашеская келья, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, не препятствуетъ іерархамъ выигрывать въ карты у монастырскихъ экономовъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеприведенное „дѣло“ Успенскаго.

Однако, вернемся опять къ дѣлу священника Петрова. По сообщенію газетъ въ особомъ присутствіи святѣйшаго синода 21 февраля вновь обсуждался вопросъ о свящ. Петровѣ въ связи съ выборомъ его. Необходимо было выяснитъ вліяніе наложеннаго на него наказанія на его положеніе, какъ государственнаго выборнаго. Старшій юрисконсультъ синода въ сдѣланномъ особому присутствію докладѣ указалъ на то, что при рѣшеніи вопроса о ссылкѣ о. Петрова синодъ не указалъ, однако, на сущность предъявленныхъ обвиненій. Мотивы-же, приведенныя консисторскимъ судомъ, основаны на рядѣ неясныхъ указаній, на которыя и ссылался обвиняемый о. Петровъ въ своей кассационной жалобѣ. Статьи, примѣненныя къ обвиняемому, могутъ быть предъявлены только лишь въ случаяхъ явнаго уклоненія священнослужителями отъ догмы православія, да и то послѣ двукратнаго наложенія на него эпитеміи. Въ формулярѣ о. Петрова ничего этого нѣтъ и примѣненіе къ нему подобной мѣры наказанія неправильно. Епископъ Филаретъ и архимандритъ Арсеній отстаивали правильность суда. Первый заявилъ, что свящ. Петровъ, пользуясь популярностью въ крестьянствѣ, проповѣдывалъ социализмъ и что съ думской трибуны онъ опаснѣе во много разъ, такъ какъ въ погонѣ за популярностью „онъ еще и не то будетъ проповѣдывать“. „Изъятіе“ его являлось необходимою и синодъ примѣнилъ къ нему высшую мѣру наказанія. Члены особаго присутствія не согласились съ этимъ мнѣніемъ и въ засѣданіе 22-го февраля была приглашена образованная при синодѣ „петровская“ коммиссія. Члены этой коммиссіи, соглашаясь со мнѣніями митрополита Антонія и епископа Николая, высказанными ими въ совѣщаніи

19-го февраля, находили возможным разрешить о. Петрову вернуться на время думской сессии и по окончании ее отбыть оставшийся срок наказания, но при баллотировкѣ большинство синода высказалось за неразрѣшеніе о. Петрову возвратиться изъ монастыря. Рѣшеніе особаго присутствія рѣшено передать на утвержденіе митрополита Антонія и оберъ-прокурора синода.

24-го февраля депутаты отъ Петербурга П. В. Струве и М. П. Федоровъ по постановленію парламентской фракціи „ка-детской“ партіи посѣтили митрополита Антонія для переговоровъ о возвращеніи изъ Черемнецкаго монастыря о. Гр. Петрова. Выслушавъ депутатовъ, изложившихъ ему цѣль своего посѣщенія, митрополитъ, по словамъ „Руси“, сказалъ:

— Священникъ Гр. Петровъ сосланъ въ Черемнецкій монастырь по постановленію св. синода. Я являюсь только исполнителемъ постановленій синода, и не въ моей власти вернуть свящ. Петрова изъ монастыря.

— Мы явились къ вамъ, чтобы уладить этотъ вопросъ до того, какъ онъ станетъ предметомъ обсужденія думы, члены которой могутъ отнестись къ этому съ понятной страстностью, — заявили депутаты.

— Миѣ кажется, что дума есть учрежденіе только законодательное, и депутаты, оставаясь лояльными, должны стоять на стражѣ закона, пока онъ существуетъ, какъ-бы плохъ онъ ни былъ.

— Но если невозможно совсѣмъ вернуть отца Гр. Петрова изъ ссылки, то нельзя-ли освободить его хоть на время — пока засѣдаетъ дума?

— Нашъ законъ знаетъ только одно условіе освобожденія въ такихъ случаяхъ; тогда, когда челвѣкъ опасно боленъ.

— Но, вѣдь, этотъ законъ не предусматривалъ существованія думы.

— Я — не юристъ и не берусь судить, можетъ-ли существованіе думы тѣмъ самымъ внести измѣненіе въ законъ.

— Въ такомъ случаѣ не возьмете-ли вы на себя трудъ возбудить въ св. синодѣ вопросъ объ отцѣ Гр. Петровѣ?

На это предложеніе митрополитъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Надо замѣтить, что депутаты, отправляясь для переговоровъ къ митрополиту, были убѣждены, что встрѣтятъ съ его стороны сочувственное отношеніе.

25-го февраля, по дѣлу депутата о. Г. С. Петрова члены государственной думы Н. Н. Кутлеръ и І. В. Гессенъ были приняты оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода П. П. Извольскимъ. На ходатайство депутата о возвращеніи свящ. Гр. С. Петрова изъ ссылки на время

дѣтельности думы оберъ-прокуроръ, по словамъ „П. Л.“, отвѣтилъ, что это не въ его компетенціи, что этотъ вопросъ имѣетъ право рѣшать только синодъ. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ предложилъ депутации обратиться съ ходатайствомъ въ синодъ, со своей стороны обѣщавъ содѣйствіе только съ чисто формальной стороны, т. е., ускореніе хода „дѣла“, быстрое передвиженіе прошенія.

По словамъ П. Н. Кутлера, дѣло о свящ. Гр. С. Петровѣ, прежде чѣмъ получить дальнѣйшій ходъ, будетъ обсуждено парламентской фракціей партіи народной свободы на одномъ изъ ближайшихъ ея засѣданій. Кромѣ того, предполагается узнать по этому вопросу мнѣніе самого свящ. Гр. С. Петрова.

Христіанскія любовь и смиреніе указали от. Г. С. Петрову путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать въ создавшемся для него положеніи. Предсѣдателемъ государственной думы Ф. А. Головиннымъ 26-го февраля получено отъ него слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый Федоръ Александровичъ!

„Ожиданія не исполнились—я долженъ остаться въ монастырѣ. Пусть будетъ такъ. Въ случаѣ, если въ государственной думѣ подымется вопросъ обо мнѣ, о моемъ заточеніи въ монастырѣ въ дни засѣданій думы, позвольте мнѣ черезъ Васъ, какъ предсѣдателя, обратиться къ членамъ думы съ большою принципиальною просьбой. Во имя охраненія думы, чтобы не осложнить и безъ того труднаго положенія ея, я очень просилъ-бы членовъ государственной думы спокойно отнестись къ синодскому отказу возвратить меня изъ монастыря. Принять синодскій отказъ слѣдуетъ молча, безъ словъ. Есть пѣснь безъ словъ. Могутъ быть и рѣчи безъ словъ. Такою рѣчью будетъ и заточеніе члена государственной думы въ монастырѣ. И я полагаю, что мое безмолвное пребываніе въ Черемнецѣ въ дни думскихъ засѣданій для народа будетъ самою сильною рѣчью, какую только могъ-бы я сказать. Пусть-же дума молча, безъ словъ, приметъ къ свѣдѣнію отказъ вернуть въ среду ея законно избраннаго члена и спокойно дѣлаетъ великое дѣло, которое предстоитъ ей.

„Самыя горячія пожеланія думѣ успѣха въ ея раскрѣпощеніи великаго народа. Когда ледъ тронудся, могутъ быть случайные и временные заторы. Но удержать ледяные оковы надъ ожившею рѣкою никакая сила не сможетъ.

„Вашъ и всегда съ Вами душой членъ государственной думы священникъ Григорій Петровъ.

„25-го февраля 1907 г., Черемнецкій монастырь“.

Плевелы высшей школы.

Политиканствующие студенты.

Статья Н. В. Соеницкаго.

Въ наши тяжелые для Россіи переходные дни на такъ называемой интеллигенціи лежитъ громадная, отвѣтственная и завидная работа по смягченію острыхъ нуждъ народа и мирному разрѣшенію тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которыми такъ богата наша современная жизнь. Произволу отдѣльныхъ лицъ и нѣкоторыхъ органовъ правительства долженъ быть противопоставленъ «культурный» протестъ со стороны интеллигенціи. Обездоленной, волнуемой народной массѣ должны быть указаны разумныя начала, основанныя опять-таки на культурѣ, безъ которой невозможно достигнуть народнаго благополучія...

Къ сожалѣнію, наша интеллигенція крайне пассивно относится къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ народу, забывая, что своимъ «культурнымъ» развитіемъ она задолжена передъ народомъ, предоставившимъ ей свои скудныя средства «высшаго духовнаго просвѣщенія». Народъ всѣмъ жертвовалъ для небольшой горсточки «людей образованныхъ», которая ему пока не только не уплатила долга, но и не заботится даже о взносѣ маленькихъ, законныхъ процентовъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что дала наша интеллигенція народу? Чѣмъ она доказала ему необходимость просвѣщенія? Рѣшительно, ничѣмъ, если не считать того зла, которое приносила всей странѣ наша «дипломированная» интеллигентная бюрократія.

«Но, вѣдь, были-же и борцы за народъ»,—возразятъ намъ читатели. Были-то они были, но въ какой степени ихъ воодушевляло «благо народное», а не личное, мелочное самолюбіе—можетъ указать вся исторія дѣятельности этихъ «борцовъ». Крикъ «амнистія», которыми встрѣчали и провожали народныхъ избранниковъ въ день открытія второй думы, можетъ быть толкуемъ весьма различно: одни требовали «амнистіи» во имя тѣхъ принциповъ свободы, со-

зательницей которой считаютъ государственную думу, какъ наиболѣе соотвѣтствующую нуждамъ страны форму государственнаго устройства, другіе требовали—ради освобожденія своихъ близкихъ, а нѣкоторые—какъ индульгенцію не только совершеннымъ, но и имѣющимъ мѣсто въ недалекомъ будущемъ террористическимъ актамъ... Насколько прекрасны были порывы первыхъ, требующихъ прощенія или, вѣрнѣе, освобожденія «борцовъ за народное благо», настолько... двусмысленны (если не употреблять болѣе рѣзкаго выраженія) были возгласы тѣхъ, кто, идя на борьбу за народъ, болѣе руководствовался вопросами личнаго характера.

Такихъ «борцовъ» у насъ много и великое было-бы благо для народа, если-бы ихъ вовсе не было. Есть борцы—убѣжденные, поставившіе единственной цѣлью жизни принести посильную пользу народу, и есть «борцы», выступающіе на политическую арену ради прославленія своей ничтожной личности. Это—не друзья народной свободы, а враги. Дѣятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ не только не приноситъ пользы народу, но вредитъ проведенію въ русскую жизнь началъ культурной свободы, являясь большимъ подспорьемъ для насильниковъ народнаго пробужденія, жандармовъ и чиновъ охраннаго отдѣленія.

Увы! Плевелами культуры весьма богато наше русское общество. Попадаются эти плевелы вездѣ, но особенно нежелательно ихъ присутствіе въ стѣнахъ высшей школы, существованію которой грозитъ серьезная опасность со стороны небольшой горсточки «политиканствующихъ» студентовъ.

Хроника академической жизни была нами подобрана и въ достаточной степени освѣщена въ статьѣ «Два теченія академической жизни» *), гдѣ мы, между прочимъ, отмѣтили, что продолженіе этой жизни или «летаргія» ея зависятъ отъ тактики студенчества и политики правительства во время выборной агитации. Изъ этой-же хроники слѣдовало, что кто-то «извинѣ» вноситъ въ академическую жизнь нежелательные элементы...

Январь текущаго года ознаменовался рядомъ внезапныхъ обысковъ въ стѣнахъ высшихъ школъ и студенческихъ общежитій, начавшихся задолго до возобновленія прерван-

*) См. «Кладъ» кн. 2-я.

ныхъ на время праздничныхъ каникулъ занятій. Эти обыски, являясь явнымъ нарушеніемъ автономнаго начала (по крайней мѣрѣ такъ считали ихъ профессора и учащіеся) и не принося въ большинствѣ случаевъ никакихъ осязательныхъ результатовъ въ «охранномъ» отношеніи, дѣйствовали крайне возбуждающе на студенческія массы. Эти обыски положили начало новымъ и серьезнымъ волненіямъ среди студенчества, относившагося до послѣдняго времени крайне пассивно къ выборной горячкѣ.

Дѣло въ томъ, что студенчество увидѣло въ нашествіи полиціи и агентовъ охраны вторженіе въ автономныя права высшей школы и вынесло убѣжденіе, что обыски во многихъ случаяхъ были вызваны провокаціей «усердныхъ не по разуму» чиновъ администраціи. И правда, если сопоставить результаты обысковъ въ охранномъ отношеніи съ тѣми нежелательными волненіями, которыя они вызывали въ академической жизни, то значеніе ихъ, безспорно, должно быть признано отрицательнымъ. Вторженіе «постороннихъ» элементовъ въ академическую жизнь въ огромномъ большинствѣ вначалѣ сводилось къ аресту студенческихъ денегъ, лабораторныхъ препаратовъ (арестъ бертолетовой соли въ Технологическомъ институтѣ), учебныхъ пособій (къ нелегальной литературѣ при обыскѣ въ университетѣ причислены «Основы химіи» Д. И. Менделѣева) и даже... швейной машины.

Дѣйствительно, подобные результаты обысковъ не говорили за то, что съ этими обысками слѣдовало спѣшить, вызывая этимъ опасность раздражить учащуюся молодежь и вызвать ее на какую-либо безтактность въ такое горячее во всей Россіи время, на которое выпали эти обыски, а именно, въ періодъ выборовъ народныхъ представителей въ государственную думу, когда политическія страсти были въ значительной степени напряжены. Безспорно, большинство учащихся въ высшихъ школахъ Россіи, по своимъ убѣжденіямъ, «лѣвое», весьма многіе изъ этого большинства даже «крайніе лѣвые», но активное участіе въ дѣятельности этихъ «лѣвыхъ» партій принимала лишь небольшая горсть студенчества, а не все оно во всей совокупности. Поэтому, если имѣлось въ виду парализовать дѣятельность «лѣвыхъ», которые, по свѣдѣніямъ охранной полиціи, даже нашли себѣ пріютъ въ стѣнахъ высшей школы — чего, по нашему не разъ высказанному мнѣнію, отнюдь не должно

было-бы быть, такъ какъ высшая школа должна существовать лишь для науки, а не для политики, — то все-таки къ этому слѣдовало приступать съ большой осторожностью, чтобы изъ-за горсточки неосторожныхъ, увлекающихся и политиканствующихъ не пострадали интересы образованія желающей учиться массы студенчества.

Вѣдь, 125 пудовъ нелегальныхъ изданій не были-бы въ состояніи создать переворотъ въ Россіи, мирно валяясь на пыльномъ чердакѣ университета. 125 пудовъ, швейная машина и даже бертолетова соль, и два-три задержанныхъ по подозрѣнію въ агитации студента могли послужить только поводомъ къ персдрягамъ въ академической жизни, а не «предохраненію» избирателей (вотъ младенцы-то наивные!) отъ «вреднаго воздѣйствія лѣвыхъ». Слабья попытки агитации незначительной горсточкой изъ среды учащихся ни въ какомъ случаѣ не могли-бы принести такой вредъ для государства, который приносятъ ему тѣ или иныя волненія въ академической жизни, отрывающія студенчество отъ науки и задерживающія образованіе страны.

Однако, порицая агентовъ администраціи за неосторожную тактику по отношенію къ высшимъ школамъ, мы, разумѣется, этимъ не оправдываемъ тѣхъ учащихся, которые стремились обратитъ школу въ очагъ революціонной пропаганды. Они шли рука объ руку съ «охранниками», давая имъ поводъ «рыться» въ школьныхъ помѣщеніяхъ. Какъ-бы ни были убѣждены эти «борцы за народъ», какъ-бы ни были они враждебно настроены по отношенію къ правительству, ихъ дѣятельность (хотя и помимо желанія) являлась провокаціей, такъ какъ, складывая литературу и оружіе въ школьныхъ стѣнахъ, допуская въ школѣ подъ видомъ студенческаго собранія устройство засѣданія комитета явно революціонныхъ организацій, студенты, стремящіеся къ революціонной пропагандѣ, тѣмъ самымъ предоставляли и оружіе, и литературу, и проч. въ распоряженіе полиціи.

Обыски электротехническаго и технологическаго институтовъ и университета дали сравнительно неблагоприятные результаты для охранниковъ. То, что было конфисковано, ни въ коемъ случаѣ не могло служить доказательствомъ революціоннаго начала въ средѣ всей массы учащихся въ высшей школѣ. Такъ это было понято печатью, такъ это было принято и обществомъ.

Но на канунѣ открытія государственной думы обыскъ въ

Спб. политехническомъ институтѣ далъ печальные результаты: были обнаружены склады нелегальной литературы, снарядовъ, пироксилина и оружія. и «нелегальныя личности», проживающія въ студенческомъ общежитіи.

Замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что студенчество не было застигнуто врасплохъ обыскомъ. О томъ, что готовится обыскъ, знали еще дня за три — за четыре до роковой ночи и... все-таки сыскъ увѣнчался успѣхомъ.

Что способствовало торжеству сыска: провокація или глупость? — сказать трудно. Очевидно одно: гг. «политиканствующие» студенты въ погонѣ за сомнительной популярностью дошли до полного нравственного разгильдяйства. Иначе трудно понять ихъ поведеніе, хотя-бы по отношенію къ своимъ-же товарищамъ-студентамъ, которымъ грозитъ возможность закрытія общежитія... Вѣдь, очевидно, «склады» революціонныхъ изданій и оружія въ стѣнахъ студенческаго общежитія были устроены не съ общаго согласія студенчества (являясь для его массы тайной), а по частной инициативѣ отдѣльныхъ кружковъ и личностей.

Вѣдь, обнаруживаніе «революціонныхъ предметовъ», если откинуть предположеніе (врядъ-ли справедливое) о провокаціи, является не чѣмъ инымъ, какъ возмутительной бравадой, игнорированіемъ общественныхъ интересовъ ради «личныхъ», усерднымъ (хотя и невольнымъ) подспорьемъ чиновникамъ охраннаго отдѣленія.

Крайне тяжело, но приходится назвать дѣйствія «борцовъ» подобнаго рода возмутительными, какъ по ихъ некультурности, такъ и по тому отрицательному значенію, которое они имѣютъ на просвѣщеніе нашей родины.

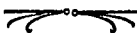
Какая-то загадочная горсточка «политиканствующихъ студентовъ» старается навязать всему студенчеству свою некультурную тактику. Ей — этой горсточкѣ — необходимо «расшевелить» всю студенческую массу для искусственнаго проведенія въ русскую жизнь революціоннаго начала...

Великая честь студенчеству, которое всѣми силами борется противъ подобнаго захвата академической жизни. Вѣдь, какъ ни старался совѣтъ представителей Лѣснаго института раздуваніемъ конфликтовъ обострить положеніе до закрытія института — студенчество побѣдило и гг. представители вынуждены были сложить свои полномочія.

Помимо «страннаго» поведенія гг. «политиканствующихъ» политехниковъ, хроника послѣдняго времени обога-

тилась не менѣе нежелательнымъ фактомъ обращенія высшей школы въ политическую арену — митингомъ въ университетѣ 20-го февраля. Но въ данномъ случаѣ все-таки приходится считаться съ настроеніемъ всего русскаго общества, которое господствовало въ день открытія второго парламента... Станнымъ, однако, является поведеніе гг. новыхъ народныхъ избранниковъ, «удостоившихъ» митингъ своимъ присутствіемъ. Неужели эти гг. депутаты не понимали, что, пользуясь неприкосновенностью личности, они не распространяли эту неприкосновенность на ту толпу, которая «качала» ихъ въ университетскомъ залѣ, рискуя быть нещадно избитой пашками и пагайками?..

Относясь съ глубокимъ отвращеніемъ ко всякаго рода «филерамъ» и «охранникамъ», мы не можемъ скрыть свое негодованіе по адресу тѣхъ «плевелъ» русской интеллигенціи, отрицательное значеніе которыхъ въ дѣлѣ освободительнаго движенія очевидно. Гг. «политиканствующие» студенты являются наиболѣе нежелательными «плерелами» на академическій почвѣ, заглушая и вредя тѣмъ посѣвамъ, которые должны дать обильную духовную пищу народу...

Молодежи,

О, молодость, тебѣ такъ свойственны порывы,
Стремишься къ правдѣ ты восторженной душой.
Взгляни—вокругъ тебя луга, поля и нивы,
На нихъ томится братъ страдающій, меньшей.
Иди къ нему скорѣй, открой ему объятья!
Не ненадобно борьбы, не надо мятежа!
Пусть смолкнутъ навсегда и стоны, и проклятья—
Онъ мира ждетъ вѣка, лишь правдой дорожа.
Иди-жъ къ нему, иди! съ привѣтомъ и любовью,
Неси къ нему во мглу великій знанья свѣтъ
И съ ласкою прильни къ страдальца изголовью,
Исполни дѣдами завѣщанный обѣтъ!
И братъ благословитъ твою любовь и ласку,
И всюду будутъ миръ желанный и покой,
И обратится былъ въ пугающую сказку,
И счастье верхъ возьметъ надъ злобною тоской.

И. Юрьевскій.

Тайна теріокскаго выстрѣла.

(Дѣло объ убійствѣ бывшаго государств. выбор. М. Я. Герценштейна.)

Бывшій государственный выборный М. Я. Герценштейнъ, послѣ роспуска первой думы, жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ на дачѣ подъ Петербургомъ—въ Теріокахъ, на Финляндской территоріи. Въ одинъ іюльскій вечеръ, даже не въ вечеръ, а въ предсумеречное время, онъ съ женою и дочерью отправился на прогулку на берегъ моря вблизи того пансіона, гдѣ онъ жилъ, и былъ подло убитъ изъ-за кустовъ выстрѣломъ изъ револьвера. Стоустая народная молва сейчасъ-же указала на тѣхъ, кто являлись настоящими виновниками этого убійства, не на тѣхъ, кто произвелъ роковой выстрѣлъ, а на тѣхъ, кто подослалъ въ кусты подлыхъ убійцъ.

Дѣло объ этомъ кровавомъ преступленіи поступило не въ русскій, а въ финляндскій уголовный судъ и, такимъ образомъ, тайна теріокскаго выстрѣла не замедлила раскрыться. Чтобы читатель могъ объять его въ цѣломъ и постичь всю глубину окружающей его гнущности, намъ необходимо нѣсколько систематизировать весь матеріалъ по этому дѣлу, которое въ третій разъ должно разсматриваться 6-го марта.

Тотчасъ послѣ совершенія этого убійства начато было его разслѣдованіе финляндскими властями, такъ какъ преступленіе произошло на финляндской территоріи. По первымъ добытымъ ими даннымъ былъ заподозрѣнъ и арестованъ служившій на станціи Теріоки жандармъ Запольскій. Вскорѣ, однако, онъ былъ освобожденъ и дѣло угрожало заглохнуть, несмотря на то, что въ рукахъ русскоѣ прокуратуры находилось довольно много концовъ отъ того клубка, который представляло изъ себя это убійство (письма, присылаемыя м-ше Герценштейнъ послѣ убійства ея мужа, показанія Запольскаго и т. д.). Въ то-же самое время лицами, сочувствовавшими покойному производились частныя разслѣдованія въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и хотя о томъ, какого рода людьми совершено это преступленіе, двухъ мнѣній быть не могло, однако, никакихъ серьезныхъ уликъ найти не удавалось, если-бы не помогъ случай. Бывшій членъ союза русскаго народа Илья Лавровъ на допросѣ у слѣдователя, содержавшійся въ тюрьмѣ въ административномъ порядкѣ и привезенный къ одному изъ слѣдователей петербургскаго окружного суда

для допроса по совершенно другому дѣлу—объ убійствѣ его брата и Слесарева, рабочихъ семяниковскаго завода, встрѣтился здѣсь съ политическимъ арестованнымъ, которому и сообщилъ, что имѣеть весьма важныя свѣдѣнія объ убійствѣ профессора Герценштейна. На другой день въ тюрьму къ Лаврову и его товарищу Зорину явился пом. прис. пов. Веберъ, которому они и сообщили слѣдующее. Оба они—бывшіе члены союза русскаго народа и члены боевой его дружины, во главѣ которой стоялъ пресловутый Юскевичъ-Красковскій. Кромѣ нихъ, среди членовъ союза и боевой его дружины были Ларичкинъ, Александровъ, Рудзкій, Вѣляевъ, Половневъ,—начальникъ боевой дружины на Путиловскомъ заводѣ—и мѣщанинъ Тополевъ (онъ-же Гамзѣй Гамзѣвичъ). Юскевичъ-Красковскій неоднократно приказывалъ совершать убійства. По его, напримѣръ, распоряженію, Ларичкинъ убилъ рабочаго Мухина при выходѣ съ завода, за то, что онъ, состоя въ союзѣ, сталъ проявлять склонность къ революціонерамъ, о чемъ Лаврову рассказывалъ самъ Ларичкинъ, прибѣжавъ къ нему тотчасъ-же послѣ убійства.

Вскорѣ послѣ убійства на семяниковскомъ заводѣ брата Лаврова и другого рабочаго Слесарева тотъ-же Юскевичъ-Красковскій поручилъ самому Лаврову и двумъ другимъ членамъ союза, Булаеву и Криксу, убить директора этого завода Гипсіуса за то, что онъ „мирволитъ революціонерамъ“, для чего снабдилъ ихъ деньгами, револьверы-же казеннаго образца розданы были имъ еще при зачисленіи въ боевую дружину. Однако, они оказались неспособными къ этому, за что и заслужили немилость своего атамана.

Вскорѣ послѣ этого Лавровъ и Зоринъ, которому также давалось это порученіе, были исключены изъ союза. Затѣмъ обыскъ полиціи обнаружилъ у нихъ револьверы, и оба были приговорены въ административномъ порядкѣ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць.

Но еще до исключенія его изъ союза онъ, сидя съ Зоринымъ въ спальнѣ у сторожей союза русскаго народа, слышалъ отъ Ларичкина, подробный рассказъ объ убійствѣ Герценштейна.

По словамъ Ларичкина, убійство совершено по распоряженію все того-же Юскевича-Красковскаго имъ, Ларичкинымъ, Гамзѣемъ Гамзѣвичемъ (Тополевымъ), и Александровымъ. Всѣ они сидѣли въ засадѣ. Стрѣлялъ сначала Гамзѣй, но промахнулся, попали Ларичкинъ, чѣмъ онъ особенно хвастался. Послѣ убійства Ларичкинъ перескочилъ черезъ заборъ, выпустилъ брюки изъ сапогъ и помогалъ переносить убитаго имъ профессора. Александровъ, по словамъ Ларичкина, не стрѣлялъ. Всѣ они были одѣты въ панцыряхъ.

По словамъ Ларичкина, за „дѣло“ они получили отъ Юскевича-Красковскаго 1.000 р.; кромѣ того, онъ сшилъ имъ новую одежду, и т. д.

Кромѣ перечисленныхъ трехъ, въ убійствѣ принималъ участіе и кто-то четвертый, но кто именно—Лавровъ не знаетъ, такъ какъ Ларичкинъ четвертаго не называлъ.

Зоринъ далъ тѣ-же показанія, добавивъ, что четвертый былъ Половневъ и что, поручая убить Гиппіуса, Юскевичъ-Красковский снабдилъ ихъ привязной бородой и усами, синими очками и котелкомъ. Котелокъ они прощли, очки-же, борода и усы остались у жены.

Относясь сперва педовѣрчиво къ ихъ показаніямъ, г. Веберъ попросилъ ихъ написать эти показанія, а также взялъ письмо къ женѣ Зорина, у которой и нашель указанные усы, бороду и синіе очки.

Аналогичныя показанія далъ и Романовъ, на котораго ссылались Лавровъ и Зоринъ.

Проѣривъ весь этотъ матеріалъ и съѣздивъ въ Финляндію для допроса нѣкоторыхъ свидѣтелей на мѣстѣ, г. Веберъ представилъ всѣ собранныя имъ матеріалы прокурору судебной палаты и финляндскимъ властямъ.

Поручено было произвести негласное дознаніе тов. прокур. петербургскаго окружнаго суда г. Гвоздановичу.

Въ свою очередь, финскія судебныя власти вновь произвели слѣдствіе, результатомъ котораго и было публичное засѣданіе уѣзднаго суда теріокскаго округа въ Кивиненшъ въ 24-хъ километровъ отъ Теріокъ, 10-го января этого года.

Сначала были допрошены двѣ горничныхъ изъ финляндской гостиницы и желѣзнодорожный служащій, рассказавшіе довольно подробно о трехъ лицахъ, пріѣзжавшихъ въ Теріоки предъ убійствомъ М. Я. Герценштейна. Въ предъявленной имъ фотографической карточкѣ всѣ вызванные свидѣтели-финны узнали черносотенца Сергѣя Александрова изъ союза русскаго народа. Нѣкоторые изъ свидѣтелей не узнали бывшего съ нимъ въ день убійства рабочаго Ларечкина. Но ленсманъ при этомъ обратилъ вниманіе на то, что Ларечкинъ на карточкѣ изображенъ гораздо болѣе молодымъ, чѣмъ онъ въ дѣйствительности.

Пом. прис. пов. Веберъ явился въ судъ не какъ свидѣтель, а съ тѣмъ, чтобы указать главнѣйшихъ свидѣтелей, на которыхъ онъ случайно наткнулся въ своей адвокатской практикѣ. Ему были указаны истинные виновники по дѣлу объ убійствѣ М. Я. Герценштейна: Егоръ Ларечкинъ, Сергѣй Александровъ, губернский секретарь Инк. Максим. Юскевичъ-Красковский, пинскій мѣщанинъ Абрамъ Топольевъ, онъ-же Гамзѣй Гамзѣичъ, мѣщанинъ А. В. Половневъ, онъ-же „Сашка-Косой“, начальникъ боевой дружины на Путиловскомъ за-

водѣ. Причастными къ дѣлу объ убійствѣ слѣдуетъ считать И. Я. Рудзика, записавшагося въ гостиницѣ въ Теріокахъ—Кукинскимъ; кр. Гр. Вас. Бѣляева, 18-ти лѣтъ, считающагося „оруженосцемъ“ Юскевича-Красковского. Положительно можно утверждать, что дѣйствительными убійцами являются Александровъ, Ларечкинъ и Топольевъ.

Свидѣтель Лавровъ, бывшій членъ союза русскаго народа и одной изъ боевыхъ дружинъ его, показалъ, что его и Зорина Юскевичъ-Красковскій подговаривалъ убить директора Семяниковскаго завода Ив. Ив. Гиппіуса за то, что онъ „мирволить забастовщикамъ“. Они отказались отъ этого „дѣла“. Въ концѣ концовъ, они попали въ тюрьму за ношеніе револьверовъ, выданныхъ имъ изъ союза, и просидѣли мѣсяць. При поступленіи въ союзъ Лавровъ давалъ присягу не проливать крови. Между тѣмъ, въ маѣ 1906 года къ свидѣтелю прибѣжалъ членъ союза Ларечкинъ и признался ему въ убійствѣ рабочаго Алексѣя Мухина „за то, что онъ перешелъ въ революціонеры“. Свидѣтель прогналъ Ларечкина, такъ какъ „забоялся“ его. По возвращеніи въ августѣ изъ деревни Ларечкинъ хвасталъ предъ свидѣтелями, что „зарѣзалъ бывшего члена государственной думы“. При этомъ онъ рассказывалъ, что засаду они устраивали втроемъ: онъ—Ларечкинъ, Гамзѣй Гамзѣичъ и Сергѣй Александровъ. Гамзѣй выстрѣлилъ будто-бы первый, но не попалъ. Ларечкинъ выстрѣлилъ вторымъ. Герценштейнъ послѣ этого выстрѣла упалъ. Всѣ бросились бѣжать.

Далѣе Лавровъ показалъ, что въ кустахъ у убійцъ были спрятаны четыре бомбы, за которыми Ларечкинъ посылалъ свидѣтеля, но онъ не пошелъ. Ларечкинъ неоднократно хвалился своимъ „дѣломъ“ при слѣдующихъ лицахъ: Зоринѣ, Романовѣ, Ив. Феоктистовѣ, Головкинѣ. Послѣдній часто посѣщалъ чайную на углу Знаменской и Жуковской ул. Ив. Феоктистовъ уѣхалъ въ Псковскую губернію.

Свидѣтель Инк. Зоринъ, тоже бывшій „союзникъ“, такъ-же, какъ и Лавровъ, опозналъ на карточкѣ Ларечкина и Александрова. Подтвердивъ, въ общемъ, показанія Лаврова относительно предложенія убить Гиппіуса, Зоринъ добавилъ, что, кромѣ указанныхъ 3-хъ лицъ, въ Теріокахъ былъ еще и Половневъ, считавшійся въ союзѣ „какъ-бы помощникомъ“ Юскевича-Красковского, къ которому онъ даже входилъ безъ доклада. На вопросъ адвоката Лангеншельда, довѣреннаго вдовы Герценштейна, свидѣтель отвѣтилъ, что оружіе выдавали сначала будто-бы для самообороны, а „потомъ пришлось за него въ тюрьмѣ сидѣть, коли не хочешь по приказу убивать“.

Затѣмъ было оглашено показаніе Зорина, данное при дознаніи

въ С.-Петербургѣ. Юскевичъ-Красковскій подговаривалъ его — Зорина, Криксу и Булаева убить Гипсіуса. При этомъ онъ далъ имъ бороду, усы, синія очки, котелокъ и Булаеву—студенческую фуражку. Котелокъ они на Лиговкѣ сейчасъ-же продали за 50 коп. Борода, усы и очки хранятся у слѣдователя въ С.-Петербургѣ. Далѣ Зоринъ добавилъ, что прежде Александровъ и Ларечкинъ были „оборванцами“, но осенью имъ „купили рубахи, справили костюмы, шубы, поселили въ общей спальнѣ въ союзъ“ и т. д.

Наконецъ, свидѣтель-слуга изъ ресторана „Du Nord“ Брониславъ Яновичъ показалъ, что 24-го іюля нов. ст. пріѣзжали трое подозрительныхъ лицъ; потомъ 27-го двое — толстый и молодежкій. При нихъ были револьверы и кишжалы. Были и панцыри, которые они показывали ему. Это показаніе удостовѣрено было и др. финской прислугой.

Допросъ свидѣтелей въ засѣданіи 10-го января окончень не былъ и продолжался и 11-го января.

Въ началѣ засѣданія было оглашено показаніе свидѣтеля Романа, бывшаго члена союза русскаго народа, допрошеннаго уже въ Выборгѣ. Романовъ разсказалъ слѣдующее.

Въ іюлѣ 1906 года Юскевичъ-Красковскій усленно подговаривалъ его поѣхать въ Теріоки на очень „выгодное дѣло“. Въ чемъ состоитъ это выгодное дѣло, Юскевичъ-Красковскій ему не сообщилъ. „Хочешь заработать много денегъ,—говорилъ ему начальникъ боевой дружины союза русскаго народа:—поѣжай въ Теріоки, а тамъ уже узнаешь, зачѣмъ поѣхалъ“. Свидѣтель, по его словамъ, понималъ, что дѣло тутъ не чисто, и категорически отказался поѣхать въ Теріоки.

Свидѣтель Пироговъ, газетчикъ въ Теріокахъ, показалъ, что въ дни, предшествовавшіе убійству, онъ неоднократно замѣчалъ на квартирѣ станціоннаго жандарма Запольскаго какихъ-то таинственныхъ, подозрительныхъ людей. На вокзалѣ свидѣтель какъ-то подслушалъ разговоръ о предстоящемъ имъ очень важномъ дѣлѣ и большомъ заработкѣ. „Если дѣло выгоритъ,—какъ-то сказали они,—мы уѣдемъ отсюда домой на моторахъ“. Послѣ убійства М. Я. Герценштейна, тѣ-же лица таинственно переговаривались на вокзалѣ, и свидѣтелю случайно удалось подслушать фразу: „Какъ ловко, удачно сошло“.

Аналогичныя показанія далъ свидѣтель Лищукъ, другой газетчикъ. Свидѣтель Рыцай, дворникъ одной изъ теріокскихъ дачъ, сообщилъ, что за нѣсколько дней до убійства М. Я. Герценштейна онъ замѣтилъ трехъ неизвѣстныхъ ему лицъ, проходившихъ мимо дачи покойнаго депутата думы. Замѣтивъ Рыцай, одинъ изъ неизвѣстныхъ спросилъ его, гдѣ здѣсь живетъ Герценштейнъ. Свидѣ-

тель обратилъ, между прочимъ, вниманіе на то, что таинственные незнакомцы были одѣты въ панцири.

Выслушавъ показанія свидѣтелей, судъ постановилъ дѣло слушаніемъ отложить и оговоренныхъ показаніями свидѣтелей Егора Ларечкина, Сергѣя Александрова и Абрама Тополева (онъ-же „Гамзѣй Гамзѣичъ“) задержать, заключить подъ стражу въ мѣстной губернской тюрьмѣ и подвергнуть 21-го января приводу въ судъ. Затѣмъ судъ постановилъ привлечь въ качествѣ обвиняемыхъ и вызвать въ судъ на указанное число начальника боевой дружины союза русскаго народа губернскаго секретаря Николая Максимовича Юскевича-Красковскаго, начальника боевой дружины на Путиловскомъ заводѣ мѣщанина А. В. Половнева, И. Я. Гудзика, кр. Гр. Вас. Бѣляева („оруженосца Юскевича-Красковскаго“) и Трухачева.

Объ этомъ постановленіи немедленно было сообщено русскимъ властямъ.

Но здѣсь явились совершенно неожиданныя препятствія: арестовать удалось одного Александрова. Ларечкинъ и Тополевъ, до того времени безпрепятственно проживавшіе въ Петербургѣ и разъѣзжавшіе, какъ извѣстно изъ газетъ, по Россіи, вдругъ исчезли неизвѣстно куда.

Еще лучше оказалось съ другими. По жалобѣ г. Юскевич-Красковскаго, г. прокуроръ судебной палаты, не дожидая конца дѣла въ финскомъ судѣ, возбудилъ дознаніе о ложности показаній Лаврова, Романова, Зорина и др., о чемъ и сообщилъ Выборгскому губернатору, прося отложить дѣло. Половневъ 4 февраля былъ арестованъ на улицѣ въ Петербургѣ городовымъ Запольскимъ, прежнимъ обвиняемымъ, но по доставленіи его въ участокъ безпрепятственно оттуда отпущенъ.

Тѣмъ не менѣе, финляндцы дѣло не отложили и 8 (21) февраля оно началось слушаніемъ.

Засѣданіе суда открылось новымъ сюрпризомъ для слушателей, въ видѣ оглашенной телеграммы министра юст. Щегловитова къ Выборгскому губернатору съ предложеніемъ отложить дѣло на 2 мѣсяца.

Огласивъ телеграмму, судъ, не входя въ ея обсужденіе, приступилъ къ производству слѣдствія.

Изъ всѣхъ обвиняемыхъ предъ судомъ предсталъ одинъ Александровъ, вполне подтвердившій показанія Зорина, Лаврова и др., но свое участіе отрицающій.

Подсудимый — Сергѣй Александровъ, маленькій бѣлосоватый человекъ, очень нервный, съ почти ничего не выражающимъ лицомъ и бѣгающими глазами. Тополевъ скрылся и остался „не разыскан-

пымъ“, „Сашка Косой“ осуществляя свои избирательныя права въ Нарвскомъ выборномъ районѣ и помогая полиціи при всевозможныхъ обыскахъ, Юскевичъ-Красковскій тягалъ за клевету газеты, сообщавшія объ его подвигахъ. Дѣло пошло при одномъ пока обвиняемомъ.

Засѣданіе началось чтеніемъ документовъ. Была, какъ выше указано, оглашена телеграмма министра юстиціи. Вотъ ея содержаніе: „Поступили новыя заявленія, вызвавшія необходимость новаго дополнительнаго разслѣдованія въ Россіи, которое уже начато, но не можетъ быть немедленно окончено, почему отсрочка засѣданія совершенно необходима“. Далѣе было сообщено заявленіе г. Юскевича-Красковскаго и компаніи, переданное въ финскій судъ черезъ прокурора, въ которомъ они отказываются отъ явки до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ предоставлено производство финляндскаго суда, чтобы подготовиться къ защитѣ, и требуютъ отложенія дѣла. Наконецъ, было оглашено прошеніе одного изъ дѣятельныхъ членовъ союза русскаго народа Апполлона Майнова, въ которомъ онъ проситъ о разрѣшеніи взять Александрова на поруки.

Затѣмъ судъ приступилъ къ допросу обвиняемаго. Изъ его отвѣтовъ оказывается, что родился онъ въ Петербургѣ 29 лѣтъ тому назадъ, работалъ на верфи. Въ союзъ русскаго народа онъ поступилъ по предложенію рабочаго Лаврова. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ мѣсто сторожа въ конторѣ союза. Онъ знаетъ почти всѣхъ членовъ союза, въ боевой дружинѣ участія не принималъ и даже о существованіи ея не знаетъ.

Послѣ этого судья прямо предложилъ вопросъ о виновности.

Александровъ виновнымъ себя не призналъ. Вообще, онъ сначала почти на все отвѣчалъ отрицательно, но затѣмъ быстро измѣняя отвѣтъ и давая какое-либо новое объясненіе своимъ прошлымъ дѣйствіямъ.

На вопросъ, выѣзжалъ-ли онъ лѣтомъ куда-нибудь изъ Петербурга, Александровъ категорически отвѣтилъ отрицательно. Наконецъ, отъ него удалось добиться, что Ларечкинъ рассказывалъ ему, какъ онъ ѣздилъ въ Финляндію. Вслѣдъ за этимъ признаніемъ послѣдовалъ рядъ отрицательныхъ отвѣтовъ; наконецъ, очевидно, не выдержавши характера, обвиняемый передалъ слова Ларечкина, когда онъ, сидя въ сторожевской спальнѣ союза русскаго народа въ присутствіи Зорина, Романова и др., говорилъ, что Герценштейна убили онъ, Половневъ и Казнаковъ (Тополевъ).

Судья старался установить, когда именно было сказано это Ларечкинмъ, но безрезультатно. Такъ-же упорно отрицалъ Алексан-

дровъ свое участіе въ убійствѣ и настаивалъ, что никуда изъ Петербурга въ то время не выѣзжалъ. „И всю правду говорю. Хотите—рубите голову“, — подкрѣплялъ онъ почти каждое свое показаніе.

Судь приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Первымъ давалъ свое показаніе Фома Кариненъ, городской въ Теріокахъ. Онъ незадолго предъ убійствомъ профессора Герценштейна замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, возбудившихъ его подозрѣніе; одинъ изъ нихъ былъ съ кинжаломъ, у обоихъ были револьверы. Одно изъ нихъ онъ, несомнѣнно, узнаетъ въ Александровѣ.

— Что-же вы скажете? — спросилъ судья Александрова, — вотъ свидѣтель говорить, что вы были въ Теріокахъ.

— Не былъ! что знаю, то говорю, больше ничего не могу сказать.

Однако, еще черезъ нѣсколько минутъ Александровъ подтвердилъ уже, что въ Финляндіи были Ларечкинъ, Половневъ, Пименовъ и Казнаковъ, но его самого не было.

Каждый свидѣтель, опознававшій Александрова, заставлялъ его все болѣе и болѣе нервничать.

Допрошенный слѣдующимъ свидѣтель Г. В. Веберъ подтвердилъ свое прежнее показаніе и представилъ два фотографическіе снимка: одинъ съ конверта, въ которомъ почти тотчасъ послѣ убійства была прислана г-жѣ Герценштейнъ, вдовѣ убитаго, карточка „каморры народной расправы“, и другой съ прописной книги гостиницы „Du Nord“, гдѣ останавливались таинственные посѣтители Теріокъ, съ ихъ расписками, причемъ всѣ они обозначены вымышленными фамиліями. Показанія Вебера представили подробную исторію постепеннаго раскрытія картины и виновниковъ гнуснаго злодѣянія.

Но и послѣ этого показанія Александровъ продолжалъ оставаться на своей прежней позиціи: преступленіе совершено, подъ руководствомъ Юскевичъ-Красковского, Половневымъ, Ларечкинскимъ и Казнаковымъ. Самъ онъ рѣшительно ничего о готовящемся не зналъ и узналъ гораздо позже со словъ Ларечкина.

— Что-же вы никому не сообщили? — спросилъ судья.

— Не люблю канителиться.

Чрезвычайно интересный, но до-нельзя противный моментъ представился съ появленіемъ одного изъ главныхъ свидѣтелей—Лаврова, бывшаго сотоварища обвиняемаго по союзу. Лавровъ подтвердилъ всѣ данныя имъ раньше показанія и настаивалъ на томъ, что Ларечкинъ, рассказывая объ убійствѣ, въ числѣ участниковъ его называлъ и Александрова. Съ этого момента разговоръ перешелъ въ діалогъ, который непривычнымъ людямъ безъ омерзенія и внутренняго содроганія не было возможности слушать.

— Что ты! Да ты побойся Бога! — урезонивал обвиняемый своего бывшего пріятеля.

— А что мнѣ? я говорю то, что слышалъ. Ларечкинъ хвасталъ, что тысячу рублей заработали.

— Это на трюхъ-то? Эка невидаль триста рублей да на такое дѣло! Да, вѣдь, у насъ въ союзѣ тысячи, пятьдесятъ тысячъ лежало; кабы хотѣли, всегда можно взять. Помнишь, какъ Ларечкинъ и ключи подобралъ?

Свидѣтель, видимо, сконфузился.

Послѣ Лаврова давалъ показаніе Зоринъ, подтверждая свои показанія.

Изъ всѣхъ вообще показаній стало яснымъ съ несомнѣнностью, что предъ убійствомъ въ Теріокахъ жили и его подготовляли пять человекъ,—по описанію, Половневъ, Рудзкій, Александровъ, Бѣляевъ и Тополовъ.

Послѣ показаній главныхъ свидѣтелей обвиняемый Сергій Александровъ заявилъ о своемъ желаніи дать новое объясненіе. Его оставили наединѣ съ переводчикомъ, которому онъ и продиктовалъ приблизительно слѣдующее: „Посылалъ Н. М. Юскевичъ-Красковскій Половнева, Ларечкина, Рудзкаго и Казнакова 15-го іюля въ Теріоки убить члена государственной думы Герценштейна. У нихъ не хватило денегъ, почему Ларечкинъ на слѣдующій день отправился обратно въ Петербургъ. Когда Ларечкинъ побывалъ у Юскевичъ-Красковского, онъ въ тотъ-же день пріѣхалъ въ контору и позвалъ меня съ собою. Но я не зналъ, куда онъ меня зоветъ. Пріѣхали на финляндскій вокзалъ, гдѣ Ларечкинъ взялъ два билета до станціи Теріоки, и мы сѣли на поѣздъ. Пріѣхали въ Теріоки. На станціи насъ встрѣтили Половневъ, Рудзкій, Шименовъ и Казнаковъ. Я спросилъ у Половнева, зачѣмъ меня привезли сюда. Тутъ Половневъ и объяснилъ мнѣ, что привезли для того, чтобы убить Герценштейна. Я хотѣлъ сейчасъ-же уѣхать обратно, но не имѣлъ денегъ. Мы пошли ночевать къ Запольскому. 17-го числа всѣ мы обратно уѣхали въ Петербургъ, а 18-го іюля Ларечкинъ, Половневъ, Казнаковъ, Юскевичъ-Красковскій съ дѣвочкой и еще одинъ членъ союза Казаринъ снова были въ Теріокахъ. Красковскій и Казаринъ остались на вокзалѣ въ буфетѣ 1-го класса, а Ларечкинъ, Половневъ и Казнаковъ пошли въ гостиницу, гдѣ жилъ Герценштейнъ, и тамъ его убили втроемъ. Вечеромъ эти трое пріѣхали въ 4-ю роту д. № 6 и спросили: „Красковскій уже пріѣхалъ?“. Мы объяснили, что Красковского не видали. Тогда они сѣли на извозчика и уѣхали. Въ скоромъ времени послѣ убійства Казнаковъ и Половневъ получили деньги, отъ кого, не знаю. Ларечкину Красковскій купилъ новую

тройку, лакированные сапоги, рубашку, часы и фуражку. У Ларечкина, Казнакова и Половнева было по одной бомбѣ, которыхъ я послѣ убійства уже не видалъ. Были они въ панциряхъ и имѣли револьверы (браунинги). Стрѣляли Ларечкинъ и Казнаковъ, а Половневъ стоялъ на охранѣ. Когда послѣ убійства Половневъ, Ларечкинъ и Казнаковъ пришли въ буфетъ, то сѣли за столъ вмѣстѣ съ Красковскимъ и Казариновымъ и съ первымъ поѣздомъ уѣхали въ Петербургъ“.

Между прочимъ, Александровъ сообщилъ, что отъ главнаго совѣта союза русскаго народа было выдано Ларечкину, Половнему и Казнакову по двѣ карточки съ надписью: „Коморра народной расправы“.

На этой позиціи онъ продолжалъ уже оставаться до самаго конца.

Съ утра второго дня послѣ прочтенія новаго показанія Александрова, продолжался допросъ свидѣтелей. Бывшій жандармскій унтеръ-офицеръ Запольскій, сначала даже подозрѣвавшійся въ убійствѣ Герценштейна и бывшій арестованнымъ, а затѣмъ освобожденный изъ-подъ ареста, повторивъ свое показаніе о посѣщавшихъ его пяти неизвѣстныхъ, назвавшихся агентами охраны, опровергъ записанный на дознаніи русскими властями, якобы съ его словъ, фактъ объ избіеніи его при арестѣ финляндскими полицейскими. Оказывается, что его дѣйствительно ударили, но кто-то изъ публики.

Запольскій также опозналъ Александрова. По окончаніи допроса онъ сообщилъ суду объ арестѣ имъ Половнева 4-го февраля, ѣхавшаго съ женой по Садовой въ Петербургъ, такъ какъ въ Половневѣ онъ узналъ бывшего у него господина въ синихъ очкахъ, и о томъ, какъ послѣдній былъ отпущенъ на свободу русской полиціей. Это показаніе занесено въ протоколъ.

Яновичъ изъ номерной гостиницы „Du Nord“ повторилъ свое прежнее показаніе о пребываніи пяти лицъ въ ихъ гостиницѣ.

Послѣ допроса свидѣтелей судья старался установить, насколько причастны къ дѣлу убійства главари союза Дубровинъ и прочіе. Но такъ какъ противъ нихъ прямыхъ уликъ нѣтъ, то постановленіе суда, которое мы приводимъ ниже, ихъ и не коснулось.

По окончаніи допроса свидѣтелей между судьей и обвинителемъ произошелъ діалогъ, который завесенъ въ протоколъ. Послѣ перевода оказалось, что ленсманъ, ввиду того, что Ларечкина и Тополева не удалось еще задержать, а также ввиду неявки нѣкоторыхъ свидѣтелей, ходатайствовалъ объ отложеніи дѣла. Кромѣ того, ленсманъ просилъ судъ сдѣлать постановленіе объ арестѣ Половнева, о приводѣ въ судъ отказавшихся явиться Юскевича-Красковского. По-

ловнева, Бѣляева и Рудзкаго и вызовѣ Трухачева, общія вмѣстѣ съ тѣмъ доставить къ слѣдующему засѣданію новыя доказательства ихъ виновности.

Еще разъ предсѣдатель обратился къ Александрову, не хочетъ-ли онъ сказать еще чего-либо. Отвѣтомъ было:

— Ничего не могу.

Судъ приступилъ къ совѣщанію, а черезъ часъ объявилъ резолюцію:

1) Ввиду того, что Ларечкинъ и Тополевъ, объ арестѣ которыхъ сдѣлано постановленіе въ первомъ засѣданіи, до сихъ поръ еще не задержаны, Бѣляевъ, Юскевичъ-Красковскій, Половневъ и Рудзкій—въ судъ не явились, а Трухачеву повѣстка не вручена за неразысканіемъ, судъ постановилъ дѣло слушаніемъ отложить и назначить на 6-е (19-е) марта въ томъ-же помѣщеніи.

2) Ларечкина, Тополева и Половнева постановлено подвергнуть аресту и доставить въ выборгскую тюрьму, причемъ у послѣдняго произвести обыскъ. Юскевича-Красковскаго, Бѣляева и Рудзкаго подвергнуть приводу, сообщить объ этомъ черезъ выборгскаго губернатора подлежащимъ властямъ.

3) Вновь вызвать обвин. Трухачева и рядъ новыхъ свидѣтелей.

4) Въ ходатайствѣ Аполлону Майкову о взятіи на поруки Александрова отказать, такъ какъ оно не имѣетъ за собой основаній въ законахъ финляндскихъ.

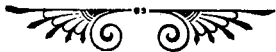
Таково въ настоящій моментъ общее положеніе этого дѣла, подробности котораго мы приводимъ здѣсь по сообщенію газ. „Товарищъ“. Это дѣло чрезвычайно ярко характеризуетъ нравы современныхъ русскихъ „браво“, выступающихъ подъ флагомъ защиты Россіи отъ послѣдствій Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 г., т. е., отъ такого государственнаго строя, при прочномъ укрѣпленіи основъ котораго для подобныхъ господъ, съ ихъ атаманами и есаулами во главѣ, только и можетъ найтись мѣсто, что на каторгѣ.

Какъ извѣстно, сообщеніе объ убійствѣ М. Я. Герценштейна, появившееся въ московской черносотенной газетѣ „Маякъ“ за шесть часовъ до совершенія преступленія, было передано редакціи этой газеты по телефону нѣкимъ Трухачевымъ. На-дняхъ послѣдній былъ допрошенъ по этому поводу и показалъ, что наканунѣ убійства Герценштейна онъ былъ въ Петербургѣ и, посѣтивъ въ Сѣверной гостиницѣ виднѣйшаго московскаго дѣятеля союза русскаго народа Ознобишина, отправился съ нимъ въ ресторанъ Палкина. Здѣсь, на балконѣ, къ нимъ присоединился Казаринъ (это лицо фигурируетъ и въ показаніи Александрова, данномъ имъ на допросѣ въ финляндскомъ судѣ) и въ общей бесѣдѣ, между прочимъ, сказалъ, что правые

рѣшили отнынѣ примѣнять по отношенію къ своимъ политическимъ врагамъ тѣ-же средства, которыми пользуются лѣвые. Въ этотъ моментъ кто-то, сидѣвшій за столомъ, произнесъ: „Герценштейнъ убить“. Въ тотъ-же вечеръ Трухачевъ уѣхалъ въ Москву и по прибытіи туда сообщилъ редактору „Маяка“ Грену, что Герценштейнъ убить. Далѣе, — какъ говорить „Рѣчь“, — Трухачевъ показалъ, что если-бы не боязнь мести со стороны союзниковъ, то и онъ, да и многіе другіе, имѣвшіе случай быть близкими съ дѣятелями союза русскаго народа, могли-бы сообщить о послѣднемъ такія свѣдѣнія, которыя окончательно исключили-бы возможность дальнѣйшаго и гальнаго существованія этой организаціи. е

Выше помѣщено постановленіе финляндскаго суда о приводѣ на разбирательство дѣла объ убійствѣ М. Я. Герценштейна члена союза русскаго народа Юскевича-Красковскаго. По сообщеніямъ газетъ, онъ исчезъ изъ своей квартиры (Николаевская, 9) приблизительно въ первыхъ числахъ февраля, то есть, именно, тогда, когда слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ начало принимать угрожающій характеръ для учредителей „каморры народной расправы“. Предъ этимъ Красковскій особенно часто видѣлся съ Половневымъ, бывшимъ при немъ въ должности тѣлохранителя. По нѣкоторымъ даннымъ, Юскевичъ-Красковскій уѣхалъ вмѣстѣ съ Половневымъ и не за границу, а на югъ, кажется, въ Екатеринославскую губернію. Домовая администрація долго не знала объ исчезновеніи Юскевича-Красковскаго и отмѣтила его выбывшимъ только 14-го февраля, „на родину“. Въ квартирѣ-же, занимаемой Юскевичемъ-Красковскимъ, поселился его родной братъ, сколоточный надзиратель екатеринославской полиціи. На вопросы, предложенные домовою прислугѣ относительно мѣстонахожденія Юскевича-Красковскаго, послѣдняя отвѣчается незнаніемъ, но тѣмъ не менѣе, сообщила, что, можетъ быть, онъ скоро вернется.

По полученіи отъ финляндскихъ властей предложенія о задержаніи для привода въ судебное засѣданіе обвиняемыхъ по дѣлу объ убійствѣ М. Я. Герценштейна, Н. М. Юскевича-Красковскаго и А. Половнева, министерство юстиціи, по словамъ „Рѣчи“, сдѣлало соответствующее распоряженіе лишь по г. Петербургу, очевидно, упустивъ изъ вида, что въ подобныхъ случаяхъ разсылается приказъ о задержаніи по всемъ городамъ имперіи. Этимъ и объясняется, что обоимъ обвиняемымъ удалось безъ труда выѣхать изъ Петербурга, найти себѣ пока безопасное убѣжище въ любомъ изъ городовъ Россіи.

Въ міръ слова и искусства.

Художественная выставка.

Въ залахъ Императорской академіи художествъ въ С.-Петербургѣ состоялась XV-я выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ. Было выставлено всего 357 произведеній, включая сюда и полотнища г. Рубо, представляющія эскизы для панорамы севастопольской осады.

На первомъ планѣ выставки необходимо отмѣтить картины г. Кондратенко. Огромныя полотна художника заполнены зеленью и буреломомъ Бѣловѣжской пущи. Его картины „Въ дебряхъ Бѣловѣжской пущи“, „Послѣдніе могикане“ и „Буреломъ“ выписаны такъ живо, стволы столѣтнихъ деревьевъ такъ красивы и такъ хороши свалившіяся сосны и ели съ вывороченными корнями, что отъ этихъ пейзажей не хочется отойти. Они манятъ въ свою зеленую чашу, на свои луговины, и кажется, что зритель вдыхаетъ влажный воздухъ, пропитанный запахомъ мха, зелени, ароматомъ сосны и ели. Хороша и еще одна картина г. Кондратенко „Сельскій видъ“. Это—сжатое поле. Сложенные въ скирды снопы занимаютъ первое мѣсто. Въ дали виднѣтся село. Оно все въ дымѣ тумана и рельефно видны лишь колокольня и храмъ, обрисовывающіеся за далеко раскинувшимся полемъ. „Тихая обитель“ того-же художника обращаетъ на себя вниманіе грустью, вѣющей отъ занесеннаго снѣгомъ монастыря, главы котораго виднѣются и вырисовываются на фонѣ безоблачнаго, свѣтлаго неба. Кругомъ тишина, и кажется, что даже снѣгъ, запорошившій все вокругъ обители, проникнулъ ея святыней и мирно и покойно лежитъ вокругъ ограды. Талантъ г. Кондратенко вообще разнообразенъ. Наряду съ пейзажами Бѣловѣжской пущи и „Тихую обителью“ его полотна сочно и красиво воспроизводятъ южную красоту природы. „На Салернскомъ полуостровѣ“ переносятъ зрители въ Италію, гдѣ море сине-синее, гдѣ небо свѣтло и прозрачно и гдѣ скалы при закатѣ солнца заливаются розовымъ свѣтомъ. Все это передано на картинѣ замѣчательно красиво. А если къ этому прибавить бирюзовыя волны, которыя съ пѣной набѣгаютъ на скалы, то можно себя представить, какое прекрасное впечатлѣніе производить картина.

За г. Кондратенко слѣдуетъ К. Г. Маковскій. Среди массы ге-

Больших картинъ, величиною отъ двухъ квадратныхъ четвертей, особое вниманіе заслуживаетъ картина этого художника „Убіеніе царя Дмитрія (Самозванца)“. Это—большое полотно. По ступенямъ дворца волочатъ окровавленный трупъ Дмитрія. Кровь сочится изъ головы убитаго и окрашиваетъ краснымъ цвѣтомъ ступеньки. Въ разорванной рубахѣ стоитъ спиной къ зрителямъ убійца, напротивъ него какой-то посадскій молодецъ, упершись руками въ колѣна, хохочетъ. На правой сторонѣ, за колонной прижалась красивая женщина. Она прислушивается, и ея взглядъ полонъ ненависти и злобы. Кто эта женщина, трудно угадать, но можно предположить, что это—Марина Мнишкѣ. Вся картина приковываетъ къ себѣ вниманіе; но въ ней, по нашему мнѣнію, есть одинъ недостатокъ и недостатокъ крупный. Это идотское выраженіе лица спускающагося по ступенямъ крыльца русскаго воина. Эта фигура портитъ всю картину. Зачѣмъ она понадобилась художнику, это — его дѣло, но еще разъ повторяемъ: она портитъ все. Но зато какъ хороши распластанный у самой рамы ландскнехтъ. Такъ и кажется, что онъ защищалъ своего господина-царя до послѣдней минуты своей жизни и палъ, благодаря силѣ, которая была не на его сторонѣ.

В. А. Бобровъ, по обыкновенію, выставилъ массу женскихъ бюстовъ и головокъ. Всѣ они прекрасно выписаны, но не влетаютъ новыхъ лавровъ въ вѣнокъ художника. Между прочимъ, хороша акварель „Новыя мысли“ (она воспроизведена въ № 10 журнала „Родина“). Въ этомъ произведеніи г. Бобровъ отрѣшился отъ своей манеры писанья портретовъ съ натуры и далъ вполне жизненный рисунокъ, живой и интересный.

Г. Бакаловичъ выставилъ картины, относящіяся къ Египту. Эти картины небольшихъ размѣровъ, но въ исполненіи чувствуется искусная рука. „Въ часъ молитвы“, „Въ мечети“, „Гробницы калифовъ у Каира“, „Въ пескахъ“ — все это жжетъ и обладаетъ зноемъ далекой Африки. Желтизна пустыни сливается съ желтизной неба, и кажется, нѣтъ конца этому желтому простору.

И. А. Вельцъ выставилъ огромное полотно „Лѣсная даль“. Картина красива. На первомъ планѣ деревья, залитыя свѣтомъ солнца. Среди нихъ вьется дорога въ лѣсную даль. По дорогѣ ѣдутъ нѣсколько кибитокъ, запряженныхъ парами лошадей. Особенно хороша даль. Художникъ сумѣлъ подмѣтить темно-бирюзовый цвѣтъ далекихъ лѣсовъ и они у него вышли натурально-красивы.

Г. Рашевскій выставилъ портретъ гетмана Мазепы. Выписать этотъ портретъ хорошо; онъ въ натуральную величину, но отъ письма слишкомъ отдаетъ старой школой. Портретъ и теперь уже кажется за-

копченнымъ, словно онъ нѣсколько лѣтъ пролежалъ на чердакѣ. Быть можетъ, художникъ ввиду историчности сюжета преднамѣренно избралъ эту технику? Картина того-же художника „VII-я заповѣдь“ переноситъ зрителя въ Малороссію. По улицѣ, около хатъ, на виду вышедшихъ изъ домовъ крестьянъ и крестьянокъ, идетъ привязанная за руку голая женщина. Она закрыла лицо рукой. Рядомъ съ ней идетъ молодой, красивый парень, одѣтый въ дѣвичью паневу. Это изображаетъ старинный малороссійскій обычай: позорять женщину за нарушение супружеской вѣрности.

Наводитъ на тоску картина г. Манизера „Проводы“. Мороситъ дождь. Идущіе впередъ пѣвчіе съ нетерпѣніемъ оглядываются назадъ, гдѣ идетъ дьяконъ съ кадиломъ и священникъ въ ризѣ, въ клобукѣ и подъ зонтикомъ. Еще дальше въ воротахъ церкви виденъ поднятый на руки покрытый золотымъ глазетомъ гробъ. Картина хороша, но на нее „нудно“ смотреть.

Изъ картинъ г. Трутнева обращаютъ на себя вниманіе „Толкучій рынокъ въ Вильнѣ“ и „Вдовушка“ *). На первой картинѣ художникомъ изображенъ еврейскій кварталъ. Онъ живетъ. Тутъ продаютъ всякое старое тряпье. Въ сторонкѣ солдатъ стрижетъ своего собрата-солдата. Картина отличается движеніемъ. Другая наводитъ тоску. Среди колоннъ стоитъ вдова. Она задумалась. Черный вуаль окаймляетъ скорбное лицо, а рядомъ со вдовой стоитъ мальчикъ въ голубой рубашкѣ. На лицѣ мальчика не видно скорби, но во всей фигурѣ и въ глазахъ чувствуется печаль.

„Прахъ“ г. Д'Альгейма рисуютъ жизнь деревни. Въ ясный, солнечный день три женщины собрались на задворкахъ избы; онѣ прядутъ. Около нихъ суетятся ребятишки. Четвертая женщина сидитъ на землѣ. Вдалекѣ виденъ дворъ съ телѣгами и сарай. Въ этой интересной картинѣ очень хорошо выдержанъ тонъ жаркаго солнечнаго дня.

Теперь необходимо поговорить о картинахъ печальнаго содержанія. Интересна картина г. Клокачевой „Тяжелые дни“, изображающая старика и молодого. Изможденные лица того и другого ясно показываютъ, что этими людьми много прожито и много пережито. „Весна 1813 г.“ г. Коссака переноситъ зрителя въ далекое прошлое. Армія Наполеона отступаетъ. Разбитая, разрозненная она идетъ по дорогамъ. Ее преслѣдуютъ. На картинѣ три казака; онѣдутъ по дорогѣ, по которой зимой отступали французы. Снѣгъ стаялъ и выдалъ свои тайны. Полусгнившіе трупы лошадей и людей

*) Обѣ картины, равно какъ и еще многія съ этой выставки, будутъ воспроизведены на страницахъ журнала «Родина».

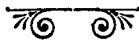
чернѣютъ на потемнѣвшемъ свѣту. Казаки истово крестятся, проѣзжая мимо павшихъ враговъ.

Дальше, съ наболѣвшей душой надо посмотрѣть картину г. Радина „Зло“. Толпа старыхъ, молодыхъ и юныхъ людей, и дѣтей съ боязливымъ взглядомъ бѣжитъ отъ существа, стоящаго на скалѣ. Существо задрапировано въ плащъ. Лицо со злыми глазами обращено на отступающую толпу. Впечатлѣніе отъ картины жуткое и неприятное.

Голыя тѣла выставили гг. Егорновъ—„Передъ ванной“, Пасъ—„Водяныя лиліи“, Сухоровскій—„Одалиска“ и др. Но, видимо, натура женщинъ измельчала. Всѣ художники дали очень скверное тѣло. Сухія ноги, сухія руки, сухія груди и невѣроятный торсъ. Выноваты въ этомъ, конечно, не художники, а натурщицы.

Заканчивая обзоръ XV выставки с.-петербургскаго общества художниковъ, нельзя не упомянуть о картинѣ г. Бунина „Не видно“. Здѣсь изображено море. Огромныя съ бѣлыми гребнями волны бьются о скалы, шумитъ вѣтеръ. Даль моря темна и волниста и въ эту даль всматриваются двѣ женщины. Онѣ, видимо, кого-то ждуть, но въ дали никого не видно. Картина г. Малышева „Что спите? Встаньте!..“ — странна по своимъ тонамъ. На картинѣ все синее — и небо, и деревья, и земля, и даже спящіе апостолы. Кромѣ того, самъ Христосъ некрасивъ и не Божествененъ.

На выставкѣ имѣются три картины, которыя были сперва запрещены цензоромъ г. Вальденбергомъ, но потомъ отвоеваны художниками для обозрѣнія публики. Одна изъ нихъ называется „Вихрь“ и принадлежитъ кисти г. Піотровича. На желтомъ сжатомъ полѣ, опустившись на колѣна, стоитъ женщина. Ея голова опущена и закрыта руками. Вдали темное небо, на фонѣ котораго идутъ скелеты съ косами за плечами. Все это очень тоскливо и декадентски некрасиво. Другія двѣ картины—г. Геллера: „Послѣ погрома“ и „Накрыли“. На первой—обширная комната богатаго еврея. Самъ онъ еще живъ и съ ужасомъ смотритъ на женщинъ, распластанныхъ на полу, съ зіяющими ранами на груди, на вискахъ и рукахъ. Пухъ распоротыхъ перинъ несется въ открытое окно, въ которое видно зарево пожара. „Накрыли“ — это небольшихъ размѣровъ картина, изображающая нелегальную типографію со станкомъ и наборной кассой. Въ дверяхъ этой комнаты стоитъ женщина, предупреждающая работниковъ, что они открыты. Картина современна, но выполнена не очень хорошо.

Между двух розъ репейникъ вросъ

Впечатлѣніе Ал. Эльскаго.

Конечно, мы съ бѣсомъ въ эти дни очень усердно занимались думою... Чѣмъ-же инымъ и можно было заниматься въ такую пору, когда подъ сѣнями стараго Таврическаго дворца произошло, съ благословенія высокопреосвященнаго владыки Антонія, трогательное совокупленіе въ нѣчто единое цѣлое отчаянныхъ „серновъ“, трепетныхъ „октябристовъ“, лоценныхъ „кадетовъ“, аладыно-трудовиковъ и троящихся эсовъ: „эсъ-эновъ“, „эсъ-дековъ“ и „эсъ-эровъ“? О, это былъ великій, незабвенный мигъ! Кто былъ въ состояніи пережить его безъ сердечнаго умиленія? Мой старый бѣсъ прослезился и даже утеръ своей мохнатой лапой неволью проступившія на его глаза слезы...

Но не лучше-ли будетъ, если я расскажу все по порядку?

Впечатлѣній много, а редакторъ—звѣрь лютый: ему все-бы только рѣзать да рѣзать... Онъ желаетъ, чтобы „Кладъ“ былъ житницей, и стоитъ на позиціи: „Въ немногомъ многое“. Такъ какъ нашъ редакторъ—не Куропаткинъ, то его съ разъ занятой позиціи никакой Оку не собьеть и потому волей-неволей приходится довольствоваться тѣми нѣсколькими десятками строкъ, которыя онъ отвелъ для моего думскаго впечатлѣнія.

Итакъ, я хочу рассказать прежде всего о толпѣ. О, что это была за толпа предъ Таврическимъ дворцомъ! Энтузіазмъ выражался въ ней весьма ярко. То тамъ, то здѣсь раздавались негодующіе крики о томъ, что правительство-злодѣй безъ сожалѣнія и безъ состраданія къ старшимъ уничтожило кабакъ, существовавшій при императрицѣ Аннѣ приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ собралась дума. Негодованіе возросло до гомерическихкихъ размѣровъ, когда песковскіе аборигены выяснили всѣмъ „сознательнымъ“ пришельцамъ, что не только уничтожено учрежденіе аннипскихъ

временъ, но даже самъ графъ Витте не позаботился создать поблизости что-либо ему подобное... Въ силу этого трезвость около думы процвѣтала и только кое-гдѣ появлявшіеся сбитенчики („но не въ сбитнѣ была тутъ сила!“) рьяно старались объ увеличеніи доходовъ акцизнаго вѣдомства. Однако, это было каплей въ морѣ. Если-бы среда благоприятствовала и правительство было подогадливѣе, то къ 175.000.000.000 уничтоженныхъ въ отчетно-акцизный годъ мерзавчиковъ прибавилась-бы ихъ не малая толка. Но что подѣлать? Правительство насквозь пропитано желаніемъ отрезвить народъ. Оно усердно насаждаетъ нормальный рабочий день, въ полной увѣренности, что современные труженики, покончивъ съ работой на нѣсколько часовъ раньше, пойдутъ въ эти часы въ церковь Божію, съ благоговѣйнымъ восторгомъ прослушаютъ вдохновенную рѣчь іеромонаха Іліодора, потомъ возвратятся къ своимъ ларамъ и пенатамъ и будутъ въ семейномъ кругу читать „Россію“, проникаясь съ каждой прочитанной въ ней строчкой искреннимъ убѣжденіемъ, что все хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

— Природа не терпитъ пустоты!—прервалъ вдругъ мои размышленія бѣсъ.

Мы стояли въ народной гущѣ. „Сельди въ боченкѣ“, „труба трубой“, „прудь пруди“, „ступа непротолченная“—вотъ ідиомы, вполне подходящія для опредѣленія окружавшей насъ тѣсноты. Тѣснились добрые простые люди.

Случилось такъ, что бѣсъ зналъ, кто изъ нихъ что представляетъ собою.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—группа ломовыхъ извозчиковъ: Славные ребята! Силищи непомѣрной. И пьютъ здорово: цѣлую барыню пополамъ! А какъ ругаются! Весь ихъ обиходный лексиконъ только и состоитъ, что изъ словечекъ, въ печати не употребляемыхъ; иныхъ они, кажется, и не слыхивали, а если и слыхивали, то это было для нихъ тарабарщина. Вонъ стоятъ приказчики и подручные изъ мясныхъ и зеленыхъ съ Круглаго рынка. О,—эти вполне интеллигенты! Они обтесались около горничныхъ и кухарокъ, забирающихъ въ ихъ лавкѣ, и даже могутъ пѣть „мартирльезу“. Вонъ тамъ стоитъ группа землякоповъ-бѣлоруссовъ.

Поговори-ка съ ними! они будутъ говорить по-русски, но ты ихъ не поймешь: особый говорокъ у нихъ. Безработица на мѣстахъ выгнала ихъ въ столицу, но и здѣсь оказалось не сладко. Отъ нечего дѣлать они явились сюда. Если у тебя есть надобность въ земляныхъ работахъ, пойди и найми ихъ! Они сейчасъ-же пойдутъ за тобой, даже не интересуясь узнать, открыта дума или разогнана. Что имъ Гекуба? А вонъ и нѣсколько виттевскихъ „братцевъ“! Смотри, смотри на нихъ! Шапку долой предъ ними: сознательные! Это ничего, что ихъ „сознательности“ только и хватаетъ только на то, чтобы „насознаться“ до положенія ризъ, но имъ вбито въ голову, что они „товарищи“ и все могутъ, потому что „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, то есть, право „насознаваться“ еще болѣе, чѣмъ до положенія ризъ... Но вотъ посмотри!

И я увидѣлъ, что „сознательные“ подхватили на руки какого-то человѣка и подняли его на свои плечи, такъ что онъ оказался выше толпы. Когда все это было исполнено, я самъ увидѣлъ физиономію этого господина и, конечно, сейчасъ-же узналъ, кто это. У покойнаго Дѣянова, этой жертвы публицистики, отнявшей у литературы ради повседневной мелкой работы крупное дарованіе—побольше чеховскаго,—есть рассказъ—маленькій, но весьма типичный. Рассказывается о корректорѣ, который многіе годы читалъ корректуры крупныхъ писателей и такъ какъ, по словамъ еще и теперь великаго Наполеона, „никто не геній для своего лакея“, то корректоръ, имѣвшій дѣло съ недостатками, недочетами, погрѣшностями, свойственными авторскимъ рукописямъ, относился къ „именамъ“ не только безъ уваженія, но даже презрительно. Когда-же ему самому пришлось случайно написать репортерскую замѣтку, то оказалось, что онъ, громившій всѣхъ и вся, буквально не можетъ связать двухъ словъ: геній отместилъ своему лакею... Этотъ рассказъ погибшаго таланта я живо припомнилъ, когда увидалъ на плечахъ „сознательныхъ“ товарищей одного мелкотравчатаго газетнаго корректора, избраннаго „братцами“ въ думу. Какъ онъ былъ великолѣпенъ! Кругомъ него стояли ломовики, крючники, мясники, зеленщики, землекопы и пр., а онъ имъ съ высоты „товаришескихъ“ плечъ произно-

силъ рѣчь о тактикѣ большевистской фракціи социаль-демократической партіи. Да, да, это было великолѣпно! Клянусь въ этомъ! Гурко не былъ столь великолѣпенъ въ тотъ моментъ, когда обругалъ хулиганами тѣхъ, кого Верховная власть признала лучшими людьми. Толпа стояла въ безмолвіи—безъ шапокъ. Кое-кто въ благоговѣйномъ восторгѣ творилъ даже крестное знаменіе—корректорская рѣчь о большевистской тактикѣ, видимо, проникала въ самое нутро. „Волкъ его заѣшь! ишь, какъ говоритъ!—слышался шепотъ,—инда подъ печенку хватаетъ“. А дорвавшійся до возможности поговорить корректоръ, такъ и заливался соловьемъ за-летнымъ.

— Понялъ, какое отношеніе имѣетъ природа къ мерзавчикамъ?—съ беззвучнымъ хохотомъ обратился ко мнѣ бѣсъ.—Природа не терпитъ никакой пустоты даже въ мозгахъ и стремится заполнить ее хотя-бы изъ мерзавчиковъ... Я полагаю, что для этой цѣли ста семидесяти пяти билліоновъ мерзавчиковъ мало... Слишкомъ много пустоты, ты, кажется, видишь это воочію; поэтому пойдѣмъ въ мѣста, отсюда отдаленныя, и увеличимъ совмѣстно акцизное двѣнадцатизначное число! Природа не терпитъ пустоты и постоянно стремится замѣнить въ двѣнадцатизначномъ числѣ послѣдній нуль значущими единицами.

Я, положительно, не смѣлъ вѣрить своимъ ушамъ... Какъ! Бѣсъ, трезвенникъ-абсолютистъ, существо, у котораго въ жилахъ течетъ не человѣческая кровь, и вдругъ предлагаетъ увеличить число уничтоженныхъ въ Россіи мерзавчиковъ! Право, это нѣчто непостижимое!.. Однако, перспектива единенія съ бѣсомъ на почвѣ мерзавчика показала мнѣ столь заманчивой, что я поспѣшилъ согласиться и мы стали уходить, не дожидаясь корректорской рѣчи о тактикѣ большевистской фракціи социаль-демократической партіи.

Существуетъ разсказъ о томъ, какъ палачъ велъ на висѣлицу большевика и меньшевика. По дорогѣ они заспорили о тактикѣ и у висѣлицы попросили палача обождать немного съ повѣшеніемъ, дабы они могли покончить свой споръ. Палачъ согласился. Онъ былъ пьянъ и заснулъ. Проснулся онъ на другое утро. Большевикъ и меньшевикъ продолжали свой споръ. У палача тре-

щала голова, нужно было спѣшить опохмелиться. Тогда онъ повѣсилъ спорщикова и пошелъ въ кабакъ.

Не правда-ли, весьма поучительная сказочка для дѣтокъ старшаго возраста? Навѣрное, она войдетъ въ слѣдующее изданіе висковатовскихъ „Сказокъ бабушки Татьяны“, пока-же приходится довольствоваться ея изустной передачей и бѣгомъ, стремглавъ, бѣжать отовсюду, гдѣ какой-нибудь вдохновенный корректоръ, позабывъ объ анкроморскихъ битвахъ съ попавшими не на свое мѣсто ятями, запятыми и пр., начнетъ выкладывать свои соображенія о тактикѣ большевистской фракціи.

Мы съ бѣсомъ такъ и сдѣлали. И вотъ, когда мы были уже въ отдаленности отъ Таврическаго дворца, до насъ донесся ревъ восторга. Ломовики, крючники, желтоглазые, мясники, зеленщики, трактирные шестерки, „сознательные товарищи“ и пр., и пр. ревели отъ „сознательнаго“ восторга при вѣсти о томъ, что предсѣдателемъ думы избранъ Феденька Головинъ...

— Между двухъ розъ репейникъ вросъ,—пробормоталъ бѣсъ, когда и до него донеслось это извѣстіе.

Я только что хотѣлъ подѣлиться съ бѣсомъ моими соображеніями относительно этого, какъ вдругъ мы оказались въ живой лавинѣ. Вокругъ насъ очутились, очевидно, „сознательные“. По крайней мѣрѣ, они въ большинствѣ были пьяны и находились въ степени не нужной бурливости и безцѣльнаго протеста, т. е., весьма близкой къ алкоголическому трансу. Этимъ мой бѣсъ и объяснилъ сначала (замѣтите только: сначала!) и привязанные къ палкамъ красные доскуты, и многія совершенно не имѣвшія въ данный моментъ почвы восклицанія. Именуемая „курсистками“ дѣвнцы составляли прекрасный элементъ толпы и ея мишень для остроумія всевозможныхъ Аяковъ, смѣло и во всеуслышаніе увѣрявшихъ, что эти особы въ древнемъ Римѣ не были-бы жрицами строгой богини Весты.

При второмъ и слѣдующемъ впечатлѣніяхъ у меня создавалась мысль о правительственной провокаціи; я никакъ не могъ представить себѣ, что мои любезные соотечественники въ самомъ дѣлѣ рѣшились разыграть роль матадоровъ и дразнить и безъ того-то ужъ разъяреннаго быка, какъ разъ въ то время, когда „тор-

реадоръ даже еще и не стремится въ бой“. Но вскорѣ я убѣдился, что, пожалуй, любезные соотечественники въ самомъ дѣлѣ матадорствуютъ сами, и матадорствуютъ исключительно ради, ради... ужъ неизвѣстно ради чего... ради чьихъ-то прекрасныхъ глазъ, ради любви къ искусству, ради наслажденія быть выпоротыми полицейскими нагайками. Последнее „ради“ заслуживаетъ наибольшаго вѣроятія. И последнее ихъ желаніе было исполнено.

Я поспѣшилъ удалиться, но мой бѣсъ изъ непонятнаго въ немъ чувства любопытства остался въ толпѣ и... и я увидѣлъ его лишь на слѣдующее утро.

Конечно, нашъ планъ времяпрепровожденія весь разстроился и я проворочался съ бока на бокъ всю ночь, беспокоясь за участь друга... Онъ вернулся лишь на слѣдующее утро. Но, Боже мой, въ какомъ видѣ! Для меня не было никакого сомнѣнія, что на немъ поработала не одна полицейская нагайка. Конечно, я изъ чувства деликатности сперва не рѣшался его спрашивать, но такъ какъ говорить о чемъ-либо все-таки было нужно, то я все-таки предложилъ вопросъ:

— Но кто-же такъ удручилъ тебя?

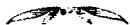
Бѣсъ нахмурился, приложилъ арники къ своимъ „фонарямъ“ и неохотно отвѣтилъ:

— Ты слышалъ корректорскую рѣчь о тактикѣ, слышалъ визги толпы „сознательныхъ“, „протестующихъ“ противъ угнетенія свободы. Такъ вотъ это—послѣдствія моего пребыванія среди г.г. „сознательныхъ“... Впрочемъ, все это подстать всему остальному, точно такъ же, какъ „ка-детъ“, предсѣдатель думы, очутившійся среди двухъ своихъ товарищей: социаль-демократа изъ провинціальной мурьи и трудючка оттуда-же... Посмотри!

И онъ показалъ мнѣ фотографію, на которой г. Головинъ былъ изображенъ посреди гг. Березина и Познанскаго.

„Межь двухъ прекрасныхъ розъ—репейникъ вросъ“—невольнo припомнились мнѣ загадочныя слова бѣса, произнесенныя имъ въ день открытія государственной думы...

Мой другъ, навѣрно, обладалъ даромъ провидѣнья.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Катастрофа въ думѣ. Иллюстрація момента	3
Около думы. Статья <i>А. И. Красницкаго</i>	5
Въ ожиданіи. Стих. <i>А. Лавскаго</i>	9
Первыя засѣданія второй государственной думы	10
Печать о думѣ	21
Въ день открытія второй государственной ду- мы. Статья <i>В. А. Пинчука</i>	31
Мысли о думѣ. Статья <i>П. Короткевича</i>	33
Думскія картинки.	40
„Сѣрая“ дума. Статья <i>В. А. Клейна</i>	45
Завѣтъ. Стих. <i>Т. Славича</i>	47
Дума и жизнь. Статья <i>Н. В. Владимірова</i>	48
провѣрка выборовъ и суды для провѣрки вы- боровъ. Статья <i>Л. Фульда</i>	54
Вторая сессія государственнаго совѣта	58
Жизнь и дѣятельность партій	61
Революціонеры справа. Статья <i>Н. В. Алексѣева</i>	66
Неоконченныя дѣла	72
Плевелы высшей школы. (Политиканствующіе сту- денты). Статья <i>Н. В. Сосницкаго</i>	84
Молодежи. Стих. <i>И. Юрьевскаго</i>	89
Тайна теріокскаго выстрѣла. (Дѣло объ убійствѣ государств. выбор. <i>М. Я. Герценштейна</i>)	90
Въ мірѣ слова и искусства. Художественная вы- ставка	102
Между двухъ розъ репейникъ вросъ. Впечатль- ніе <i>А. Эльскаго</i>	106

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА РУССКИХ КЛАССИКОВЪ

изданія А. А. Каспари, выходящая, какъ ОСОБОЕ ДОПОЛНЕНИЕ „РОДИНЫ“,

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для гг. ПОДПИСЧИКОВЪ

по слѣдующей льготной и удешевленной цѣнѣ:

I.

А. С. ПУШКИНЪ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тишеныхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

II.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

За пересылку КАЖДАГО изъ этихъ 4-хъ изданій прилагается отдѣльно: для мѣстъ Европейской Россіи—50 к., для мѣстъ Азіатской Россіи—60 к.

ОСОБАЯ ЛЬГОТА.

Цѣна, живущія въ Европейской Россіи, при совмѣстной выпискѣ двухъ изданій русскихъ классиковъ платятъ: за Гоголя и Жуковского вмѣстѣ 2 р. 50 к., за Гоголя и Пушкина 2 р. 90 к., за Гоголя и Загоскина 2 р. 60 к., за Жуковского и Пушкина 2 р. 90 к., за Жуковского и Загоскина 2 р. 90 к., за Пушкина и Загоскина 3 р. 30 к. При выпискѣ всѣхъ четырехъ изданій, т. е., сочин. Гоголя, Жуковского, Пушкина и Загоскина вмѣстѣ платятъ 5 р. 80 к. Лица, живущія въ Азіатской Россіи, ввиду дороговизны пересылки, уступкой не пользуются.

V.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 р. съ пересылкой.

VI.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Полное собраніе сочиненій. Съ иллюстраціями акад. М. О. Микѣшина и художн. В. Полькова. Спб., цѣна въ перепл.—1 р., въ колѣнкоромѣ переплетѣ—1 р. 50 к. съ перес.

VII.

Полное собраніе стихотворныхъ произведеній знаменитыхъ русскихъ поэтовъ эпохи Пушкина:

барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынскаго, Л. В. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, К. Ф. Рытѣева, Д. В. Веневитинова и А. И. Полежаева.

въ двухъ томахъ. Цѣна этихъ двухъ томовъ, содержащихъ собраніе стихотвореній всѣхъ СЕМИ вышеуказанныхъ ПОЭТОВЪ, безъ перепл. 1 р., въ перепл. 1 р. 40 к. За перес. въ Европ. Россію—50 к., въ Азіатскую—60 к.

Требованія адресуются въ

Книгоиздательство А. А. Каспари

С.-Петербургъ, Дыгоская ул., соб. д., 114., при главной конторѣ журнала „Родина“ или въ ея отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20 и 2) Москва, Петровскія, линія, противъ гостиницы „Россія“.

Гражданское заведеніе А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Дыгоская ул., соб. д., № 114.

III.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

IV.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Полное собраніе историческихъ и бытовыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и очерковъ въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тишеныхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

VIII.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Полное собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. съ пересылкой.

IX.

И. А. КРЫЛОВЪ.

Собраніе сочиненій (басни, комедіи и проч.) Ц. въ переплетѣ 1 р. съ пересыл.

X.

Императрица Екатерина II.

Полное собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. съ пересылкой.

XI.

А. Г. ВИТКОВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Цѣна 2 рубля съ пересылкой.

XII.

МАРЛИНСКІЙ

(А. А. БЕСТУЖЕВЪ).

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ за 1 руб. безъ переплета, а въ двухъ переплетахъ—1 р. 40 к. За пересылку въ Европ. Россіи—50 к., въ Азіатской—60 к.